

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный аграрный университет
имени Н.И. Вавилова»**

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

КУРС ЛЕКЦИЙ

Саратов 2014

УДК 93
ББК 63.2

Ш-18 **Источниковедение:** учебное пособие для аспирантов / Автор-составитель Н.В. Шалаева. – Саратов, 2014. – 101 с.

Курс лекций по дисциплине «Источниковедение» составлен в соответствии с требованиями ФГОС ВО и предназначено для аспирантов, обучающихся по направлению 46.06.01 Исторические науки и археология, профиль подготовки «Отечественная история». Пособие содержит материал по основным вопросам и проблемам источниковедения и рассматривает основные виды источников, применяемых при написании кандидатских диссертаций, принцип их классификации, способы хранения и обработки. Пособие направлено на формирование у аспирантов навыков профессионального анализа и работы с историческим источником.

Материалы пособия распределены по соответствующим рабочей программы темам, содержание которых раскрывается с учетом современной их трактовкой в научной литературе.

© Н.В. Шалаева, 2014

© ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2014

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с учебным планом по направлению подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология, профиль подготовки Отечественная история дисциплина «Источниковедение» включена в вариативную часть профессионального цикла ОПОП ВО.

К исходным требованиям, необходимым для изучения дисциплины «Источниковедение», относятся знания, умения и виды деятельности, сформированные в процессе изучения истории и вспомогательных исторических дисциплин при получении высшего профессионального образования.

Целью освоения дисциплины «Источниковедение» является формирование у аспирантов навыков владения методикой и техническими приемами комплексного источниковедения, навыками критики исторических источников и их применение в профессиональной деятельности.

Структура дисциплины включает в себя следующие разделы: источники средневековой Руси; источники Нового времени; источники XIX в. Источники XX в.

Выпускник, освоивший программу аспирантуры, должен обладать следующими универсальными компетенциями:

- «способностью к критическому анализу и оценке современных научных достижений, генерированию новых идей при решении исследовательских и практических задач, в том числе в междисциплинарных областях» (УК-1)

- «способностью самостоятельно осуществлять научно-исследовательскую деятельность в соответствующей профессиональной области с использованием современных методов исследования и информационно-коммуникационных технологий» (ОПК-1);

- «способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин, историографии и методов исторического исследования, теории и методологии исторической науки» (ПК-4);

- «способностью осуществлять поиск информации, формировать и анализировать на уровне экспликации парадигмальных оснований научную базу исследований, и применять их результаты при решении конкретных образовательных и исследовательских задач» (ПК- 5).

В результате освоения дисциплины аспирант должен:

знать: методики источниковедческого анализа, извлечения из источников достоверной научно-значимой информации; основные теоретические и методические вопросы источниковедения; особенности видовых групп источников; основные конкретные исторические источники по видовым группам; методы поиска источников в архивах;

уметь: применять разнообразные методики источниковедческого анализа; классифицировать исторические источники; использовать исторические источники в исследованиях; применять методику поиска источников в архивах; осуществлять источниковедческий синтез; использовать полученные знания в общеобразовательной, культурно-просветительной, экспертно-аналитической и иной научной, образовательной и просветительской деятельности;

владеть: технологиями научного анализа, использования и обновления знаний по источниковедению; историческими понятиями и терминами; навыками анализа исторических источников; технологиями научного анализа, использования и обновления знаний по источниковедению; приемами ведения дискуссии и полемики.

Общая трудоемкость дисциплины включает 3 зачетных единицы (108 часов, из них аудиторная работа – 54 часа, самостоятельная работа – 54 часа.).

ТЕМА 1

Источник и источниковедение в историческом познании

Источниковедение складывалось как особая дисциплина прежде всего в рамках методологии исторического исследования, поскольку именно историческая наука систематически использует для целей познания исторические источники. В ходе своего становления источниковедение обобщает научно-исследовательский и публикаторский (археографический) опыт, накапливавшийся в процессе работы с литературно-художественными, философскими, правовыми произведениями в классической филологии, философской герменевтике, литературоведении и лингвистике, истории права и других областях знания. Издавна сложилась особая группа дисциплин, накопивших опыт работы с отдельными видами источников, – так называемых вспомогательных исторических дисциплин. Они помогают исследователям правильно читать тексты, идентифицировать их, подготавливать исторические документы к научному изданию и использованию. Традиционно источниковедение связано с исследовательской деятельностью историка, и поэтому иногда говорят именно об историческом источниковедении, исторических источниках. Однако в настоящее время очевидно, что проблемы, которые специально разрабатывает источниковедение, рассматриваются не только в исторической науке, но в гораздо более широком междисциплинарном пространстве гуманитарных исследований. Вместе с тем методы источниковедения важны для многих областей гуманитарного знания. Поэтому изучение проблем источниковедения следует начать не с истории его формирования, а с вопросов теории – его теоретико-познавательных (эпистемологических) оснований.

Источниковедение в настоящее время представляет собой особый метод гуманитарного познания. Гуманитарное познание имеет целью приращение и систематизацию знаний о человеке (во всей полноте и целостности этого феномена) и обществе (феномене человечества в его временном и пространственном единстве). Общим целям служат и методы источниковедения. Источниковедение совершенствует свои методы и познавательные средства в соответствии с общими эпистемологическими (теоретико-познавательными) принципами гуманитарного познания и, в свою очередь, обогащает знание о человеке и человечестве специфическими познавательными средствами. Методология источниковедения представлена системой знаний, сложившихся первоначально прежде всего в исторической науке, а также в других гуманитарных науках. Она обладает единством теоретических постулатов, историко-практическим опытом развития и исследовательским методом.

Источниковедение имеет свой специфический предмет и использует особый метод познания объективной реальности. Как известно, в объективной реальности существуют как природные объекты, возникающие вне человеческой деятельности и независимо от нее, так и объекты культуры, созданные в процессе целенаправленной, осознанной деятельности людей. Объекты культуры создают, обрабатывают, лелеют люди, преследующие при их создании конкретные практические цели. Именно эти объекты несут особую информацию о людях, их создавших, и о тех типах общественных организаций, человеческих сообществ, и которых эти цели ставились и реализовались. Объекты, созданные природой вне участия человека, источниковедение специально не изучает, поскольку не располагает для этого специальными (естественно-научными) методами. Для получения дополнительной информации оно обращается в том числе к естественно-научным областям знания. Изучение объектов культуры как источников информации о человеке и обществе есть главная задача источниковедения.

В результате люди накапливают повседневный опыт и передают его последующим поколениям. Для этого они кодируют информацию в материальных объектах (создавая документ, запись, рисунок, изделие, произведение), т. е. в *фиксированных источниках информации*. Этот момент является принципиально важным для понимания метода

источниковедения. Это метод познания окружающего мира через фиксированные источники информации. Способность создавать произведения делает человека - Мастером, создателем, творцом; дает ему возможность осознать себя, свою власть над временем и пространством. Она дает ему такой способ общения с себе подобными, каким не располагают другие живые существа. Именно поэтому можно говорить о человеке разумном как создателе и в той степени, в какой человек сознает в себе эту способность, как о художнике и мастере. Потребность в творчестве - передача в материально-фиксированной форме (вещь или запись - изображение или обозначение) является подлинно человеческой особенностью. Человек всегда инстинктивно осознает ее как насущную.

Невозможность ее реализации разрушает его как личность, и, напротив, любая возможность творчества служит для его самоидентификации. В этом смысле источниковедение опирается на сущностное человеческое свойство и потому является антропологически ориентированным методом познания реального мира. Использование изделия, произведения, созданной человеком вещи как источника информации о нем (и о его времени и его пространстве) изначально присуще человечеству, поэтому и воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Как это ни парадоксально, люди долго не задавались вопросом о том, каким образом эта информация добывается, что при этом происходит.

Источниковедение изучает эти вопросы целенаправленно. Таким образом, источниковедение есть особый научный метод познания реального мира. В центре внимания оказывается познавательное пространство, в котором реализуется данный способ познания мира: как именно человек (познающий субъект) находит и изучает объект (служащий ему источником познания), какие вопросы при этом он ставит, какой логикой руководствуется, добываясь ответной информации, иначе говоря - каким методом пользуется? Источниковедение рассматривает вопрос, о котором люди долгое время не задумывались: что, собственно, происходит при изучении информации исторических источников. Постоянно обращаясь к данному способу познания реального мира, социальная практика накопила богатый опыт общения

Наука – достоверное и систематизированное знание о действительности - не может обойти молчанием вопрос о своем объекте. Предполагается, что он познаваем научными средствами, если существует как явление, имеющее определенные свойства: доступность наблюдению; стабильность (обуславливающая возможность многократного обращения); независимость от исследователя (процедура исследования не влияет на эти свойства). Разумеется, любая наука исходит из общих методологических предпосылок относительности познания, но тем не менее в науках о природе реальность вещи в себе не оспаривается, а путь к познанию прокладывается благодаря совершенствованию методов и техники исследования. Не столь однозначна познавательная ситуация в науках о человеке. Что, собственно, может выступать в качестве реального явления, доступного для научного анализа? В исторической науке, как известно, непосредственному наблюдению доступно весьма немногое. Что же касается явлений человеческого общения, то даже при условии их фиксации (устная история) или целенаправленного эксперимента (опрос, интервью и пр.) существуют огромные трудности познания, связанные и с интерпретацией полученных данных и с возникающим взаимодействием субъекта и объекта (подчас, как отмечают этнологи, меняющихся местами).

Сложные познавательные проблемы выступают на первый план в том случае, когда мы ставим вопрос о феномене человека и о будущем единой науки о человечестве. Человечество есть особенная, наделенная сознанием часть мирового целого. В свою очередь, оно может изучаться лишь как целое - эволюционное и коэзистенциальное целое человечества. Как при таком подходе решается вопрос об источниках познания этого целого? Как представить целостную совокупность источников познания, адекватную данной познавательной цели?

Науки о человеке располагают объектом, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для наблюдения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Имеется в виду целостная совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками познания (в традиционной терминологии историческими источниками). Эти произведения (исторические источники всех типов, видов и форм фиксации) представлены в материальной форме. Как объекты исследования, они независимы от познающего субъекта, потому что созданы для других целей и в другое время; в своей совокупности они отражают взаимодействие человека с природой, обществом, государством и с другим человеком, реализующееся в глобальной человеческой истории

Важно подчеркнуть, что произведения, созданные людьми определенной эпохи (страны, среды, культуры), в момент их создания и последующего функционирования соотносены между собой. Каждое из них может быть интерпретировано лишь с учетом этих системных связей. Данное положение еще недостаточно осознано и мало изучено. Любая наука - история, социология, психология - обращается к источникам социальной информации, но делает это, как правило, избирательно, под углом своих конкретных познавательных целей. Совокупность произведений, рассматриваемых как целостный системный объект, как исторический источник, является предметом источниковедения.

Для источниковедения (как науки об источниках) эти произведения выступают и как объект, и как предмет изучения. Источниковедение исследует произведения, созданные людьми целенаправленно и осознанно, как целостный, внутренне взаимосвязанный объект, как совокупность с присущими данной эпохе (культуре) типологическими и видовыми свойствами, способами функционирования, особенностями информационного поля.

Изучая свойства источников, источниковедение на реальной основе разрабатывает методы получения разнообразной социальной информации, ее критической проверки и истолкования и формирует критерии оценки произведений как явлений культуры. Поэтому источниковедение для историка (социолога, этнолога и пр.) не только вспомогательная дисциплина, как это представлялось традиционной методологией истории, но самостоятельная область знания, наука об источниках. Она разрабатывает (пока еще не всегда целенаправленно) специфические теоретико-познавательные проблемы, имеющие фундаментальное значение. Поэтому представитель гуманитарного знания должен ясно представлять себе, что такое источниковедение, его метод и каковы перспективы его развития. Источники составляют объективную основу гуманитарных наук как наук о человеке и его деятельности.

Ключевым моментом источниковедческой парадигмы методологии истории является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры. В свою очередь, это ориентирует на системное изучение источников, на обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе социальные, психологические, эколого-географические, коммуникационно-информационные, управленческие и другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения. Эта концепция, направленная прежде всего на изучение первоисточников и творчески развивающая идеи междисциплинарного подхода к ним, создает основу целостного, системного изучения ряда специальных проблем исторических и политических наук, экономики и демографии, социальной психологии и менталитета в их специфических, всегда особенных, конкретных пространственно-временных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 2

Классификация исторических источников

Исторические источники – это все, отражающее развитие человеческого общества для его научного познания и несущее информацию о многообразных сторонах общественной жизни

Задачами источниковедения являются разработка на основе теоретико-методологических принципов и приемов (принципы историзма, объективности) изучения принципа адекватности источников в отношении исторической действительности, а также выработка методов выявления, отбора и последующей обработки, содержащейся в нем информации. При этом источниковедение в отличие от других исторических дисциплин разрабатывает наиболее общие приемы научной критики и методы работы исследователей со всей массой исторических источников.

Для этого нужно всесторонне изучить источник. Совокупность приемов такого анализа называется критикой источника. Внешняя критика источника – его вид.

Внутренней критикой источника, то наиболее важными ее элементами являются: датировка, авторство, место написания, особенности времени и условий написания, достоверность. Совокупность этих вопросов составляет, собственно, проблему происхождения источника.

Методика — это приемы анализа источника с целью выявления достоверной информации, это способы обработки полученной информации и наиболее рационального ее использования.

Основные элементы анализа источников: исторические условия возникновения источника; авторство; обстоятельства создания источника; история текста источника; история его публикации; анализ содержания.

С помощью этого набора приемов мы выясняем три главнейших момента: достоверность источника, его информационные возможности, методы наиболее рационального извлечения информации (это особенно относится к массовым источникам, требующим выработки определенной статистической обработки).

Изучение исторической обстановки, в которой появился документ, гораздо важнее для законодательных источников, нежели для делопроизводственных, допустим, таких, как протокол.

Как вид документа, протокол более независим, самостоятелен, сравнительно отчужден от эпохи, больше привязан к форме. А посему протокол 20-х годов мало чем отличается от протокола 70-80-х годов. И, напротив, такой документ, как Конституция, требует тщательного изучения эпохи, состояния общественного развития, потребности общества в юридических акциях и пр.

Проблема интерпретации первоисточника.

Содержание самого источника (условно говоря, «самотолкование» источника).

Очень важно не дать источнику, так сказать, повести вас за собой, т. е. поверить в буквальном смысле слова "на слово", о чем в нем говорится. Историк всегда полезно сохранять известную долю скепсиса, ибо наука, как известно, начинается с сомнения.

Толкование, которое дает вам через предисловие, комментарий посредник.

Между исследователем и источником всегда стоит толкователь: редакторы, составители сборников, авторы предисловий и комментариев. Они призваны помочь читателю сориентироваться в комплексе публикуемых документов, обратить внимание на самые важные стороны тех или иных документов. Задача полезная. И здесь все зависит от политической позиции, квалификации, научной добросовестности составителей и редакторов. Бывает так, что предисловием можно исказить сущность того или иного документа.

Классификация источников по типам и видам (по способу кодирования информации и её хранения)

- письменные
- вещественные
- этнографические
- устные
- лингвистические
- фотодокументы
- фотокинодокументы

Под видом исторического источника, как правило, понимается исторически сложившаяся совокупность источников, характеризующаяся одинаковостью внутренней формы (структуры), вытекающей из единства происхождения, содержания, назначения источника при его создании.

Видовое разнообразие письменных источников по отечественной истории следующее:

- летописи,
- законодательные акты,
- делопроизводственная документация,
- частные акты,
- статические источники,
- периодическая печать,
- документы личного происхождения (мемуары, переписка и т.д.)
- литературные памятники,
- публицистика,
- политические сочинения,
- научные труды.

Более общий характер имеет деление источников на массовые и уникальные. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов (статистика). Необходимо отметить, что по мере развития общества происходило изменение соотношения типов, видов источников: появляются новые типы источников (кино, фотодокументы), исчезают старые (летописи), формируются новые (статистические материалы, периодическая печать), т.е. источниковедение как специальная историческая дисциплина постоянно развивается, расширяя не только комплекс типов и видов источников, но и методологию предмета

1. Вещественные источники во всем их многообразии (от памятников археологии до современных машин и предметов бытового обихода).

2. Изобразительные источники:

а) художественно-изобразительные (произведения изобразительного искусства, искусства кино и фотографии);

б) изобразительно-графические;

в) изобразительно-натуральные (прежде всего фотографии, кинокадры).

3. Словесные источники:

а) разговорная речь;

б) памятники устного творчества (фольклор);

в) письменные памятники (включая эпиграфические) во всем многообразии содержания и формы видов и разновидностей.

К этому типу относятся и все фонодокументы, в той или иной мере фиксирующие "речь" человека.

4. Конвенциональные источники во всем их многообразии.

Сюда можно отнести все системы условных обозначений графическими знаками (ноты, знаки математической, химической и другой символики и пр.).

5. Поведенческие источники.

Визуально наблюдаемые (или воспроизводимые) обычаи и обряды (ритуалы) — коллективные и индивидуальные действия (трудовые, Семен-бытовые, праздничные и пр.).

6. Звуковые или аксиальные источники.

Архивное источниковедение имеет дело, так сказать, с «первозданным», «чистым» документом, созданным в недрах того или иного учреждения или написанным тем или иным частным лицом, если мы имеем дело с документами личного происхождения.

Разница и в действии принципов и приемов источниковедческого анализа в печатном источниковедении и в архивном источниковедении. Мы имеем дело с разной степенью частоты и интенсивности их применения. Проблема авторства.

То же самое можно сказать и в отношении установления даты написания документа, его происхождения, достоверности и пр. В такой работе арсенал источниковедческих приемов может быть расширен сверх обычного, особенно в сравнении с анализом печатных текстов; например, это исследование печатей, штампов, шрифтов, почерка и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 3 Критика источника

Источниковедческая критика – решающая стадия исследовательской работы над документами. Ее цель определить степень полноты и достоверности фактического содержания источника и создать предпосылки для извлечения из него достоверной информации.

Согласно современным представлениям методика источниковедческого анализа включает в себя следующие процедуры и операции:

1. Определение внешних особенностей источника;
2. Установление происхождения источника:
  - а) установление подлинности памятника,
  - б) выяснение истории текста, определение его оригинала и последующих вариантов, прочтение текста,
  - в) определение времени и места возникновения текста, установление его автора (атрибуция),
  - г) выяснение причин, целей и исторических обстоятельств появления текста, определение его социальных функций в прошлом;
- 3) Интерпретация или истолкование текста: выяснение смыслов текста, правильное его понимание;
- 4) Изучение фактического содержания письменного источника и выяснение его соответствия исторической действительности;
- 5) Источниковедческий синтез памятника.

В настоящей последовательности первые три процедуры, включая истолкование текста, по сути, составляют внешнюю критику источника. Заключительная фаза источниковедческой критики представляет критику внутреннюю.

Установление внешних особенностей письменного памятника помогает определить его подлинность и датировать текст. Эта процедура включает в себя выяснение материала письма (бумага, пергамен, ткань, береста и т.д.), орудий письма или печати, вида письма, почерка или шрифта и внешнего оформления текста. При определении внешних черт памятника используются данные и методы палеографии, сфрагистики, филиграневедения и ряда других вспомогательных исторических дисциплин.

Самой существенной из внешних особенностей, безусловно является вид письма. Русское письмо менялось с течением времени. И поэтому даже самое общее представление об этапах его развития дает возможность датировать текст. Наиболее древним видом письма на Руси был устав, бытовавший в XI-XV столетиях. с XIV до начала XVI века использовался полуустав. В период формирования и укрепления централизованного русского государства распространилась скоропись XVI-XVII вв. В XVIII столетии утвердился упрощенный тип скорописи. Далее специалистами выделяются гражданское письмо XIX начала XX вв. и с 1918 года современное письмо.

Первоначально в качестве материала письма использовались пергамен, береста, дерево. В XIV веке на Руси появилась бумага иностранного производства. С XV столетия бумага стала основным письменным материалом. Русская бумага вошла в обиход в начале XVIII века. При производстве каждый полный бумажный лист помечался водяным знаком (филигранью). Восстановив водяной знак, можно датировать текст. Это помогут сделать специальные справочники по филиграням. Чернила, которыми писались средневековые рукописи, обычно были бурого или коричневого цвета. Встречались и черные. В качестве орудий письма писцы использовали гусиные перья.

Большинство рукописных памятников XI-XVII вв. было оформлено в виде книг, грамот и свитков. Старые книги отличались форматом, зависящим от величины бумажного листа. Использовались форматы в 1/4; 1/8; 1/16 и 1/32 листа. Как правило, рукописные книги составлялись из тетрадей по 16 страниц. Тетради нумеровались.

Переплет книги делался из деревянных досок, которые обязательно обтягивались кожей или тканью. Грамоты писались на отдельных листах, с одной стороны. Если одного листа не хватало, то к нему снизу подклеивались другие листы и в итоге получался довольно длинный свиток. При хранении свитки ставились столпцами (столбцами).

К элементам внешнего оформления текста относятся также менявшиеся со временем украшения рукописей: вязи, орнамент и миниатюры. Вязью назывался особый декоративный стиль письма, имевший определенное соотношение высоты буквы к ее ширине и характерные завитушки. Под рукописным орнаментом специалисты понимают совокупность составляющих его элементов: инициал, заставку, концовку и украшения на полях. Инициал красиво вырисованная начальная буква текста. Кроме инициала вверху размещалась заставка орнаментированный рисунок в начале текста. Часто орнаментированный рисунок помещался и в конце текста. Это концовка. Исполненный в определенном стиле орнаментальный рисунок располагался и на полях. Во многих рукописях исполнялись раскрашенные рисунки миниатюры (лица). Расписанные миниатюрами рукописи именовались лицевыми.

При необходимости разбираются и другие внешние данные письменного свидетельства. Рассмотрев внешние особенности памятника, можно приступить к установлению его происхождения.

Источник – это порождение функционировавших в прошлом социокультурных систем, корпораций и учреждений. Прошлое в письменном памятнике это представленный в нем результат их функционирования и взаимодействия. И восстановить прошлое означает реконструировать отображенный в документе социокультурный комплекс и связанные с ним социальные отношения. Поэтому весьма важно определить происхождение источника. Ибо, в конечном счете, только это даст возможность оценить природу его субъективности, определить степень достоверности его данных и получить фактический материал для создания исторической картины.

Таким образом, процедура направлена на то, чтобы установить породившую данный источник социокультурную систему и изучить условия и историю социоинформационного функционирования его текста в прошлом. Она включает в себя следующие операции

- а) установление подлинности памятника,
- б) выяснение истории текста, определение его оригинала и последующих вариантов, прочтение текста,
- в) определение времени и места возникновения текста, установление его автора (атрибуция),
- г) выяснение причин, целей и исторических условий появления текста, определение его социальных функций в прошлом.

Кратко рассмотрим содержание каждой из данных операций.

Историк работает только с подлинным источником. Поэтому реальный источниковедческий анализ начинается после установления его подлинности. Это ключевая операция. Вызвана она наличием большого количества поддельных и недостоверных документов. Подделки являются не тем, на что претендуют: быть источником по истории заявленной социокультурной системы, они представляют иные общественные явления. Поэтому за установление подлинности свидетельства принято считать определение его истинной социокультурной принадлежности. Другими словами, определить подлинность – значит установить, действительно ли он отображает заявленную социокультурную систему и возник в определенное время и в определенном месте.

Такова суть определения подлинности исследуемого источника. Далее необходимо очертить круг приемов и средств, используемых в данной операции. Для чего следует разобраться со способами фальсификаций. По своей сущности их можно разделить на фальсификации по содержанию и подделки по форме. К первым относятся полностью

подделанные документы. Часть из них может быть исполнена с соблюдением внешних признаков достоверности (почерка, печатей и т.д.). Распознаются подделки по содержанию содержательно-культурным анализом.

Подделки по форме имеют обычно подлинное содержание. Но у части из них сфабрикованы внешние признаки. Другие, будучи подлинными по внешнему исполнению, включают в себя поддельные вставки текста, записи, пометки писцов и т.д. Так больше подделывались летописи, грамоты и делопроизводственные документы. Как показывает опыт, чаще фальсифицировалась форма. Поэтому в установлении подлинности источника большую роль играет анализ его внешних черт: материала, письма, оформления. Также используются имеющиеся в тексте хронологические и метрологические данные, формуляр или структура текста, его стилевые особенности. При необходимости учитывается содержательная информация: недостоверные сведения, ошибки, логические противоречия, разночтения и культурные несоответствия.

Установив, что источник подлинный, историк приступает к изучению его текста. Самое важное в письменном источнике его текст. По определению текст есть логически связанная последовательность предложений, образующая сообщение. Он выстраивается по законам данного языка и с учетом используемой знаковой системы. Именно письменное сообщение является остатком и представителем реконструируемой социокультурной системы. Поэтому работа с ним главная предпосылка восстановления отраженных в источнике исторических фактов.

Дошедший до исследователя текст в процессе своего функционирования в прошлом подвергался неоднократным авторским, редакторским и цензурным правкам. Многие тексты тиражировались или копировались. И историк обычно имеет дело с несколькими вариантами одного текста. Житие Александра Невского, например, дошло до исследователей в 15 редакциях и сотнях списков. Поэтому прежде чем начать работу с текстом, историк изучает его историю. Он определяет оригинальный, авторский экземпляр, устанавливает более поздние отредактированные (подцензурные) варианты. Редактирование текста придавало ему определенную политическую направленность. Кроме того, исследователь выявляет все копии и списки. Копией считается полное повторение текста, списком приблизительное или выборочное его переложение. Далее историк работает с оригиналом. Если таковой отсутствует, то исследователь восстанавливает его, очищая от позднейших редакторских и цензурных наслоений, либо реконструирует по копиям и спискам, устраняя ошибки и вставки переписчика.

Получив или восстановив оригинал, историк приступает к его прочтению. Предварительно средневековый текст кодифицируется: его делят на слова и предложения, расставляют знаки препинания. Затем текст как можно ближе к оригиналу переводится на современный русский язык. При переводе очень важно найти точное значение употребленных в сообщении слов, терминов и выражений, не обращая внимания на сходство многих старославянских и русских слов. На деле очень часто их значение различно, поэтому обязательно следует работать со словарями.

После того как текст восстановлен и переведен, следует приступить к изучению внешних обстоятельств его появления.

Время и место возникновения, авторство – это фундаментальные внешние характеристики письменного свидетельства. Они определяют пространственно-временные и культурные рамки заключенных в источнике исторических фактов и создают решающие предпосылки для оценки достоверности его сведений. Рассмотрим в отдельности каждую из отмеченных операций.

Большинство русских документов средних веков и нового времени имеют дату в тексте, штампе или около подписи. Она берется за истинную. Однако, когда историк работает с копией или редакцией текста, он должен выяснить, не является ли эта дата временем составления данного варианта.

В текстах XI-XVII столетий цифры и числа обозначались буквами старославянского алфавита. А сами даты записывались в летоисчислении от Сотворения Мира. Поэтому сначала нужно обозначить дату современными цифрами, а затем перевести ее в современную христианскую систему исчисления от Рождества Христова. Правила перевода следующие. До 1492 года (это 7000 г. от С. М.) на Руси новый год начинался 1 марта. Для этого периода от даты с марта по декабрь следует отнимать 5508; с января по февраль отнимать 5507. С 1492 года новый год отсчитывался с 1 сентября. При сентябрьском новом годе для времени с января по август нужно отнимать 5508; для периода с сентября по декабрь 5509. Историк также должен уметь переводить даты из старого юлианского календаря в новый григорианский стиль, который был введен в России 1 января 1918 г. Для этого к дате в старом стиле необходимо прибавить для XX века 13 дней, для XIX в. 12, для XVIII в. 11 и для XVII в. 10 дней. При хронологической обработке письменного свидетельства используются и другие сведения исторической хронологии.

Случается так, что в документах нет прямых указаний на время их создания. В таких случаях историк использует косвенные методы датировки, привлекая данные палеографии, филиграневедения, нумизматики, геральдики, исторической метрологии, исторической лингвистики и других вспомогательных исторических дисциплин. Один из самых важных косвенных приемов датировка по внешним признакам текста: письму, материалу, водяным знакам, оформлению.

Определить дату создания документа можно также по упоминаемым в нем событиям, лицам и учреждениям, по титулам и чинам, по использованным в тексте физическим мерам и печатям, по спискам и реестрам бумаг, по словарному составу и диалектным особенностям языка. В некоторых случаях датировать помогают астрономические и другие данные. И все же чаще положительный результат дает комплексное применение косвенных приемов. Яркий пример такого подхода датировка «Слова о полку Игореве». По упоминаемому в его тексте солнечному затмению установили, что поход был в мае 1185 года. С другой стороны, о князьях Ярославле Галицком и Владимире Глебовиче Суздальском, умерших в 1187 году, говорится как о живых. Из чего был сделан вывод, что Слово создано в 1185-1187 годах.

Следующий шаг в источниковедческой работе определение места возникновения анализируемого документа.

Определение места создания письменного свидетельства имеет очень большое значение. Локализация источника помогает выяснить причины, цели, историко-культурные и местные условия его возникновения и существования, найти автора и, в конечном счете, правильно истолковать его содержание. При работе с пространственной информацией историк должен знать политическое и территориальное деление страны, ее географию, топонимику, местные особенности культуры и языка в изучаемое время и в их историческом развитии. Поэтому для локализации документа он привлекает данные исторической географии, исторической топонимики и исторической лингвистики. Вместе с ними исследователь часто использует материалы исторической метрологии, палеографии, геральдики, сфрагистики и ряда других вспомогательных исторических дисциплин.

В ряде источников есть прямые сведения о месте происхождения. Чаще всего это топонимы – собственные имена предметов и участков местности: населенных пунктов (ойконимы) и рек (гидронимы). Как правило, указанные топонимы идентифицируются (сличаются). Однако, во многих средневековых документах нет прямых пространственных указаний. Тогда для локализации применяют имеющиеся в них косвенные данные. И прежде всего, этнонимы названия народов и племен. В этой группе названий важны этнотопонимы имена народов, перенесенные на географические объекты и топонимы названия мест, перенесенные на народ.

В ряде случаев как локализирующие признаки рассматриваются антропонимы прозвища, имена и фамилии людей, образованные от названий мест. Обычно они указывают на происхождение и принадлежность человека к той или иной области, городу, местности. Так, по месту владения чаще всего получали фамилии князья, бояре, служилые и торгово-промышленные люди: Галицкие, Шуйские, Муромец, Казанцев, Пермьяков и т.д.

В средневековой Руси долгое время сохранялось разнообразие местных систем физических мер. Это также можно использовать для локализации письменных памятников. Так, в Новгороде вплоть до конца XV столетия объемы сыпучих тел измерялись коробьями и четвериками. В остальной Руси единицами были кадь, половник, четверть и осьмина.

Косвенно о месте возникновения документа часто свидетельствуют местные особенности формуляра (для актов), печатей, гербовых знаков и внешнего оформления текста.

После локализации письменного известия историк обращается к установлению авторства.

Определение автора (атрибуция) письменного источника ключевая задача внешней критики. Установив автора или составителя документа, можно получить более точные представления о месте, времени, причинах и условиях его возникновения и полнее раскрыть его социальную и политическую направленность. Изучив мировоззрение, практическую деятельность и социокультурную принадлежность автора, историк сможет правильно истолковать текст и определить степень достоверности сообщенных в нем сведений. Важна даже неполная не персонифицированная (корпоративно-культурная) атрибуция источника.

Автор - это активный творец, создатель текста. Он вкладывает в произведение свои цели, замысел, ценности и способы их реализации. Автором может быть, как отдельный человек, так и коллективный субъект: корпорация, государственное или общественное учреждение, социокультурная общность. Коллективными творениями были, прежде всего, остатки функционирования общественных систем: законодательные, делопроизводственные, актовые и статистические материалы, периодика и многие летописные своды. Отпечаток общего, той социокультурной системы, к которой принадлежит автор, безусловно, лежит и на индивидуальном произведении.

Довольно часто имя автора определяется на основе прямых показаний источника. Так это было в случае с сочинениями Ивана Пересветова (XVI век). К числу собственных имен человека (антропонимов) относятся личное имя, прозвище, фамилия, псевдоним и криптоним (зашифрованное имя). Личные имена – это имена, которые присваивались при рождении и были известны обществу. Главным было каноническое личное имя. Это настоящее, христианское имя. Оно давалось по церковному календарю, при крещении и было тайным. Так, Ярослав Мудрый по некоторым данным имел тайное, каноническое имя Георгий (Юрий). Неканоническое, мирское имя использовалось в обыденной жизни. Первоначально оно было языческим, позже стала применяться сокращенная форма христианского имени: Никола от Николая, Нефед от Мефодия и т.д. Прозвища чаще выражали качества и происхождение своих носителей: Кобыла, Чудин, Ждан, Незван и т.д.

Важной частью имени постепенно стало отчество (патронимическое прозвище). Оно указывало на родовое происхождение человека и было почетным. Посему оно также отмечало и социальную принадлежность своего носителя. Аристократы имели полное отчество с окончанием на вич (Петрович). Лица средних сословий пользовались полуотчеством, оканчивающимися на ов, ев, -ин (Петров, Ильин). Низшие сословия вплоть до конца XIX в. обходились без отчества. Позже всех других форм имени в России стали распространяться фамилии. Их возникновение относят к XV-XVI вв. Первыми фамилии получили князья, бояре и дворяне. В XVIII-XIX вв. фамилия указывала на принадлежность человека к какой-либо семье. Большинство их возникло из отчеств,

дедичеств и прозвищ. Вплоть до конца XVII столетия они часто менялись и разветвлялись.

После того как указанное в источнике имя установлено, производится его сличение с реальным историческим лицом по имеющимся в тексте данным о происхождении, социальном положении и мировоззрении автора. Идентификация обязательна даже в отношении к истинному имени, что связано с неоднозначностью возникающих атрибутивных ассоциаций.

Большинство средневековых текстов XI-XVII вв. выражало корпоративное сознание. Они писались по канонам и имели анонимный характер. Многие тексты в разное время переписывались, перерабатывались, что еще больше усиливало их анонимность. Атрибуция таких безымянных свидетельств осуществляется косвенным путем. Хорошим подспорьем этому могут послужить данные антропониимики, генеалогии, геральдики, сфрагистики, палеографии, исторической лингвистики и других вспомогательных дисциплин.

Возможности косвенной атрибуции источника зависят от имеющейся в нем информации о личности и социальном положении автора. Эта информация может быть открытой и скрытой. Открыто об авторе свидетельствуют указания на его место рождения, пол, возраст, время совершеннолетия (12-15 лет для князей и служилых людей), время вступления в брак, этническое происхождение, семейные и родственные связи.

Определение авторства требует и анализа стилистических особенностей текста. Подчас, особенно при изучении повествовательных источников, анализ стиля единственный способ косвенной атрибуции. Выражается стиль скрытой, структурной информацией источника. Каждый, даже работающий по канону писатель, имеет свой устойчивый стиль, выражаемый в особенностях построения текста и предложений, в употреблении излюбленных слов и фраз. Структуре стиля можно придать количественно-стилистическую форму, которая анализируется компьютерными методами. Совпадение стилевых характеристик анонимного произведения и сочинений, создатель которых известен, позволяет приписать его данному автору. Уже проведен широкий ряд компьютерно-стилистических исследований. Большой интерес среди них вызывает попытка определить создателя Слова о Полку Игореве. Исследователи показали, что ближе к истине гипотеза Б. А. Рыбакова, считавшего автором киевского боярина Петра Бориславича. Очень интересно также исследование Б. М. Клосса. Он доказал, что Никоновский летописный свод XVI в. составил митрополит Макарий.

После сбора всей возможной косвенной информации о предполагаемом авторе производится ее синтез и целостное обобщение. Далее осуществляется идентификация личности автора. Этот процесс включает в себя два этапа. Сначала историк проводит групповое отождествление, затем производит личную идентификацию. Групповая идентификация устанавливает максимально возможный круг подходящих к авторской роли лиц. Индивидуальная идентификация личности включает сбор сведений о жизни и деятельности всех отобранных лиц, последующее их сравнение с исходными данными и максимально возможное сокращение претендентов. Далее путем анализа делается окончательный выбор в пользу того или иного лица.

Установив все внешние стороны происхождения источника, следует определить внутренние, социокультурные причины и условия его появления.

Выяснение причин, целей и исторических обстоятельств появления текста, определение его социальных функций в прошлом

Как произведение, источник принадлежит определенному автору. В то же время он порождение конкретной культуры прошлого. Возникновение его было вызвано определенными конкретно-историческими условиями, причинами, целями и задачами функционирования данной социокультурной системы. Поэтому очень важно понять, что представляла собой та историческая реальность, в которой данный источник возник и

функционировал. Без этого невозможно правильно понять и интерпретировать содержание письменного свидетельства.

Все условия, в которых источник рождается, можно разделить на внешние и внутренние. Внутренние обстоятельства суть потребности, цели, задачи и функции породившей данное письменное известие социокультурной системы. Это сама культура с определяющими ее смыслами, идеалами и ценностями. Обстоятельства внешние порождены функционированием и развитием культуры в определенной исторической среде. Они результат воздействия на данную культуру иных социокультурных комплексов: другой социальной группы, культуры, времени.

Порождающие источник исторические обстоятельства накладывают на его содержание очень сильный отпечаток. Особую роль в этом имеют социокультурные функции памятника в прошлом. Его функции объясняют причины возникновения текста и определяют влияние на него текущей конъюнктуры.

Особенно сильное воздействие оказывают конкретно-исторические факторы на содержание политических и публицистических сочинений, подчас приобретая в них роль намеренных, конъюнктурных искажений. Поэтому, прежде всего, необходимо учесть социальную, а в более широком смысле социокультурную функцию данного текста. Функциональный анализ текста далее следует обязательно перевести в плоскость учета тех конкретно-исторических условий, в которых он возник. Это непременно даст ключ к правильному истолкованию источника.

Исторический источник отображает определенную социокультурную систему прошлого. Работающий с ним историк представляет другую (научную и социальную) культуру. Между источником и историком большая временная и культурная дистанция. Исследователь должен преодолеть ее, правильно поняв содержание используемого текста. Поэтому историк, установив все обстоятельства происхождения письменного сообщения, переходит к его истолкованию (интерпретации). Суть истолкования в раскрытии истинного смысла, вложенного в свидетельство его автором. При интерпретации используются методы герменевтики (науки о понимании), социальной культурологии, исторической этнологии и других вспомогательных дисциплин. Это, во-первых, метод психологического истолкования (сопереживания); во-вторых, типизирующий метод. Он предполагает соотнесение источника с соответствующим типом культуры. И, наконец, индивидуализирующий метод. Он основан на раскрытии индивидуальных особенностей творчества автора.

Выраженный автором смысл представлен текстом, состоящим из понятий, словесных выражений и предложений. Их нужно правильно перевести, понять и истолковать. В принципе, истолкование текста историк начинает еще при его чтении и переводе. Однако, в отличие от простого перевода, при интерпретации текста исследователь сосредоточивается на раскрытии его смысла в соответствии с теми конкретно-историческими и культурными условиями, в которых данный источник возник.

В общем, чтобы правильно истолковать текст, необходимо понять его как исторически обусловленную социокультурную целостность (типизирующий метод) и учесть особенности мировоззрения, ценности, характер и интересы автора (психологический и индивидуализирующий методы). С этой целью первоначально определяется истинный смысл употребленных в тексте понятий и выражений. Они получают прямую, однозначную трактовку, устраняются пропуски и ошибки, раскрываются идиомы, символы, аллегории, иносказания и намеки, интерпретируются отдельные части текста и текст в целом. Особенно важны эти операции для раскрытия смысла повествовательных памятников. В них часто буквальный смысл не имеет никакого значения.

Интерпретация текста завершается социокультурным истолкованием источника. В ходе данной операции определяются смыслы, ценности, идеалы представленной свидетельством культуры. Исторические факты, данные в известии, отображены через их

призму и поэтому их раскрытие поможет правильно понять содержание источника и освободить их от ценностно-культурных искажений. Все это также позволит определить место источника в своей социокультурной системе.

Особенно важна социокультурная интерпретация при изучении повествовательных источников: летописей, литературных, политических и публицистических сочинений.

Выяснив истинное смысловое значение текста, исследователь переходит к изучению его фактического содержания и оценке достоверности сведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 4

Русские летописи как исторический источник

ЛЕТОПИСИ по праву считаются одним из важнейших источников изучения древней Руси. Именно в них ученые находят основной фактический материал для исторического построения. Вся нарративная часть исследований по истории русских земель и княжеств X-XVII вв. почерпнута из летописей и – в большей или меньшей степени – является их переложением.

В настоящее время известно более двухсот списков летописей. Большинство из них опубликовано (полностью или в виде разночтений к другим спискам) в продолжающемся уже на протяжении более полутора столетий Полном собрании русских летописей. Некоторые летописные своды (Новгородская I летопись, псковские летописи, Устюжская летопись) публиковались отдельно.

Определение летописания как особого вида исторических источников вызывает довольно серьезные трудности. Прежде всего это связано со сложным составом летописей. Являясь сводами предшествующих текстов, они могут включать хроникальные записи событий за год (так называемые погодные записи – термин явно неудачный, но широко распространенный), документы (международные договоры, частные и публичные акты), самостоятельные литературные произведения (различные «повести», «слова», агиографические материалы, сказания) или их фрагменты, записи фольклорного материала. В то же время начиная с работ Л.А. Шахматова, заложившего основы современного летописеведения, каждый летописный свод принято рассматривать как самостоятельное цельное литературное произведение, имеющее свой замысел, структуру, идейную направленность.

Дополнительные сложности в терминологию летописеведческих исследований вносит обыденное употребление слов «летопись» и «летописание». В древней Руси *летописанием* могли называть, например, новозаветную книгу Деяний апостолов. Видимо, тогда под летописанием понимали описание деяний как таковых, а не обязательно точно датированные записи о происходившем, расположенные в хронологическом порядке. В современных исторических и источниковедческих исследованиях допускается также использование этих терминов для обозначения летописной традиции, сложившейся на определенной территории (галицко-волынское летописание, летописание Москвы, летопись Твери, новгородская летопись, ростовская летопись и т. п.).

Традиционно *летописями* в широком смысле называют исторические сочинения, изложение в которых ведется строго по годам и сопровождается хронографическими (годовыми), часто календарными, а иногда и хронометрическими (часовыми) датами. По видовым признакам они близки западноевропейским *анналам* (от лат. *annales libri* - годовые сводки) и *хроникам* (от греч. *chranihos* - относящийся ко времени). В узком смысле слова *летописями* принято называть реально дошедшие до нас летописные тексты, сохранившиеся в одном или нескольких сходных между собой списках. Иногда небольшие по объему летописи – чаще всего узкоместного или хронологически ограниченного характера - называют *летописцами* (Рогожский летописец, Летописец начала царств и т.п.). Впрочем, из-за неопределенности понятия «небольшой (или, напротив, большой) объем» их иногда могут называть и летописями. Как правило же, под *летописью* в исследованиях подразумевается комплекс списков, объединяемых в одну редакцию (скажем, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись). При этом считается, что в их основе лежит общий предполагаемый источник. Каждый список по-своему передает предшествующий текст, в большей или меньшей степени изменяя его (искажая или, наоборот, исправляя)

Летописание велось на Руси с XI по XVII в. Поздние русские летописи (XVI-XVII вв.) существенно отличаются от летописей предшествующего времени. Поэтому работа с ними имеет свою специфику. В то время летописание как особый жанр исторического

повествования угасало. Ему на смену приходили иные виды исторических источников: хронографы, Синописис и т. п. Период сосуществования этих видов источников характеризуется своеобразным размыванием видовых границ. Летописи все больше приобретают черты хронографического (точнее, хронографического) изложения: повествование ведется по «граням» – периодам правления царей и великих князей. В свою очередь, поздние хронографы могут включать в свой состав летописные материалы (иногда целые фрагменты летописей).

Еще в XIX в. было установлено, что практически все сохранившиеся летописные тексты являются компиляциями, *сводами* предшествующих летописей. Согласно Д.С. Лихачеву, «по отношению к летописи свод более или менее гипотетический памятник, т. е. памятник предполагаемый, лежащий в основе его списков или других предполагаемых же сводов». Другими словами, свод – реконструкция текста, легшего в основу всех летописных списков данной редакции. Такой предполагаемый исходный текст называется протографом (от греч. *protos* первый + *grapho* пишу). Иногда в основе текста списка летописи лежит несколько протографов. В таком случае принято говорить не о редакции свода, а о *редакции летописи* (редакции редакции). Историки и литературоведы пришли к обоснованному выводу, что зачастую существующие списки представляют собой не просто своды, а *своды* предшествующих летописных *сводов*.

Реконструкции текстов сводов – задача сложная и трудоемкая (примерами могут служить реконструкции Древнейшего свода 1036/39 гг., Начального свода 1096/97 гг., I, II и III редакций Повести временных лет, созданные А.А. Шахматовым; академическое издание реконструкции текста Повести временных лет, подготовленное Д.С. Лихачевым). К ним прибегают для того, чтобы прояснить состав и содержание текста гипотетического свода. В основном такие реконструкции имеют иллюстративное значение. Вместе с тем известен случай научной реконструкции М.Д. Присёлковым Троицкой летописи, список которой погиб во время московского пожара 1812 г. Благодаря этой реконструкции Троицкий список был вновь введен в научный оборот. Реконструкции протографов допустимы, как правило, на заключительной стадии источниковедческого исследования, поскольку позволяют конкретнее представить результаты работы над текстами летописных списков. Однако их не принято использовать в качестве исходного материала. В источниковедческой практике исследователи в основном пользуются реально дошедшими текстами списков летописей. В случае необходимости указываются разночтения того или другого фрагмента текста, встречающиеся в иных списках летописи этой редакции.

При работе с летописными материалами следует помнить о неточности и условности научной терминологии. Это связано, в частности, с «отсутствием четких границ и сложностью истории летописных текстов», с «текучестью» летописных текстов, допускающих «постепенные переходы от текста к тексту без видимых градаций памятников и редакций». Следует различать, идет ли в исследовании речь о летописи как об условной редакции или о конкретном списке; не путать реконструкции летописных протографов с дошедшими до нас текстами списков и т. д.

Уточнение летописеведческой терминологии – одна из насущных задач летописного источниковедения. До настоящего не неопределенно. Эта неопределенность пока еще не только не ослабевает, но растет. Предстоит ее внимательное изучение в классических работах по истории летописания (в первую очередь в работах А.Л. Шахматова по позднему летописанию), чтобы на основе этого изучения в известной мере стабилизировать терминологию». При этом «всякое устранение неясности терминологии должно основываться на установлении самой этой неясности. Невозможно условиться об употреблении терминов, не выяснив прежде всего всех оттенков их употребления в прошлом и настоящем».

В истории русского летописания принято выделять три крупных этапа: летописание Киевской Руси, летописание периода феодальной раздробленности и летописание единого

Российского государства. Летописание каждого из этих этапов имело свои особенности, отразившиеся в форме и содержании исторического источника, способах его создания, политической направленности.

Летописание Киевской Руси не представлено реально дошедшими до нас самостоятельными, завершенными летописными текстами. Его следы сохранились в более поздних летописях, поэтому многие вопросы начального этапа отечественного летописания являются спорными.

Особенностью этого периода летописания можно считать становление погодной сетки летописного повествования. Мы не знаем, какую форму имели самые первые летописные тексты. Есть основания предполагать, что погодная форма записи не была единственной и появилась не сразу. Начало традиции записывать события под конкретными абсолютными датами исследователи относят к 70-м гг. XI в. и связывают ее с летописной деятельностью Киево-Печерского игумена Никона. Идея погодных статей могла возникнуть под влиянием календарных таблиц, которые встречаются в богослужебных книгах.

В XIX в. были обнаружены книги, в которых одновременно присутствуют и лапидарное упоминание события, соотнесенное с датой таблицы, и развернутая летописная погодная запись о том же событии, помещенная вне рамок таблицы. Календарные таблицы, используемые православной церковью, возможно, закрепляли практику точной фиксации событий. В то же время существовала и другая система записи событий. В ней датировка основывалась на относительной временной шкале: т.е. новые события датировались относительно уже совершившихся.

Пример такой датировки – Галицко-Волынский свод XIII в., находящийся в составе Ипатьевской летописи (XV в.). По мнению исследователей, первоначально текст этого свода не имел точных дат. Позднее, когда его соединяли с Киевским сводом 1200 г., в котором текст разбит на года, относительные датировки перевели в абсолютные, но сделали это с ошибкой: события, произошедшие в Галицко-Волынском княжестве с начала XIII в., сдвинуты назад на четыре года.

Сложным является вопрос об исходной точке древнерусского летописания, его первоначальном содержании и форме. Некоторые дореволюционные исследователи считали Нестора первыми русским летописцем, а созданную им в 1113 г. «Повесть временных лет» – первым летописным сочинением. Однако в отечественной историографии истоки летописного дела на Руси постепенно отодвигались на более раннее время. Проведя анализ многих летописей, Шахматов предположил, что первый русский летописный текст был создан около 1039 г. в Киеве при только что открывшейся русской митрополичьей кафедре. Этот гипотетический текст ученый назвал Древнейшим летописным сводом.

Позднее ряд советских исследователей, опираясь на данные различных письменных источников, предположили, что летописание появилось в конце IX в. Так, Л.В. Черепнин считал исходной точкой русского летописания 996 г., когда по случаю выдачи Владимиром Святославичем десятины киевской церкви была составлена летопись. По мнению историка, она включала повести о полянах-русах. Для реконструкции свода 996 г. Черепнин использовал «Память и похвалу князю Владимиру» монаха Киево-Печерского монастыря Иакова.

М.Н. Тихомиров также относил начало летописания к концу X в. – началу XI в. Согласно реконструкции этого ученого, летописание началось с создания трех сказаний: «Сказания о начале Руси», «Сказания о призвании варягов» и «Сказания о русских князьях». Тихомиров высказал мнение о том, что летописание зарождалось и в Киеве, и Новгороде.

Б.А. Рыбаков датировал первый русский свод, созданный в Киеве и освещавший деятельность князя Владимира и его предшественников, 996 – 997 гг. По реконструкции ученого, этот свод представлял собой переработку разнообразных источников: эпизодических записей, эпических сказаний, Белгородской летописи – памятника,

появившегося при дворе местного епископа, и др. Д.С. Лихачев предполагал, что истоки летописания, возникшего в 40-х гг. XI в., лежат в синтезе устных преданий и литературно-исторического произведения, условно названного им «Сказание о распространении христианства».

В период существования Древнерусского государства летописание велось в самых крупных городах – в Киеве и Новгороде. По сохранившимся поздним летописям наиболее полно можно восстановить киевское летописание, которое не ограничивалось киевскими событиями и регистрировало многие события, происходившие на всей территории тогдашнего государства. Таким образом, киевское летописание XI – начала XII в. можно определить как общерусское.

Автор «Повести временных лет» определяется на основе второй группы летописных списков (Ипатьевского, Хлебниковского, Ермолаевского и др.), в которых самоназвание сочинения дополнено указанием на автора – черноризца, т.е. монаха Киево-Печерского монастыря. Но его имя – Нестор – сохранилось только в Хлебниковском списке.

Окончание «Повести временных лет» в составе поздних летописей определяется условно, поскольку четкой границы между ней и последующими сводами нет. Ориентиром в поиске границы несторовского текста служит первая в «Повести временных лет» погодная запись – 852 (6360) г., в которой приведен расчет лет от сотворения мира до кончины киевского князя Святополка, умершего в 1113 г. Следовательно, автор этой хронологической выкладки знал о смерти князя и работал над своей летописью, скорее всего, в 1113 г. или чуть позже.

Спустя непродолжительное время авторский текст «Повести временных лет» был переработан. Различные варианты переработки текста представлены сегодня в двух редакциях, сохранившихся прежде всего в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Авторский текст Нестора не сохранился, и его следы ученые пытаются найти в двух последующих редакциях.

Исследования XX в., особенно работы Шахматова, доказали, что Нестор использовал более ранние летописные тексты. Ученому удалось наметить несколько рубежей в летописании XI в.

Ближайшим по времени к «Повести временных лет» сводом, который был установлен Шахматовым, является так называемый Начальный свод 1093 – 1096 гг. Его следы были обнаружены при сопоставлении «Повести временных лет», представленной в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, с начальной частью Новгородской первой летописи младшего извода. Последняя летопись имеет небольшое предисловие, которое могло быть создано в Киеве, а не в Новгороде. В начальном своде повествуется о том, почему Киев получил такое название, описывается город, расположенный на горах (таким городом мог быть Киев, а не Новгород), высказывается недовольство алчностью князей, за которую Бог наказал Русскую землю нашествием «поганых» (до Новгорода, как известно, половцы не доходили). Содержание предисловия позволило высказать предположение о киевском происхождении и того летописного текста, который следовал за этим введением.

В погодных записях конца XI в., читаемых в «Повести временных лет», Шахматов нашел некоторые тематические параллели с текстом предисловия новгородской летописи. Это, с одной стороны, развернутые рассуждения летописца «Повести временных лет» о нашествии половцев как наказании Божьем за неразумные действия князей и его дружины, а с другой – обобщенные критические высказывания предисловия в адрес князя и его дружины, алчность которых привела к нашествию «поганых». Наиболее эмоционально о нашествии половцев, его причинах и разрушительных последствиях для киевлян, прежде всего монахов Киево-Печерского монастыря, рассказывается в «Повести временных лет» и погодных статьях за 1093 – 1096 гг. Именно этим временем Шахматов датировал создание того киевского летописного сочинения, которому принадлежало предисловие новгородской летописи и которое было использовано новгородским летописцем. Местом составления этого текста был назван Киево-Печерский монастырь.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях избыточный по отношению к исходному текст обнаруживается, например, в повествовании о мести княгини Ольги древлянам за смерть мужа – князя Игоря (946 г.).

Автором свода многие исследователи, начиная с Шахматова, считают игумена Киево-Печерского монастыря Никона. Некоторые известные сегодня факты из его жизни свидетельствуют о том, что он мог иметь отношение к киевскому летописанию. Так, Никон был в Тмутаракани, и в летописи в записях 60-х гг. XI в. довольно подробно для того уровня летописания изложены тмутараканские события. По мнению Шахматова, свод Никона был дополнен записями событий до 1093 г. включительно и лег в основу Начального летописного свода.

Особенностью свода 70-х гг. XI в. было появление в нем ряда точно датированных светских событий, что указывало на существование каких-то современных записей. Первое такое событие отмечено в 1061 г. В дальнейшем количество точно датированных событий увеличивается. Возможно, Никон придал историческим записям форму погодных записей, что определило специфику данного вида исторических источников. Следующий древнейший свод, который был реконструирован Шахматовым, датирован примерно 1039 г. Его появление, по мнению ученого, связано с открытием в Киеве митрополии, где по образцу византийских иерархов началась фиксация событий церковной и светской жизни.

Описанные выше этапы создания сводов на протяжении XI – начала XII в., реконструированные Шахматовым, в основных чертах признаются большинством ученых. Отдельные авторы предлагают пересмотреть атрибуцию некоторых из этих сводов, внести уточнения в датировки сводов и объяснить причины их появления. Выстраивая свои новые гипотезы, они тем не менее исходят из реконструкции Шахматова.

Итак, «Повесть временных лет» была летописным сочинением, завершившим первый этап русского летописания и оказавшим влияние на летописание в период феодальной раздробленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 5

Публицистические памятники XV-XVII вв.

Публицистика и политические сочинения – это сочинения по актуальным вопросам общественной и государственной жизни, содержавшие и пропагандировавшие различные политические идеи, оценки, прогнозы и предложения. Они выражали политические интересы разных группировок правящего класса. Публицистика отличается большей злободневностью, поверхностью суждений. Она апеллирует к чувствам и рассчитана на широкий круг читателей. Политические сочинения характеризует более глубокая, научная аргументация. Они рассчитаны на руководителей государства, специалистов управления и представителей правящей элиты.

Памятники политической литературы, появившиеся в конце XV – начале XVI в. и связанные с образованием и укреплением Российского государства, объединены общей идеей исконности и незыблемости этого государства. Наибольшее распространение получили «Повесть о белом клобуке» и «Сказание о князьях Владимирских».

В «Повести о белом клобуке» говорится о том, как знаки высокого священнического сана – белый клобук и крестчатые ризы, пожалованные императором римским Константином папе Сильвестру, были после разделения христианских церквей чудом перенесены в Царьград, а оттуда, переданы патриархом Филофеем на Русь новгородскому архиепископу Василию. «Повесть о белом клобуке» имеет более 250 списков. Из пяти редакций, которые выявляются с помощью текстологического сопоставления отдельных списков, наиболее резко отличаются по своей идейной направленности две: одна из двух пространных и одна из двух Кратких. Обе они возникли в Новгороде. Первая датируется концом XV – началом XVI в., а вторая, составленная на ее основе, – серединой XVI в. Пространной редакции, оттеняющей мысль о духовном и политическом наследстве, перешедшем от Рима и Византии к России, к единому государству с большим будущим, воплощена общерусская идея «Москва – третий Рим». В Краткой редакции отразилась сложность межобластных отношений в процессе формирования централизованного государства. В ней сказалось усиление сепаратизма новгородского боярства, что проявилось в затушевывании общерусских политических идей и акцентирований значения Новгорода. Еще большее богатство политических идей раскрывается в «Сказании о князьях Владимирских», созданном по заказу Василия III в начале XVI в. для обоснования родословия великих русских князей. Обращая внимание на преемственность русского самодержавия от императорского Рима и тем самым подчеркивая безусловную законность первого, «Сказание» вместе с тем показывает неразрывность исторических связей между Киевом, Владимиром и Москвой. В обстановке объединения русских земель вокруг Москвы этот акцент служил идеологическим обоснованием прав московских государей. Идеи «Сказания о князьях Владимирских» нашли отражение в «Степенной книге», Воскресенской летописи, макарьевских «Четьях-Минеях», в «Государеве родословце». Несмотря на то что «Сказание» носило легендарный характер, его использовали в политической практике правительства Василия III и Ивана IV. Иван Грозный, рассматривая «Сказание» в качестве официального источника, делал на него ссылки в своей духовной грамоте 1572 г.

В посланиях Ивана Грозного «Сказание» послужило целям идеологического обоснования прав на неограниченную самодержавную власть. Свои послания, обращенные к определенным лицам, Иван IV предназначал для широкого круга московских людей, для «всего Российского царства». Для выявления эпистолярного наследия Ивана IV (как и любого другого исторического лица) источниковеды, наряду с анализом самого содержания, большое внимание уделяют исследованию литературного стиля и языка его произведений. В посланиях Ивана Грозного сочетаются элементы церковнославянского языка и деловой письменности, живая разговорная речь. Это определяет своеобразие словарного состава и литературного стиля посланий Ивана IV.

Такой анализ помогает установить авторство Ивана Грозного, но он недостаточен для определения его автографов. В дополнение к нему требуется провести палеографическое исследование посланий в сохранившихся списках XVI в.

Среди посланий Ивана Грозного выделяется его переписка с князем «крестопреступником» Андреем Курбским. Она отражает социально-политические взгляды носителя и идеолога самодержавия, с одной стороны, и представителя боярской оппозиции – с другой, Грозный, отстаивая свое право на неограниченное самодержавие, заявляет, что он наследник византийских императоров и великих киевских князей, что власть досталась ему по закону «божиим изволением и родителей своих благословением». Полемизируя с Курбским, Иван IV обосновывает необходимость для России борьбы с Ливонией за бывшие русские территории, за выход к Балтийскому морю, считая войну с Крымом второстепенной задачей своей внешней политики. Большое место отводится Иваном Грозным изобличению политических интриг и козней бояр в дни его малолетства и юности.

Послания к Василию Грязному и Симеону Бекбулатовичу представляют редкие источники, дающие возможность выяснить точку зрения Ивана Грозного на роль и значение опричнины. В этих посланиях сформулированы основные принципы внешней и внутренней политики правительства Ивана IV.

В ряд произведений, связанных с образованием и укреплением единого Российского государства, следует поставить и такой памятник XVI в., как «Домострой». Основное место в этой книге отведено советам по устройству хозяйства и быта семьи, но в ней рассматриваются и более общие, социальные вопросы. Главы «Домостроя» носят наставительный характер. Среди них имеется особая глава, в которой говорится о необходимости преданного отношения к царю и «властителям». «Царя бойся и служи ему верно, – учит «Домострой», – истину отвечаю ему, яко самому богу». Такое возвышение личности самодержца служило той же цели укрепления центральной государственной власти.

Среди литературных памятников конца XV – первой половины XVI в. значительную группу образуют произведения церковно-политической мысли, отразившие взаимоотношения между различными, классами и социальными слоями русского общества и ту острую идеологическую борьбу, которая им сопутствовала.

На церковном соборе, созванном в 1503 г., Иван III «восхоте у митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати», а на свое содержание они должны были получать средства из великокняжеской казны. Но духовенство было ещё сильно, и он вынужден был отказаться.

В Новгороде, Пскове, в Твери, Москве появились ереси *стригольников*. В 1375 г. основатель ереси дьякон Карп был казнен с двумя товарищами по приговору новгородского вече. Еретики не признавали власти над собой «всего чина священнического», взимавшего плату за совершение обрядов. Отрицали догмат о троице, святость икон (иконоборчество), крещение, осуждали священников за недостойное житье, выступали против церковных богатств. В 1490 г. стригольники осуждены на соборе.

В 1485 – 1486 гг. в Москве образовался кружок антиринитариев во главе с Фнедором Курицыным. Социальный состав: светские и духовная знать, связанные с двором, сам Иван III, влиятельные дьяки братья Иван Волк и Федор Курицыны, дьяки Истома и Сверчок, Иван Черный, купцы Зубов и Семен Клепов, Елена Волошанка (сноха Ивана III). Поставили вопрос о страшном суде, воскрешении мертвых, загробной жизни – основополагающих догматах церкви, выступали за учение книжное, против монашества как института. Федор Иванович Карпов доказывал в полемике с Максимом Греком, что, хотя астрология и осуждается церковью, она «нужна царям», так как благодаря советам астрологов они достигают успеха в государственных делах. Иосиф Волоцкий в произведении «Просветитель» обвинил еретиков в жидовстве, Собор 1504 г. осудил их, и запылали костры. Элементы реформационного движения сочетались с элементами

гуманизма. Главная особенность в связи ее с задачами государственной централизации. Причины поражения: узость социальной базы.

Новая вспышка еретических движений имела место в 50-х гг. XVI в. Их оживлению способствовали веяния Реформации, на территории Польско-Литовского государства. В учении беглого холопа Феодосия Косого. отвергались необходимость существования церковной иерархии, храмов, обрядов. Широкое воздействие радикальных взглядов Косого отражает недовольство состоянием религиозной жизни в русском обществе XVI в. Под влиянием «ляхов» сын боярский великокняжеского двора Матвей Башкин, представлявший бюргерство, стал, самостоятельно читать Апостол и Евангелие и в результате отпустил на волю своих холопов, решив, что их несвобода противоречит учению Евангелия. Осужден собором 1553 г.

Главным защитником церкви выступил Иосиф Волоцкий (основатель Успенского монастыря под Волоколамском) «Просветитель» и Максим Грек. Он стремился очистить православное духовное наследие от наслоений и искажений. Внутри церкви спор между иосифлянами – Иосиф Волоцкий, и нестяжателями Нил Сорский. Сочинения игумена Волоколамского монастыря Иосифа Санина (1440 – 1515 гг.) – «Просветитель» (сборник обличительных слов), послания и монастырский «Устав» представляют, по существу, политические трактаты, рассчитанные на широкие круги светских феодалов и образованных горожан. Иосиф Волоцкий обрушивается на рационалистическую критику основных догматов православной церкви, с которой выступали новгородские еретики, и требует расправы с ними. В новгородской ереси он видит угрозу как существованию церкви, так и основам феодальной власти.

Церковно-политические взгляды Иосифа Волоцкого получили развитие в произведениях его последователей – иосифлян, или стяжателей: в словах и посланиях митрополита Даниила, сочинениях Нила Полева, митрополита Макария, в произведении Зиновия Отенского «Истины показание». Взгляды иосифлян заняли господствующее положение в официальной идеологии России XVI в.

В это же время в России развилось другое направление церковно-политической мысли, сторонники которого получили название нестяжателей. Главой его был основатель заволжского (на р. Соре) монастыря Нил Сорский, происходивший из крупного боярского рода Майковых. Сочинения Нила Сорского (монастырский «Устав», «Предание учеником», послания) и его последователей отражали взгляды боярских кругов, недовольных ростом монастырского землевладения. Нил Сорский призывал монахов обратиться прежде всего к духовному совершенствованию, трудиться только ради пропитания и не заботиться о приобретении материальных богатств. Его ученики пришли к абсолютному отрицанию монастырских земельных владений. Этот же принцип развивал Васиан Косой (в миру — боярин Василий Патрикеев) в своих посланиях и в редактируемой им «Кормчей книге», откуда он исключил все разделы о монастырских владениях.

Своеобразным литературно-публицистическим памятником является «Судное дело Максима Грека». Исследование самого раннего списка «Судного дела» (открыт в 1968 г. в составе Сибирского сборника, датируемого 90-ми годами XVI в.) показало, что в нем смешаны сведения о разных процессах, имеются недопустимые в «судоговорении» пропуски, сделаны тенденциозные вставки повествовательного характера (например, во введении дано осуждение «еретических» взглядов Максима Грека). Следовательно, «Судное дело Максима Грека» – это не список подлинных судебных протоколов соборов 1525 и 1531 гг., осудивших Максима Грека, а их литературно-публицистическая переделка. Оно было составлено в 40-е годы XVI в. в процессе подготовки суда над бывшим сотрудником Максима Грека – Исааком Собакой. Значение «Судного дела Максима Грека» как исторического источника трудно переоценить, так как оно построено на основе не дошедших до нас протоколов и переписки участников церковно-политических процессов.

Особую группу литературно-публицистических памятников составляют социально-экономические проекты и трактаты XVI в. К ним принадлежат произведения Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова.

Перу Ермолая Еразма) источниковеды приписывают ряд произведений 40 – 60-х гг. XVI в. В сочинении Ермолая-Еразма «Моление к царю» (под ним поставлено его имя – «Ермолаиц») сказано, что он напишет Ивану. IV еще одно послание, в котором расскажет «о мирьских вещех... к благоугодию земли и ко умалению насильства», т. е. о том, что составляет содержание «Правительницы». В «Правительнице» Ермолай, рассуждая об ответственности царя, ссылается на один из текстов Священного писания. Этот же текст приведен в более позднем произведении Ермолая-Еразма, где имя автора стоит в заглавии. Кроме того, «Правительница» находится в сборнике других сочинений Ермолая, являющихся, по-видимому, его автографом, хотя последнее требует еще дополнительных палеографических изысканий. Время написания «Правительницы» устанавливается с учетом двух фактов. Ермолай-Еразм писал о необходимости закрыть корчмы, которые были закрыты в 1547 г. Подготовка государственной реформы поземельного обложения с введением новой единицы, за которую ратовал Ермолай, была начата в 1549 г. В «Правительнице» Ермолай-Еразм выступал за некоторое облегчение положения крепостных крестьян, труд которых он считал основой благосостояния всего общества, за упрочение положения служилых людей. С помощью этих реформ автор «Правительницы» надеялся, не посягая на основы крепостнической системы, предотвратить народные выступления, примирить социальные противоречия русского общества XVI в.

Программа реформ совпала с челобитными царю, написанными в 1549 г. дворянином Иваном Пересветовым. Он побывал в разных странах, в том числе в Турции. В челобитных Пересветова содержалась дворянская программа. Выражаясь иносказательно, Пересветов говорил о том, что турецкий «Магмет-султан» укрепил свою власть и добился многих побед в борьбе с врагами; что положение людей на службе должно определяться не происхождением, а личными заслугами. Создание сильной армии *служилых людей* – должно было дать царю мощную силу не только для решения внешних задач, но и для укрепления самой царской власти. Гибель Византии произошла из-за засилья вельмож. На смену слабой власти при сильной аристократии должна прийти сильная власть, располагающая достаточными средствами для поддержания «правды». Деньги для уплаты жалованья дворянам надо брать с горожан. Пересветов советовал царю самому устанавливать цены на рынках.

Основными сочинениями Ивана Пересветова были «Большая» и «Малая» челобитные, «Повесть о падении Царьграда», сказания о книгах, о царе Константине, Магмете-салтане, первое и второе «Предсказания философов». Они появились в конце 40-х – начале 50-х годов XVI в. и отражали взгляды и настроения русского дворянства. Излагая в своих произведениях проекты преобразования, которые охватывали почти все стороны социально-политической и экономической жизни России, Иван Пересветов направлял их к одной цели; укрепить самодержавие, опираясь на служилое дворянство, оттеснив при этом на второй план бояр и подавляя всякие попытки народных выступлений. Первостепенное значение он придавал проекту военной реформы: создание постоянного войска из дворян, находящихся на денежном жаловании государства.

Направленность реформ, выдвигаемых Иваном Пересветовым, определялась социальным положением автора. А.А. Зиминым на основе сопоставлений фактов биографии, приводимых в произведениях самого И. Пересветова, с многочисленными архивными материалами первой половины XVI в. аргументированно определено, что И. Пересветов выехал из Литвы, побывал в Польше, Чехии, Молдавии, Венгрии и в конце 1538 – начале 1539 г. приехал в Россию. Судя по его произведениям, он влился в сословие служилых людей, стал преданным сторонником централизации и самодержавия, выступавшим в защиту прав русского дворянства против боярского самовластия.

Но правительство Ивана IV не могло обойтись и без церковной и княжеско-боярской знати, которая поддерживала идею единства страны, но настаивала на сохранении своих привилегий. Компромиссная политическая программа нашла отражение в посланиях Василию III и Ивану IV, которые писал Максим Грек. Он разделял тезис о «божественном происхождении» государственной власти, идею союза светской власти с церковью и с мудрыми советниками. Как и Пересветов, Грек считал необходимым быструю ликвидацию «змея» в Казани, а также укрепление границ государства.

Историки считают, что политику опричнины царь обосновал в эпистолиях Андрею Курбскому. В 1564 г. А. Курбский бежал от Ивана Грозного в Литву. Грозный готовился в это время к наступлению, но оно провалилось, и под Тулой потерпел поражение, обвинив во всех изменников бояр. Курбский послал эпистолию Ивану IV, в которой пытался оправдать свое бегство непомерным гневом царя. Трактат был программой феодальной раздробленности. Призывал Грозного поддержать боярство. В ответ царь написал три эпистолии, где он обосновывает закономерность самодержавной власти в России, говорит о божественном происхождении самодержавной власти, об особой роли Московских князей, которым Бог дал право управлять; тогда впервые и появилась в русской истории идея проведения Московскими князьями воли божьей на земле. Здесь же он обличает Курбского как изменника, обосновал поворот своей политики и опричнину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 6

Древнерусская литература как исторический источник

Древнерусская письменная культура тесно связана с христианством и зародилась только после крещения Руси. Первое время на Руси пользовались исключительно переводной – с греческого на южно- и западнославянские языки – литературой. Именно эти произведения задавали новую систему ценностей и представлений, на которой позднее – с XI в. – начала формироваться древнерусская оригинальная литература.

Изучение переводной литературы представляет существенные сложности. Прежде всего оно требует хорошего знания языка, на котором были написаны оригиналы. Иначе невозможно понять нюансы исходного, а, следовательно, и переведенного текста. Выяснить же, какой это был язык, не всегда легко. На помощь историкам приходят лингвисты, разработавшие достаточно изощренный инструментарий: он позволяет установить, является ли данный текст переводным и с какого языка непосредственно был сделан перевод.

Немаловажен также вопрос о том, где было переведено то или иное произведение. Учитывая близость (особенно на раннем этапе развития книжной культуры) литературного языка всех славянских народов, назвать территорию, на которой был выполнен конкретный перевод, подчас бывает затруднительно. Еще сложнее установить, в каком переводческом центре была переведена та или иная книга.

Следующая группа вопросов связана со сличением переведенного и исходного текстов. Для этого требуется установить если не список, то хотя бы редакцию или извод произведения, которые послужили в качестве оригинала. Текстологический анализ, проведенный на этой основе, может позволить понять принципы перевода, уточнить семантическое наполнение отдельных слов, фразеологизмов и целых периодов. Результаты подобного сличения во многом будут зависеть от того, насколько близок список, взятый в качестве основы, с реальным исходным текстом.

Духовную литературу принято делить на каноническую (бог вдохновенную или богодухновенную) и апокрифическую (тайную или отреченную). Среди апокрифической, в свою очередь, выделяются верочитная (которую разрешалось хранить и читать, но не в церкви) и ложная (запрещенная к хранению и чтению).

Канонические произведения принадлежат к различным жанрам, впрочем, тесно переплетенным друг с другом и для древней Руси подчас слабо различимым. Выделяются жанры:

- скриптурный (от лат. *scriptura* «писание»), к которому относятся библейские книги Ветхого и Нового заветов (в том числе нарративная часть Толковой Палеи);
- литургический (богослужебный), включающий служебники, требники, молитвословы, часословы, октоихи, паремейники, параклитики, служебные шестодневны, триоди – Цветную и Постную, служебные минеи, каноники, стихирари, ирмологии, кондакарии и месяцесловы;
- вероучительный, куда входят символы и изложения веры, огласительные поучения (катехизисы), полемические сочинения и толкования;
- проповеднический, состоящий из проповедей, а также сборников (изборников) постоянного состава (Златая Цепь, Златоуст, Златоструй, Маргарит, Измарагд) и премудростно-гностической книжности (Пчела, патерики).

Наконец, агиографический (житийный), к которому относятся собственно жития, похвальные слова святым и сказания о чудесах; они, как правило, объединены в прологи, синаксари, торжественники, четьи минеи и изборники переменного состава.

Среди собственно русских литературных памятников выделяют жанры произведений:

- торжественные (слово)
- поучительные (Поучения детям, Послания)

- житийные
- хождения
- военные повести.

Одним из самых ранних памятников древнерусской учительной литературы является Слово о Законе и Благодати будущего первого киевского митрополита-«русина» Илариона. Судя по всему, Иларион произнес его 25 марта 6546 (1038) г. в новоосвященной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых воротах в Киеве. Точную дату установил А.Н. Ужанков, проанализировав порядок следования библейских цитат, который соответствовал порядку чтений во время предпасхальной вечерней службы в Великую субботу, совпавшую с праздником Благовещения. Эти тексты и были положены в основу произведения, в котором определялось место Киевской Руси в мировой истории. Сохранилось более пятидесяти русских и южнославянских списков Слова, относящихся к XV-XVII в.

Приблизительно в это же время появилось Поучение к братии новгородского епископа Луки Жидяты – первое собственно русское поучение, произнесенное, скорее всего, при вступлении и сан первого русского архипастыря (около 1035 г.). В нем излагаются главные обязанности христианина по отношению к Богу, самому себе и ближним (особенно в семейном, гражданском и церковном быту). Тем самым были сформулированы основные жизненные ценности, на которые ориентировала древнерусского человека христианская церковь. Подобные источники чрезвычайно важны для воссоздания внутреннего мира человека Древней Руси.

Первым русским полемическим сочинением считается трактат «Об опресноках», приписываемый киевскому митрополиту Леонтию (992-1008 гг.). Написан он по-гречески и известен в четырех списках XIII-XIV вв. Это антилатинское сочинение посвящено осуждению отступлений римской церкви от канонов христианства и противопоставлению восточной и западной церкви в вопросах догматики и соблюдения обрядов. Некоторые исследователи приписывают его охридскому архиепископу Льву Болгарскому (XI в.).

Во второй половине XI – начале XII в. создавал свои сочинения игумен Феодосий Печерский. Они сохранились частично в составе «Повести временных лет» и в «Житии» Феодосия, а также в позднем списке XV в. Среди них два поучения – о казнях Божиих и о христианских обрядах, обращенные ко всем русским людям, десять – к братии Киево-Печерского монастыря, два послания к киевскому князю Изяславу Ярославичу и, наконец, две молитвы. Все они касаются вопросов христианской нравственности и интересны замечаниями по поводу недостойного поведения прихожан, монахов и клира. В их основе лежат пророческие библейские книги (многие исследователи считают, что Феодосий цитировал их наизусть), святоотеческие толкования текстов Священного писания, известные в то время на Руси, и произведения Феодора Студита (напомним, что Алексеевская редакция Студийского устава была принята при Феодосии в Печерском монастыре). Авторство Феодосия Печерского в отношении посланий к князю Изяславу в последнее время оспаривается. Некоторые исследователи считают, что они написаны другим печерским игуменом – Феодосием Греком (середина XII в.) и адресованы киевскому князю Изяславу Мстиславичу.

К числу поучений можно, видимо, отнести и знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха, включающее три произведения: собственно, поучение, «автобиографию» и письмо князю Олегу Святославичу. Относящиеся к концу XI – началу XII в., они, как считается, случайно попали в состав Лаврентьевской летописи. В центре внимания киевского князя – церковно-нравственная проблематика: вопросы «идеального» поведения князя.

Следующий этап в развитии древнерусской проповеднической литературы связан прежде всего с именами Климента Смолятича, занимавшего митрополичий престол (с перерывами) с 1147 по 1154 г., и Кирилла, епископа Туровского (около 1169-1182 гг.). Из числа произведений, приписываемых Клименту, достоверно принадлежит митрополиту

лишь полемическое послание к смоленскому священнику Фоме. Кроме ряда любопытных бытовых подробностей, оно содержит явные свидетельства знакомства Климента с литературой, необычной для круга чтения священников, в том числе с античными философскими произведениями. Интерес представляет символическое истолкование митрополитом образов и событий священной истории в их связи с актуальными и злободневными событиями своего времени. Это направление было развито в Притчах и Словах Кирилла Туровского. «Множайшие» его сочинения включают девять Слов, произнесенных в храме перед прихожанами, три послания к инокам, более двадцати молитв и молебный канон. Кроме того, до нас дошло Послание владимирского епископа Владимира печерскому монаху Поликарпу (1225-1226 гг.) и Послание (около 1231 г.) самого Поликарпа к киево-печерскому архимандриту Акиндину. Оба послания, имеющие непосредственное отношение к учительной литературе, в то же время стали непосредственными источниками создания древнейшего русского Киево-Печерского патерика. Приблизительно в то же время появились Слово о небесных силах и Слово о мытарствах, приписываемые Авраамью Смоленскому, а также почти два десятка анонимных Слов и Поучений, включенные в Прологи XIII-XIV вв. Среди благочестивых рассуждений в них встречаются ценные упоминания древнеславянских верований и обрядов, с которыми вела борьбу православная церковь.

К посланиям можно отнести и Моление Даниила Заточника (в литературе встречаются также другие названия, иногда в качестве особого произведения выделяется Слово Даниила). Жанр этого выдающегося литературного памятника домонгольской Руси вызывает множество споров и разноречивых суждений. В нем переплетаются публицистика и сатира. Моление оформлено в виде послания к неизвестному князю. В основу положено переосмысление библейских текстов. Все это позволяет говорить о нем как об очень своеобразном литературном источнике, Моление сохранилось в 19 списках XVI-XVII вв., представляющих две редакции и несколько их переделок. Датировка памятника, как, впрочем, и личность автора, спорны. Обычно приводится в качестве даты большой промежуток – XII-XIII вв. Ценность сочинения Даниила определяется тем, что в нем приводятся суждения по поводу многих сторон жизни древнерусского общества, слабо отразившихся в других источниках.

Поучения и послания, посвященные вопросам веры и нравственности, составляют значительную часть всех русских литературных произведений XIV в. Среди них – сочинения митрополита Петра, новгородского архиепископа Василия, митрополита Алексия, епископа сарайского Матфея. Кроме того, имеется множество анонимных слов и поучений. Все они отражают проблематику, остро волновавшую русское общество в период начала объединения русских земель. Важное место в них занимают проблемы соотношения светской и духовной власти, которые впоследствии будут перенесены в сферу публицистики. Особенно сильно начинают звучать мотивы подготовки христиан к концу света и Страшному Суду.

В конце XIV – начале XV в. появился ряд учительных русских сочинений, написанных выходцами из Сербии и Греции: митрополитами Киприаном, Фотием и Григорием Цамблаком. В жанре учительной литературы в первой половине XV в. писали также Кирилл Белозерский (послания к великому князю московскому Василию Дмитриевичу -1399-1402 гг., Можайскому князю Андрею Дмитриевичу – 1408 или 1413 г. и звенигородскому князю Георгию Дмитриевичу – до 1422 г.) и Симеон Новгородский (Поучение о молитве и Слово к псковичам).

Авторы посланий и поучений второй половины столетия сосредоточивали свое внимание на важнейших событиях, в значительной степени определявших судьбу не только древнерусской литературы, но и всей России в целом. Это, во-первых, ожидание конца света в 7000 г. и связанная с ним борьба против еретических движений; во-вторых, выход русской митрополии из-под зависимости от Константинопольской патриархии после заключения Ферраро-Флорентийской унии; в-третьих, объединение русских земель

вокруг Москвы и, как следствие для церкви, разделение (21 июля 1458 г.) русской митрополии на две – западную и восточную.

В XVI в. центральным стал вопрос о новом идеологическом и политическом статусе Московского государства. В связи с предсказанием немца Николая Булева о якобы грядущем в 1524 г. новом всемирном потопе появилось несколько антиастрологических произведений Максима Грека и старца новгородского Елеазарова монастыря Филофея. В учительных посланиях (сентябрь 1527 - март 1528 г.) елеазаровского старца к государям Руси и царскому дьяку Мисюрю (Михаилу Григорьевичу) Мунехину в связи с этим впервые в явном виде были сформулированы идеи перехода центра богоспасаемого мира на Русь (теория «Москва – третий Рим»). По образцу Просветителя Иосифа Волоцкого был составлен Сборник учительный, в который вошло большинство сочинений митрополита Даниила, закрепивших новый официальный статус царя.

В XVII в. учительные произведения такого рода пополнились «Прениями о вере» Троицкого монаха Арсения Суханова, написанными в связи с богословским диспутом, проходившим в Яссах в 1649 г. В этом сочинении, опирающемся на теорию о Москве – третьем Риме, доказывается не только независимость русской церкви от прочих восточных патриархов, но и «самодовлеющее значение Москвы, не нуждающейся в новшествах». Главой православия Арсений провозглашал московского царя, имевшего при себе патриарха.

Самым ранним оригинальным древнерусским житием является Служба святым мученикам Борису и Глебу, атрибутируемая митрополиту Иоанну. Оно написано около 1021 г., а известно уже в списках XII в. Основные положения этого жития были развиты в Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе, созданном во второй половине XI в. (возможно, печерским монахом Иаковом, автором Памяти и похвалы князю Владимиру). Оно известно во множестве списков и входило, видимо, в круг наиболее читаемых произведений древней Руси*. Несколько позже Иаков написал Житие князя Владимира, встречающееся обычно вместе с Памятью и похвалой.

Младшим современником Иакова был Нестор, которому традиционно приписывается создание Повести временных лет. Однако если в данном случае авторство Нестора оспаривают многие ученые, то принадлежность его перу житийных повестей, посвященных Борису и Глебу (Чтение о житии и погубивши блаженную стратотерпца Бориса и Глеба), а также Феодосию Печерскому, не вызывает сомнений. Вопросы порождает в основном соотношение летописной статьи, Сказания и Чтения об убиении Бориса и Глеба, в которых к тому же находят отголоски чешского жития св. Вацлава. Отмечается, что Чтение является более "правильным", с точки зрения канонов агиографии, нежели Сказание.

В XIII в. список русских житийных повестей пополнился Житием преподобного Антония Римлянина, написанным его учеником и преемником Андреем, а также Житием Авраамия Смоленского, созданным его учеником Ефремом.

К последней половине XIII в. относятся житийное сказание о мученической кончине князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, жития Александра Невского и Ростовского епископа Исаяи. Написанные вскоре после смерти своих героев, эти жития отличаются целым рядом конкретных фактов, позволяющих восстановить многие детали упоминаемых в них событий. Точность описаний поддается проверке при их сличении с современными летописными источниками и записками иностранных путешественников.

XIV в. пополнил список отечественных агиографических повестей житиями Кирилла Туровского и митрополита Петра, а также близкими к житиям сказаниями о благочестивых князьях Довмонте Псковском, Михаиле Тверском и Дмитрии Донском. Последние имеют светский характер и вошли в состав летописей.

К первой половине XV в. относится составление житий, оказавших самое серьезное влияние на все последующие агиографические сочинения, писавшиеся на Руси. Это жития Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Дмитрия Прилуцкого и митрополита Алексия.

Первые два написаны Епифанием Премудрым, лично знавшим и Стефана и Сергия. Кроме того, Епифаний был учеником, а затем и духовником радонежского игумена. Все это позволило ему создать повести, в которых, несмотря на заведомо заданные жанром рамки, отразилось множество живых подробностей жизни и быта подвижников и их окружения. Вместе с тем в новых агиографических произведениях появляются витиеватость и многословность, затрудняющие выявление достоверной исторической информации

Таким образом, к XVI в. набралось около 40 жизнеописаний князей, митрополитов, епископов, настоятелей монастырей, живших в XI – первой половине XV в. и – в большинстве своем неофициально – причисленных к лику святых, а также несколько десятков рассказов о печерских подвижниках XI-XIII вв., составивших отдельный сборник – Патерик Киево-Печерского монастыря. Поскольку почти все эти произведения не были утверждены властью митрополита и Собора, почитание их было не общерусским, а местным. В связи с этим в 1547 г. в Москве был созван поместный Собор, на котором был придан общерусский статус одиннадцати святым, а еще девять были объявлены местночтимыми. Основанием для такого решения, в частности, являлось и наличие житийной повести о святом, соответствующей канону. После этого Иван IV обратился к епископам с просьбой разыскать в своих епархиях данные «о великих новых чудотворцах». Через два года, в 1549 г., на новом Соборе были представлены обнаруженные материалы о святых. Все материалы были освидетельствованы Собором, после чего было принято решение о канонизации святых.

Труд Макария в значительной степени дал основания решениям Соборов. После них работа по подготовке житийных произведений стала организованной и велась под непосредственным контролем митрополита, а после 1589 г. – патриарха. Вместе с тем с этого времени жития – жанр и без того жестко регламентированный каноном – становятся гораздо более формальными, а заключенная в них конкретно-историческая информация сводится к минимуму. В связи с этим житийные произведения позднего времени представляют для историка минимальную ценность.

Исключение составляет житийная Повесть о Петре и Февронии, созданная Ермолаем-Еразмом и сохранившаяся в автографе (середина XVI в.). Нарушая агиографический канон, она перекликается с западноевропейским рыцарским романом и русским фольклором.

Особняком стоит Житие протопопа Аввакума, им самим, написанное, которое, следует также отнести к жанру житийной литературы. Первая русская автобиография (если не считать Поучения Владимира Мономаха) была написана «огнепальным» протопопом во время пустозерского заключения, по «понуждению» его духовника и союзника старца Епифания: «да не забвению предано будет дело Божие». Житие известно в двух автографах и множестве списков (не менее 45). В обоих автографах фраза о «понужении» написана рукой самого Епифания, тем самым, возможно, с Аввакума снимались возможные упреки в грехе гордыни - впервые писалось собственное житие, Списки Жития позволяют выделить три его редакции.

Изучение житий с источниковедческой точки зрения большинство ученых вообще признают малоперспективным. Фундаментальное исследование древнерусских житий, предпринятое В.О. Ключевским, привело его к весьма скептическим выводам относительно полезной информации, которую может почерпнуть исследователь прошлого из агиографических произведений. Справедливое в отношении конкретной темы, которой занимался великий историк (колонизация русского Севера), оно не вполне справедливо толкуется в расширительном плане. Одним из следствий такого отношения к житиям стало то, что большинство из них до сих пор не имеет научного издания.

В древней Руси были широко распространены оригинальные произведения, описывающие паломничества в Святую Землю – так называемые хожд(д)ения. Самым ранним из них является Хождение (Паломник, или Странник) игумена Даниила XI в. В нем Даниил подробно рассказывает о своем путешествии в Иерусалим.

С середины XIV в. возобновились путешествия русских людей к святым местам, а с ними возродился и временно угасший жанр хождений. Около 1350 г. появился Странник новгородского инок Стефания, в котором автор довольно подробно описывал свое пребывание в Царьграде, но умалчивал о том, что побывал и в Иерусалиме. Более обстоятельным оказывается «хождение» смоленского иеродиакона Игнатия, также побывавшего (в составе свиты митрополита Пимена) в Константинополе и Иерусалиме (1389). Несколько более светский характер имеет рассказ о путешествии «куплену» (т. е. по торговым делам) в Царьград дьяка Александра (конец XIV в.).

Источником, можно сказать завершающим жанр хождений, является знаменитое Хождение за три моря (1468-1475 гг.) тверского купца Афанасия Никитина. Оно сохранилось в трех изводах, или редакциях. Один из них содержится в составе Софийской П и Львовской летописях и восходит к Московскому летописному своду конца XV в. Другой вошел в состав сборника конца XV - начала XVI в. (Троицкий список). Третий включен в состав летописно-хронографической компиляции XVII в. Несмотря на светский вид, Хождение Афанасия Никитина вполне можно отнести к духовной литературе. Написанное как авантюрно-приключенческое произведение, оно пронизано идеей сохранения веры в условиях, когда христианин не только лишен привычного окружения, но и не имеет возможности нормально отправлять религиозные обряды. Недаром Афанасий Никитин столь часто обращается к проблеме утери веры. Одновременно это – серьезные рассуждения мирянина о единстве Бога для всех людей, независимо от того, кому и как конкретно они молятся. Вместе с тем Хождение Афанасия Никитина – подробный и обстоятельный отчет об увиденном в незнакомых странах, которые, по представлениям того времени, вплотную примыкали к Раю: описываются внешний вид и обычаи людей, с которыми он сталкивался, природа и т. п. Еще одной важной стороной этого источника являются особенности восприятия древнерусского человека, которые косвенно говорят о его собственных привычках и внутренних установках.

Смысл хождений до сих пор остается не вполне ясным. В литературе их часто называют «путевыми записками» или «своего рода путеводителем» (Д.С. Лихачев). Представляется, однако, что подобные определения - при всей их условности – значительно модернизируют хождения. Описания паломничеств являются важным источником для изучения не только деталей жизни и быта (например, систем измерения), но и общих представлений о Русской земле и ее месте в мире.

Воинские повести появляются как самостоятельные произведения только с середины XIV в. Именно к этому времени относят создание Повести о разорении Рязани Батыем. Она непосредственно примыкает к рязанским агиографическим произведениям. Древнейшая редакция Повести отразилась в Новгородской I летописи, однако впоследствии она вошла в литературные сборники, что позволяет говорить о ней как о самостоятельном произведении. Не теряя некоторых особенностей стиля, характерных для летописных статей,

Мощным толчком к созданию цикла воинских повестей стала Куликовская битва 1380 г. Из подобных самостоятельных произведений следует выделить Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) и Сказание о Мамаевом побоище.

Задонщина – поэтическое повествование о Куликовской битве, написанное, скорее всего, в 80-90-е годы XIV в. Она дошла в шести списках 70-х годов XV-конца XVII в. Задонщина имеет множество общих мест со Словом о полку Игореве. Собственно, дискуссия о датировке Слова во многом упирается в вопрос о том, какие чтения - Задонщины или Слова о полку Игореве – являются первичными. Кроме Слова, Задонщина опирается и на другие источники, в частности, как считает М.А. Салмина, на летописную повесть о Куликовской битве конца 40-х годов XV в. (соответственно, дается и иная датировка Задонщины).

Сказание о Мамаевом побоище – самый большой по объему памятник Куликовского цикла. Именно из него заимствуются подробности об обстоятельствах и ходе сражения на

берегах Непрядвы (например, о действиях засадного полка, о "контузии" Дмитрия Донского и т. п.). Это не только самое подробное, но и одно из самых поздних произведений о Куликовской битве. Его создание чаще всего относят не ранее чем к первой четверти XV в. В последнее время все чаще высказывается мнение о еще более позднем ее появлении. Сложность вопроса о датировке Сказания усугубляется тем, что оно неоднократно перерабатывалось (вплоть до начала ХУШ в.). Сохранилось множество списков этой повести, делящихся на восемь редакций и большое количество изводов. И все-таки большинство исследователей сходятся на том, что, помимо различных письменных источников (скажем, южнорусского летописания), автор пользовался устными источниками, в том числе воспоминаниями участников самой битвы. Однако при использовании Сказания в качестве исторического источника приходится признать, что для автора художественные достоинства создаваемого текста, несомненно, были гораздо важнее точности в передаче фактических подробностей.

Одной из последних древнерусских воинских повестей является Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков (около 1641 г.). Она существует в трех вариантах: «историческом», «поэтическом» и «сказочном». «Историческая» повесть появилась вскоре после того, как весной 1637 г. донские казаки в результате двухмесячной осады захватили Азов – турецкую крепость в устье Дона. Повесть написана в форме казачьей войсковой отписки. Очевидно, автор ее был связан с войсковой канцелярией. Наряду с сугубо документальными описаниями в ней присутствуют конфессиональные мотивы, характерные для древнерусских воинских повестей. Цель, которую ставил перед собой автор, – описать Азовское осаждение «на память роду христианскому... на укоризну и на позор нечестивым родом поганьскаго языка». Поэтическая версия Повести была написана непосредственно после героической обороны Азова казаками в 1641 г. Возможно, ее автором был казачий есаул войсковой дьяк Федор Порошин.

Воинские повести древней Руси являются важным историческим источником не только потому, что многие сообщаемые в них сведения уникальны, но и потому, что в них – как ни в какой другой разновидности повествовательных источников – отразились дух времени, непосредственное восприятие описываемых событий современниками и ближайшими потомками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 7

Актовые материалы Древней Руси и России X-XVII вв.

Первым письменным сборником законов раннефеодальной монархии является Русская Правда. Термин «правда», широко встречающийся в древнерусских письменных источниках, означал правовые нормы, на основании которых вершился суд. Отсюда родились такие выражения, как «судить в правду», «судить право», т. е. судить в соответствии с судебными процессуальными нормами своего времени. Неслучайно от слова «правда» происходит современное понятие «право», обозначающее совокупность законов и постановлений государства, относящихся к какой-либо стороне устройства, жизни и деятельности общества.

Источниками кодификации в Русской Правде были нормы обычного права и княжеская судебная практика. Этот первый письменный закон представлен в настоящее время многими списками, которые на основе различных чтений разделяются на несколько групп, соответствующих его редакциям.

Самая ранняя редакция получила название Краткая Правда. Ее текст дошел до нашего времени в двух списках Новгородской первой летописи младшего извода – Академическом и Археографическом. В летописи под датой 1016 (6524) г. сказано о том, что князь Ярослав Мудрый пожаловал новгородцам «правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по се грамоте ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите», после этих слов помещен текст Русской Правды: «А се есть правда рускаа. Убьетъ мужъ мужа...»¹. Хотя текст Краткой Правды помещен в летописи под датой 1016 г., отнести его возникновение к этому году нельзя. Отдельные статьи этого документа возникли очень рано, еще в период разложения родового строя, другие – после 1016 г. По мнению ученых, в состав Краткой Правды входят 43 статьи, которые оформлялись постепенно. В разное время в единый текст были включены четыре самостоятельные части: «Правда Ярослава», или «Древнейшая Правда» (ст. 1–18), «Правда Ярославичей» (ст. 19–26), «Покон (устав.) вирный» (ст. 42), «Урок мостшкам» (ст. 43).

«Древнейшая Правда» содержит и архаичные нормы права, которые в XI – XII вв. отмирали или трансформировались, превращаясь в нормы классового общества, и нормы, возникшие только в новых исторических условиях. Временем появления самой древней части краткой редакции Русской Правды многие ученые считают 1016 г.

После смерти князя Ярослава Владимировича «Древнейшая Правда» была дополнена новыми статьями. Этот текст, получивший название «Правда Ярославичей», и был составлен, по мнению большинства исследователей, в 70-х гг. XI в. На протяжении последней четверти XI в. она продолжала пополняться новыми статьями (ст. 27–41).

«Покон вирный» является третьей составной частью краткой редакции Русской Правды. Он определял порядок кормления вирника – княжеского слуги, собиравшего виру (денежный штраф в пользу князя за убийство свободного человека). «Покон» как самостоятельный закон датируется в науке по-разному: С.В. Юшков, А.А. Зимин и Л.В. Черепнин относили появление текста ко времени княжения Ярослава Владимировича, т.е. до 1054 г., а М.Н. Тихомиров – после смерти этого князя.

Сопоставление статей обеих редакций Русской Правды показывает расширение сферы действия нового кодекса в соответствии с изменившимися условиями. Появляются новые субъекты права: например, если в краткой редакции субъектами законодательства выступали княжеские слуги, то в пространной редакции есть статьи, защищающие не только княжеских, но и боярских слуг.

Иногда называют еще один источник Пространной Правды – протограф Сокращенной Правды.

Ученые по-разному решают вопрос о времени возникновения пространной редакции Русской Правды. Зимин полагал, что весь текст этой редакции сложился при Владимире Мономахе, княжившем в Киеве с 1113 по 1125 г. Юшков считал, что Пространная Правда

была создана в 1113 г. Почти на сто лет позднее отодвигали создание пространной редакции Русской Правды Тихомиров и Черепнин. Они связывали окончательное оформление этого документа с волнениями, произошедшими в Новгороде в 1209 г. (по уточненным В.Л. Яниным данным – в 1207 г.).

Третья редакция Русской Правды получила название Сокращенная Правда. Она дошла до нас в двух списках XVII в., которые еще плохо изучены. Ряд исследователей считает ее памятником позднего происхождения, появившемся в результате сокращения Пространной Правды. Тихомиров, однако, возводил текст Сокращенной Правды к протографу, возникшему во второй половине XII в. и использованному при создании Пространной Правды.

Княжеская *уставная грамота* отражала прецедентный характер древнерусского законодательства. Она возникала в связи с конкретным случаем на определенной территории и в определенное время. Например, в уставной грамоте определялись повинности феодально-зависимого населения или закреплялись экономические и судебные интересы светской и церковной властей. Таким образом, уставные грамоты приближались к документам договорного характера.

Устав – источник более сложного состава и происхождения, чем грамота. В его основе могли лежать одна или несколько уставных грамот.

Особую группу составляют княжеские уставы, касавшиеся взаимоотношений светской и церковной властей и отражавшие земельные, финансовые и иные интересы государства и церкви. Они стали выдаваться церкви в связи с учреждением в Киевской Руси епископских кафедр. Самым ранним подобным документом считается Устав киевского князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, созданный, по-видимому, в начале XI в. Устав определял место церковной организации в государстве: источники ее материального обеспечения, сферы юрисдикции.

В течение XI – XII вв. по мере укрепления церкви и увеличения числа ее институтов изменялось и содержание Устава. Некоторые положения Устава о десятинах, судах и людях церковных были развиты в Уставе киевского князя Ярослава Владимировича о церковных судах. Он был создан в период между 1051 и 1054 гг. Новый устав трактовал последствия нарушения норм церковного права в области семейных отношений. Тексты уставных грамот, послуживших источниками обоих уставов, до настоящего времени не дошли.

В целом уставы обобщали нормы отношений светской власти, церкви и населения, действовавшие длительное время на различных территориях. В уставах было меньше указаний на конкретные место и время их создания, чем в уставных грамотах, но они отличались широтой содержания.

В период феодальной раздробленности законодательство продолжало развиваться в форме уставных грамот и уставов, которые теперь выдавались местными князьями. Такую уставную грамоту, например, смоленский князь Ростислав Мстиславович дал церкви Богородицы, при которой была создана епископская кафедра. Эту грамоту принято датировать 1136 г., когда в Смоленске была учреждена епископская кафедра. Однако в последние годы возникла гипотеза о более сложном составе грамоты. Янин считает, что ее текст, дошедший до нас в единственном списке первой половины XVI в., объединяет два документа, полученные смоленской соборной церковью и епископской кафедрой в разное время: уставную грамоту на десятину, датирующуюся в пределах от 1139 до 1149 г., и уставную грамоту 1150 г. на безусловную собственность (статьи о «прощениках», изгоях, селах и т.д.). Новая реконструкция позволяет сделать вывод, что в XII в. в Смоленском княжестве складывалось свое законодательство, регламентировавшее взаимоотношения местных светской и церковной властей.

Сохранились уставные грамоты и уставы XIII в., отражавшие административную деятельность государственной власти в некоторых землях Руси. Среди них уставная грамота волынского князя Мстислава Даниловича (около 1289 г.), назначавшая размеры и

формы феодальных повинностей с «берестьян» и горожан в пользу княжеской администрации. Она сохранилась в составе Ипатьевской летописи. Важным свидетельством существования у новгородской купеческой корпорации устава является «рукописание» князя Всеволода XIII в. Оно регулировало отношения князя, епископа и города с церковью Иоанна на Петрятином дворе. «Рукописание» создано на основе ряда грамот, среди которых были документы XII в. О порядке надзора за благоустройством новгородских улиц говорится в Уставе князя Ярослава о мостех (60-е гг. XIII в.).

В период феодальной раздробленности на территориях самостоятельных государственных образований возникали свои законодательные нормы, которые отвечали новой реальности. Эти нормы отражались в кодифицированных законах. Свои своды законов имели Новгород и Псков.

Начало формирования правовых основ Русского централизованного государства положила Белозерская уставная грамота наместничьего правления, которая датируется 1488 г. – годом окончательного присоединения Белозерского княжества к Московскому государству. Она открывает новую эпоху в истории русского законодательства. Уставные грамоты в этот период юридически оформляя и вхождение какого-либо княжества или какой-либо земли в состав Московского государства и распространяли на эту территорию власть московского князя. Для управления присоединенной территорией московские великие князья назначали наместника и волостелей, которым в качестве основного документа, определявшего их судебные и административные полномочия, вручалась уставная грамота.

Наиболее древней подобной грамотой, дошедшей до нас, является Двинская уставная грамота 1397 или 1398 г. Появилась она в тот период, когда на короткое время Двинская земля, принадлежавшая ранее Новгороду, вошла в состав княжества Великого Московского. Двинская уставная грамота – результат законодательной деятельности московских великих князей, обобщавших правовые нормы Московского государства. Кроме того, отменяется близость этой грамоты Русской Правде в пространной реакции, а также новгородским и псковским нормативным актам периода феодальной раздробленности.

Первым крупнейшим законодательным кодексом Русского централизованного государства конца XV в. является *Судебник 1497 г.* Его назначение состояло в том, чтобы унифицировать порядок судебно-административной деятельности на территории всего государства. В первом общерусском Судебнике затрагиваются вопросы судопроизводства по важнейшим делам и распределения судебных пошлин среди представителей центральной и местной администрации, осуществлявших правосудие.

Судебник 1497 г. был обнаружен в 1817 г. Строевым. До настоящего времени известен лишь один его список. Заголовок источника передает самые общие сведения о порядке создания Судебника и его содержании: «Лета 7006-го (1497 г.) месяца септемвриа уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и с бояре о суде, како судити бояром и околничим».

Судебник 1497 г. не имеет постатейной разбивки текста, что характерно и для более ранних законодательных памятников. С учетом киноварных заголовков и мелких киноварных инициалов Судебник 1497 г. принято подразделять на 68 статей. Это деление текста, обоснованное М.Ф. Владимирским-Будановым, признано в науке. Однако существуют и иные варианты членения Судебника на статьи. Например, исследование, проведенное Черепниным, дало ученому основание говорить о 100 статьях.

Исследователи отмечают наличие определенной тематической системы в Судебнике 1497 г. и выделяют статьи, посвященные центральному суду, местному суду, материальному праву. В Судебнике также есть статьи, которые не попадают в указанную систему.

Сопоставление текста Судебника 1497 г. с предшествующими законодательными документами выявило ряд параллелей между ними. Прежде всего просматривается влияние

на Судебник Русской Правды. Определенная близость законодательных норм этих источников обнаруживается в нескольких статьях: о несостоятельном должнике-купце (ст. 55 Судебника 1497 г. и ст. 54 Пространной Правды); о наследовании (ст. 60 Судебника 1497 г. и ст. 91 Пространной Правды); о межах (ст. 62 Судебника 1497 г. и ст. 72 Пространной Правды); о холопах (ст. 66 Судебника 1497 г. и ст. 110 Пространной Правды). Связь Судебника 1497 г. с Пространной редакцией Русской Правды была в основном опосредована законодательными документами периода феодальной раздробленности. К числу памятников, при создании которых обращались к нормам Русской Правды, относится, к примеру, Псковская судная грамота.

В то же время составители Судебника 1497 г. пользовались новыми статьями уставных грамот наместнического правления (в первую очередь, Двинской и Белозерской), Псковской и Новгородской судных грамот, а также Указом наместником о суде городским 1483 – 1484 гг., Указом о езде, Указом о недельщиках. Источниками были также жалованные грамоты, грамоты отдельных княжеств и т.д.

Более трети статей Судебника 1497 г. обнаруживает следы переработки ранее созданных и известных в науке законодательных памятников, и норм обычного права. Статьи, взятые из прежнего законодательства, перерабатывались с учетом изменений политических и социально-экономических условий. Примером такой переработки может служить ст. 8 «О татбе», источником которой считают ст. 10 Белозерской уставной грамоты.

В Судебнике смертная казнь ставится в зависимость от личности преступника, а не от состава его преступления (состав «лихого дела» не раскрыт). Это свидетельствует о том, что в конце XV в. законодательство развивалось как феодально-сословное.

Те статьи, которые не имеют параллелей с известным сегодня законодательством, могли восходить к недошедшим до нас законодательным актам отдельных земель и княжеств. Существует предположение о том, что среди них могли быть некоторые звенигородские нормы. Однако, возможно, Судебник 1497 г. не был обработкой ранее созданных законодательных документов. Ученые полагают, что статьи, не имеющие параллелей в ранее возникшем законодательстве, могли быть созданы специально для нового кодекса.

То обстоятельство, что ряд статей не использовался на практике, можно объяснить именно их новизной. Судебник 1497 г. был положен в основу Судебника 1550 г., в котором его отдельные положения и принципы получили дальнейшее развитие.

Судебник 1497 г. отражает достаточно развитую систему письменных делопроизводственных источников, связанную, прежде всего, с судебно-следственными делами. В статьях Судебника упоминаются правые грамоты (ст. 15, 17, 19, 22, 23), докладной список (ст. 16, 24), отпускная грамота (ст. 17), грамота беглая (ст. 20), бессудная грамота (ст. 25, 27), срочные грамоты (ст. 26), приставные грамоты (ст. 28), полная грамота (ст. 66) и т.д. Хотя в этом источнике не уделялось особого внимания делопроизводственной документации, он косвенно закреплял сложившуюся к концу XV в. систему документов.

В исторической литературе XIX – XX вв., посвященной Судебнику 1497 г., обсуждалась проблема его авторства, возникающая в связи с записью в Типографской летописи под 1497 г. Согласно этой записи, составителем Судебника являлся боярский сын Владимир Гусев. Сомнения в исправности летописной записи были высказаны только в середине XX в. Лурье предположил ее неполноту, и слова «Володимера Гусева писати» связывал не с Судебником, а с известием о заговоре 1497 г., участником которого был этот человек. О механическом соединении в летописной записи выдержек из разных источников писал Черепнин.

Судебник 1550 г. регулировал судоустройство и судопроизводство. Его часто называют Царским Судебником, так как он был принят при великом князе Иване Василье-

виче, венчавшемся на царство. Этот документ отражал тенденции централизации управления и судопроизводства в государстве, намеченные в Судебнике 1497 г.

Условия, в которых создавался Судебник 1550 г., были связаны со становлением самодержавия и необходимостью дальнейшего укрепления централизованного государства.

В отличие от первого Судебника, дошедшего до нас в единственном списке, Судебник 1550 г. сохранился в более чем 40 списках XVI – XVIII вв. В большинстве списков он имеет следующий заголовок: «Лета 7000 пятьдесят осмаго июня (1550 г.)... царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людей, и по городом наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям». Заголовок нового Судебника построен по схеме Судебника 1497 г., но в нем перечисляется больше должностей, представлявших судебные инстанции середины XVI в. Он свидетельствует также о том, что законодательный документ был утвержден на заседании Боярской думы в июне 1550 г. (точнее дату определить сложно, так как в списках называются различные числа, от 1 до 24 июня).

Судебник 1550 г. состоит из нумерованных статей. Деление текста на строго определенные статьи представляет собой новый шаг в развитии законодательства. Однако состав статей Судебника непостоянен: в одних списках насчитывается 99 статей, в других – 100. Ст. 100 имеет заглавие «О суде с уделными князи». Изучив все имеющиеся списки, Черепнин пришел к выводу, что эта статья отсутствовала в первоначальном тексте Судебника 1550 г. Она возникла позднее, чем сам Судебник. Черепнин датировал появление статьи и включение ее в состав кодекса июлем 1550 г., а Зимин и Г. В. Семенченко – 1553–1554 гг.

Соборное уложение 1649 г. отличалось от предыдущих Судебников широтой охвата различных сторон жизни общества. Помимо судопроизводства и процессуального права, оно содержало законы, связанные с экономикой, формами землевладения, положением господствующих и зависимых слоев населения, государственно-политическим строем. Построение Соборного уложения также отличалось от Судебников. В уложении отражена система норм права по предметам, которые легко могут быть объединены по разновидностям права. Оно состоит из 25 глав, разделенных на статьи, которых насчитывается 967. В начале Уложения помещено предисловие, разъясняющее мотивы составления свода и ход работы над ним. Таким образом, Соборное уложение может быть определено как свод законов.

Источниковедчески Соборное уложение изучалось по следующим направлениям: история его возникновения (причины и условия создания крупнейшего законодательного памятника феодальной эпохи); выявление его источников; обобщенный анализ его норм.

Инициаторами появления нового законодательного кодекса стали участники московского восстания, которое произошло в июне 1648 г. Одним из требований восставших было упорядочение законодательства и составление новой Уложенной книги. Для авторов челобитной к царю от 10 июня 1648 г. – дворян и торговых людей – создание Уложенной книги являлось важным условием упрочения государственного строя. Требования восставших были учтены. 16 июля 1648 г. был созван Земский собор, на котором подана челобитная о составлении Уложения. Для разработки новой Уложенной книги была создана специальная комиссия во главе с князем Никитой Ивановичем Одоевским. Согласно предисловию к Соборному уложению, в задачу комиссии входила подготовка проекта Уложения. Процесс его подготовки включал несколько этапов, среди которых: выписки из прошлого законодательства статей, которые «пристойны... к государственным и к земским делам»; сверка статей с прежними Судебниками; подготовка проектов статей по тем вопросам, по которым «в судебниках указу не положено и боярских приговоров на те статьи не было».

Комиссия Одоевского составляла первоначальный вариант Уложения в течение двух с половиной месяцев. К этой работе были привлечены также приказы, которые присылали в комиссию необходимые материалы.

Предисловие к печатному изданию Соборного уложения сообщает также о ходе обсуждения его проекта. Слушание проекта на Земском соборе, открытом 1 сентября 1648 г., проходило в двух палатах: в одной заседали царь, Боярская дума и Освященный собор, в другой – Ответной палате – выборные люди всяких чинов под председательством князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Активное участие в обсуждении проекта членов Ответной палаты оказало влияние на состав Уложения.

Последовательность глав Уложения, обсуждавшихся в Ответной палате, зависела, по-видимому, от степени их готовности. Например, известно, что последней обсуждалась глава 7 «О ратных людях». Есть основания предполагать, что проект подвергся существенной переработке в ходе его обсуждения в Ответной палате. Во время обсуждения проекта комиссия Одоевского составляла доклады для царя по новым челобитным выборных людей.

Составление и редактирование текста Уложения в ходе заседаний Земского собора было закончено 29 января 1649 г. Вероятно, это и дата утверждения этого документа Земским собором и царем. С утвержденного Уложения были изготовлены два списка: в виде свитка (с 315-ю подписями членов Собора и дьяков) и в виде кодекса (книги) (предназначен для Печатного двора). Из этих вариантов сохранился только свиток.

Соборное уложение 1649 г. стало первым русским законодательным документом, который был напечатан сразу после его утверждения. До Уложения новые законы обычно оглашались на торговых площадях и в храмах. Такой способ оповещения порождал возможность злоупотреблений должностных лиц. Появление печатного Уложения подрывало основу для этого. Уложение вышло в свет весной 1649 г. тиражом в 1200 экземпляров. По всей видимости, во второй половине того же года состоялось еще одно издание таким же тиражом.

В Русском централизованном государстве в периоды между систематизациями законов законотворческая деятельность отражалась в грамотах и указах верховного правителя (великого князя, царя), приговорах Боярской думы, постановлениях Земских соборов, отраслевых распоряжениях приказов. Поскольку законодательство оставалось прецедентным (т.е. из решения частного случая законодатель выводил законодательную норму), то все эти материалы в дальнейшем служили источниками кодифицированного закона.

Таким образом, в XVI – XVII вв. не существовало различий между законом, административным распоряжением и судебным решением. Основными формами закона были *грамота* и *указ*, которые исходили только от верховной власти (непосредственно или от ее имени). Законодательные акты, принятые царем совместно с Боярской думой, назывались *указами с боярскими приговорами*. В отсутствие царя по его распоряжению бояре в Боярской думе подготавливали *боярские приговоры*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 8

Законодательные акты XVIII- XIX в.

Закон предназначен для регулирования наиболее важных общественных отношений. Он наделяет правами и обязанностями субъектов, к числу которых относятся индивид, светские или духовные сообщества, сословие или другие социальные категории населения. Закон имеет обязательную силу, в случае его нарушения предусматривается то или иное наказание.

Правила, которые регулировали поведение людей и их отношение друг к другу, начали формироваться еще на стадии первобытнообщинного общества – в тот период, когда человечество не знало письменности. Правила поведения, сложившиеся в те далекие времена на основе обычая, принято называть обычным правом. В позднепервобытном обществе нормы обычного права охватывали и отношения собственности (имущественные отношения внутри семьи и между семьями – обмен, пользование, распоряжение и владение движимым и недвижимым имуществом, землепользование и землевладение, наследование), и семейно-брачные отношения. По обычному праву осуществлялись наказания за убийство, нанесение телесных повреждений.

Следы славянской правовой терминологии, относящейся к обычному праву, исследователи находят в письменных исторических источниках. Например, в «Повести временных лет» в легенде о призвании варягов такой терминологический пласт просматривается в следующих словах и словосочетаниях: «правда», «володеть и судить по праву», «владеть и рядить по праву», «наряд», «володеть и рядить по ряду, по праву», «княжить и володеть» (погодная запись 862 г.). Нормы обычного права исследователи находят в договорах Руси с Византией, где упоминается «Закон русский», в котором ряд исследователей усматривают сборник норм обычного права.

В условиях классового общества обычное право постепенно вытеснялось законом, представляющим собой продукт деятельности государственной власти. На первых порах обычай, сложившийся в первобытнообщинном обществе, в классовом обществе санкционировался государственной властью. Постепенно писанный закон как атрибут государства стал доминирующим. Но обычное право не исчезло полностью – оно заняло место правового регулятора в русской крестьянской общине и исполняло эту функцию до середины XIX в.

Развитие российского законодательства было тесным образом связано с развитием формы феодального государства: раннефеодальной монархией, сословно-представительной монархией, абсолютизмом. По мере развития государства происходило увеличение категорий субъектов, попавших в поле деятельности законодателя, и усложнялась деятельность законодателя, принимавшего законы вместе со специальными органами, наделенными совещательными или законодательными функциями. Постепенно нарастала потребность охватить законодательством все более или менее значимые, с точки зрения государства, сферы общественной и государственной жизни.

Древнерусское законодательство носило прецедентный характер, когда источником закона являлось решение суда или иного органа государственной власти, принимавшееся за образец при рассмотрении сходных вопросов. Такой тип законодательства называют также казуистическим. Уже первый письменный закон – Русская Правда – содержит указание на конкретный прецедент, решение по которому стало основанием для закона: «А конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убиле Дорогобудьци».

Структура изложения нормы в древнерусских законодательных источниках отличалась устойчивостью, что находит отражение во многих законах Киевской Руси, Русского государства периода феодальной раздробленности, Русского централизованного государства. На форму фиксации закона, возможно, влияли архаичные формулы сохранения в памяти установлений, выработанные еще в дописьменный период, когда

была необходима особая точность их устного воспроизведения. В условиях государства письменное оформление законодательных норм опиралось, таким образом, на давнюю традицию.

Для древнерусских законодательных материалов характерна следующая устойчивая конструкция: начальная часть состоит из круга слов местоименного характера («аще», «а иже», «а которому» и др.) и соотношенного с ним опорного слова также местоименного характера («такой», «тот», «то», «так(о)», «ино» и др.): «Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, то 12 гривне за обиду» (Краткая Правда); «А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнет хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнет при-метати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на немь» (Краткая Правда); «А которому посаднику сести на посадниство, ино тому...» (Псковская судная грамота); «А которого татя поймают с такою татбою., ино его казнити...» (Судебник 1497 г.); «А которые помещики всяких чинов похотят межь себя поместья своими меняться, и им... бити челом государю...» (Соборное уложение 1649) и др.

Основная тенденция развития российского законодательства состояла в движении от частного к общему, от решения конкретных вопросов к обобщениям в государственном масштабе. Явственно результаты этой тенденции проявятся в конце XVII – XVIII вв., когда принятие и оформление законов будут осуществляться в иных условиях государственной и социально-экономической жизни.

Время от времени на базе накопленных нормативных правовых актов по распоряжению верховной власти могли составляться новые единые законодательные тексты. Из решений, ранее принятых по отдельным казусам, отбирались те, которые наиболее соответствовали текущему моменту, и оформлялись в виде кодекса или свода. Кодекс – это единый законодательный акт, в котором объединены и систематизированы нормы права, регулирующие определенную область общественных отношений (например, кодекс уголовного права). Свод законов – это официальное систематизированное полное собрание действующих нормативных актов. Принцип систематизации законов в своде может быть хронологическим или тематическим.

В XVIII в., в условиях абсолютной монархии, единственным субъектом законодательной власти был царь (с 1721 г. – император). Иначе говоря, право издания законов принадлежало только верховному правителю. Особенностью законодательной деятельности монарха было стремление регламентировать как можно больше сфер государственной и общественной жизни. В первой четверти XVIII в. Петр I провел реформу многих отраслей права (государственного, гражданского, уголовного права, судопроизводства). Все это определило существенные изменения в характере, содержании и форме законодательных материалов.

Новым моментом в законодательной деятельности в XVIII в. явилось изменение принципов подготовки законов. Российское законодательство перестало накапливать прецеденты, законодатель активно вмешивался в жизнь, стремясь с помощью закона преодолеть прежние порядки. Изменилась процедура подготовки и издания законов. Работа над законами была, как правило, многостадийной. Для начала разработки закона была необходима законодательная инициатива. Она могла исходить от императора. С инициативой разработки закона к императору могли обращаться Сенат, Синод, коллегии и местные учреждения. Следующая стадия работы над законом – составление его проекта. Проекты разрабатывались в государственных учреждениях (Сенате, Синоде, коллегиях или специальных комиссиях). Затем следовало обсуждение законопроекта. Предварительное обсуждение проводилось в коллегиях и специальных комиссиях, а окончательное – в высших государственных учреждениях (Сенате и Синоде). Следующая стадия законопроекта – его санкция (утверждение) верховной властью. Санкция императора была необходимым условием превращения законопроекта в закон. Генеральный регламент предписывал только письменную форму утверждения закона. Однако преемники Петра I допускали и устную форму, которая перестала использоваться

в начале XIX в. при введении министерств. После утверждения закон обязательно публиковался. Публикация закона была важным условием деятельности государственных учреждений, в частности судебных, так как по требованию Петра I судебные дела должны были рассматриваться на основе напечатанных и всенародно объявленных указов. После публикации закона начиналось его исполнение.

На каждой из указанных стадий создавались разнообразные материалы (предложения, доклады, проекты, записки, замечания, мнения отдельных лиц и учреждений). Например, все наиболее важные петровские законы имели 3 – 6 редакций, а Генеральный регламент – 12 редакций. Эти материалы позволяют более глубоко проанализировать происхождение законов, политику правительства, позиции учреждений, группировок и отдельных лиц.

В 1711 г. был создан Правительствующий Сенат – высшее правительственное учреждение, обладавшее законосовещательными функциями. Он заменил Боярскую думу. Сенат был связан с разработкой законопроектов, ему принадлежала важная роль в обнародовании законов. По указу 1721 г., все новые законы должны были представляться в Сенат на апробацию, утверждаться подписью его членов и публиковаться. Согласно указу 1723 г., все письменные и устные указы императора, передаваемые в коллегии и различные канцелярии, должны были немедленно передаваться в Сенат. Сюда приходили законы либо в окончательной редакции для опубликования и исполнения, либо для доработки, а также законопроекты, выработанные членами коллегий или частными лицами. Накопление законодательных материалов в Сенате продолжалось и после учреждения министерств в начале XIX в.

В XVIII в. сохранилось такое название законодательного акта, как указ. Именные указы издавались монархом по наиболее существенным вопросам государственного значения и были адресованы конкретным государственным учреждениям или высшим должностным лицам. Текст указа подготавливался в канцелярии императора (например, статс-секретарями Екатерины II), а затем поступал в Сенат. Именные указы адресовались и Сенату, и другим учреждениям, и отдельным должностным лицам.

Именные указы, прошедшие обработку в Сенате перед их «всенародным» объявлением, назывались именными указами, объявленными из Сената. Их обработка была связана с добавлением в текст ряда начальных и конечных формул, свидетельствовавших о прохождении документа через Сенат, а также с изменением стилистики текста – замены личного местоимения «Мы» на «Его (Ея) Императорское Величество», глаголов 1-го лица множественного числа на глаголы 3-го лица единственного числа.

В качестве примера рассмотрим указы, оформившие в ноябре 1764 г. административную реформу на Левобережной Украине. В связи с этой реформой вышли два именных указа, предназначенные для Сената и датированные одним днем. В обоих текстах разновидность документа и адресат передавались стандартной формулой: «Указ нашему Сенату». Первый именной указ объявлял об упразднении гетманского правления на Левобережной Украине, разъяснял причины увольнения малороссийского гетмана К.Г. Разумовского и называл условия его отставки, а второй указ провозглашал создание вместо «гетманского уряда» Малороссийской коллегии во главе с малороссийским генерал-губернатором П.А. Румянцевым.

Задача Сената состояла в том, чтобы довести содержание именных указов до заинтересованных лиц. Указы распространялись в печатном виде. Хотя эти именные указы возникли в одно время и касались одного сюжета – реформы управления на Левобережной Украине, они представляют собой два самостоятельных текста. В этом, по всей видимости, проявился прецедентный характер мышления российских законодателей даже в середине XVIII в.

Источниками законодательного характера являются также регламенты. Они определяли общую структуру, статус и направление деятельности отдельных государственных учреждений. Эта форма нормативного акта была особенно

распространена в период правления Петра I, когда создавалась новая система государственных учреждений. С 1711 по 1721 г. возникло несколько регламентов, среди которых Регламент Кригс-комиссариату (о выдаче жалованья в полках, 1711 г.); Регламент Штатс-контор-коллегии (о государственных расходах, 1719 г.); Регламент Коммерц-Коллегии (о государственных доходах, 1719 г.); Генеральный регламент (о штатах и деятельности коллегий, 1720 г.); Регламент Главному магистрату (о городском устройстве, 1721 г.); Духовный регламент (о Синоде и церковном управлении, 1721 г.).

В XVIII в. законы могли издаваться в форме жалованных грамот. Так, в 1785 г. были подготовлены и вступили в действие подробные кодифицированные законы – Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства и Жалованная грамота на права и выгоды городам.

Проблема разграничения законов, административных распоряжений и судебных решений в XVIII в. сохранялась, хотя осознание необходимости ее разрешения уже пришло. Наиболее четко различие законов, административных распоряжений и судебных решений представила в Наказе Уложенной комиссии императрица Екатерина II. По ее мнению, законы – «те установления, которые ни в какое время не могут перемениться и таковых числу быть не можно великому»; указы – «все то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное или на чью особу относящееся и может со временем перемениться»

Уже в начале XVIII в. одной из важнейших задач государства в области законотворчества было приведение законов в определенную систему. Эта система могла возникнуть на основе учета или переработки ранее изданного законодательства с исключением из него недействующих норм или разработкой новых законов. Например, Татищев говорил о необходимости, «чтоб преждния несогласные оному закону точно объявлены были, что уничтожаются или что из онаго оставляется, дабы из того выборам сужденные привлекать не могли». Татищев считал работу по созданию нового уложения чрезвычайно важной в связи с тем, что существующие законы противоречили друг другу, были разбросаны по разным изданиям, одних законов не хватало, другие были неясно написаны. В 40-х гг. XVIII в. он писал о современной ему системе законов: «Уложение 1649, потом Петра Великого с 1714 году и наследников его по 1741 в разных книгах напечатано, но понеже многое во оных недостает или есть, да неясно, и оные один другому противоречат, для того с 1719 о сочинении новаго уложения трудятся, но мнится, что за многими прихотями никогда не дожждаться». Историк оказался провидцем: в течение XVIII в., несмотря на положительные результаты деятельности ряда уложенных комиссий, свод законов так и не был официально утвержден.

Привести законодательство в порядок должна была кодификация законов. В XVIII – первой половине XIX в. существовали два типа кодификации: традиционная, ставящая задачу простого упорядочения ранее созданного законодательства, и новая, направленная на выработку имеющейся основы или без нее нового законодательства.

Рассредоточенность законодательных материалов по различным приказам во второй половине XVII в. создавала трудности для использования законов. В начале XVIII в. Петр I предпринял попытку создания новой Уложенной книги. В 1700 г. по указу царя была сформирована Палата об Уложении. В ее задачу входил сбор списков с «новоуказных статей» (ряда кодифицированных законов, дополнявших Соборное уложение 1649 г.) и боярских приговоров «по вершенным делам», о которых ничего не сказано ни в Уложении 1649 г., ни в новоуказных статьях. Все списки указов должны были быть разнесены по главам и статьям Соборного уложения для рассмотрения их в Палате об Уложении. Работа членов Палаты состояла в сводке действующего права. Текст нового Уложения составлен не был. Палата лишь разработала проекты нескольких глав. Деятельность этого учреждения продолжалась до конца 1703 г. В дальнейшем Петр I пошел по пути создания не свода законов, а отраслевых кодексов, т.е. законодательства по отраслям. Система феодального права при абсолютизме продолжала оформляться в систему

кодифицированных отраслевых законодательных актов, намеченную еще во второй половине XVII в.

Продолжая традицию древнерусского права, согласно которой в первую очередь развивалось уголовное и процессуальное право, петровское законодательство кодифицировало эти отрасли. Прежде всего кодификации подверглись военные отрасли права. В 1715 г. возникли «Воинский артикул» и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», посвященное процессуальному праву и судоустройству в военной юстиции.

Указ о единонаследии (1714 г.) имеет значение кодекса наследственного права. Генеральный регламент 1720 г. представлял собой кодекс административного права. В его основу был положен шведский Канцелярский устав 1661 г.

Однако в XVIII в. не отказались от идеи создания нового свода законов. В петровское время кроме Палаты об Уложении работали еще две комиссии. Если первая комиссия 1714 г. не дала никаких результатов, то итогом деятельности Уложенной комиссии при Сенате, созданной в 1720 г., стал обширный проект Уложения Российского государства. С деятельностью последней комиссии связаны новые подходы к систематизации законов. Первоначально метод кодификации законов в Уложенной комиссии был традиционным, как и в Палате об Уложении 1700 – 1703 гг.: законы должны были располагаться в соответствии с главами Соборного уложения 1649 г. Однако в начале 1723 г. принцип систематизации отечественного права был изменен. Структура Соборного уложения уже не была единственной основой систематизируемого нормативного материала. Набор и порядок глав в четырех книгах Уложения определялся по различным источникам: Краткому изображению процессов 1715 г., Новоуказным статьям 1669 г., Уставу морскому, титулам шведского Земского уложения 1608 г., Соборному уложению 1649 г. и т.д.

При кодификации комиссия использовала не только русское законодательство, но и законы Швеции (Земское уложение 1608 г., Градское уложение 1618 г., уставы 1669, 1686, 1695 гг.), эстляндские и ливонские нормативные акты. В наибольшей степени влияние шведского права отразилось в трактовке вопросов судоустройства, процессуального и уголовного права. Что касается области социально-экономических отношений (вопросы имущественного права, положения крестьянства, крепостного права, найма рабочей силы), то эти сферы остались в рамках русского законодательства.

Работа комиссии над проектом Уложения Российского государства была завершена в 1726 г. Проект состоял из 120 глав и 2113 артикулов, расположенных в четырех книгах: книге «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду надлежащих»; книге «О процессе в криминальных, розыскных и пыточных делах»; книге «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют»; книге «О гражданских, или гражданских, делах и о состоянии всякой экономии, или о добрых и противных порядках в домоправительстве». Главная идея новой Уложенной книги состояла в том, чтобы в соответствии с проведенными в первой четверти XVIII в. реформами разработать законодательные основы абсолютной монархии.

В 20 – 40-е гг. XVIII в. проект Уложения Российского государства неоднократно редактировался как целиком, так и по отдельным разделам, но утвержден не был. В 30-е гг. XVIII в. над Уложением работала еще одна комиссия. Она представила в Сенат проекты «вотчинной» и «судной» глав, но дальше этого дело не пошло. В 1754 г. Сенат создал новую комиссию, которая через два года представила две части Уложения: «О суде» и «О розыскных делах».

Самой известной в истории XVIII в. была Комиссия для сочинения нового Уложения (1767 – 1774). В ее деятельности предусматривались моменты, не известные в работе других комиссий. При подготовке законов предполагалось учитывать указы различных сословий. Опираясь на эти указы, переданные через выборных депутатов от всех сословий (кроме крепостного крестьянства) и государственных учреждений, Комиссия должна была составить новый свод законов. Императрица также подготовила свой наказ

Комиссии. В нем затронуты различные стороны жизни общества, в том числе и правовое регулирование. Наказ не имел законодательной силы, тем не менее он оказал заметное влияние и на законодательство, и на правовую мысль последней четверти XVIII в.

Возлагавшиеся на Комиссию для сочинения нового Уложения надежды не оправдались: как и предыдущие, она не выработала свода законов. Однако указы и проекты, подготовленные ее членами, в дальнейшем стали основой при разработке новых государственных институтов и норм частного права. Некоторые предложения, содержащиеся в наказах, были учтены в 70 – 80-х гг. XVIII в. в ходе проведения губернской и городской реформ, когда были созданы, к примеру, словесные суды. В это время в юридическую терминологию вводилось понятие «собственность», а также определялись права на распоряжение разными видами имущества после прекращения деятельности Комиссии по сочинению нового Уложения отдельные ее бывшие члены продолжали изучать и обрабатывать предыдущее законодательство. В 1787 г. они составили три тома «Словаря употребляемым в российском законоположении словам из Уложения, регламентов, указов, инструкций, наказов и прочих учреждений, состоявшихся с 7157-го (1649 г.), и расположенным по алфавиту». Подобного рода справочники, безусловно, способствовали более точному толкованию действующих законов и помогали совершенствовать процесс составления новых кодифицированных законов.

В правление Павла I вновь встал вопрос о необходимости создания Уложения. В 1796 г. была организована комиссия для составления законов. Ее задача заключалась в том, чтобы создать не новое уложение, а свод из уточненного прежнего законодательства. В результате деятельности этой комиссии (работала с 1796 по 1803 г.) был создан Свод законов, состоящий из 17 глав о судопроизводстве, 13 глав уголовного кодекса и 18 глав, посвященных гражданскому праву.

Деятельность по упорядочению российского законодательства приобрела значительный размах в годы царствования Николая I. В 1830 г. было издано «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах. Законы в нем расположены в хронологическом порядке, начиная от Соборного уложения 1649 г. и кончая последними указами императора Александра I. Затем из этого массива были отобраны и тематически представлены в 15 томах «Свода законов Российской империи» 1832 г., впоследствии периодически переиздаваемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 9

Делопроизводственная документация.

Делопроизводственные материалы - вид исторических источников, функцией которых является документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, вотчинное делопроизводство, делопроизводство акционерных компаний и т. д.). В структуре делопроизводственной документации выделяется группа разновидностей, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений, и группа разновидностей, обеспечивающих документооборот.

На протяжении XVIII в. и почти всего XIX в. большая часть делопроизводственных документов возникала в системе государственного аппарата. И только в конце XIX в. в связи с акционированием промышленности и созданием монополий расширилась негосударственная сфера ведения делопроизводства. Вторым, однако гораздо менее значительным, источником делопроизводственной документации становились общественные организации. Отметим также, что делопроизводственных материалов государственных учреждений не только было намного больше, чем прочих, но они и лучше сохранились благодаря организованной в начале XVIII в. архивной системе их хранения.

Таким образом, делопроизводство как вид исторических источников воспроизводит систему государственного аппарата. Еще раз напомним о дискуссии (чаще латентной, чем явной) о направленности причинно-следственной связи: с возникновением новых учреждений порождаются новые документы или необходимость в обработке количественно растущей и структурно усложняющейся документации (фактически за этим стоит обработка информации документов) ведет к усложнению государственного аппарата. Присоединимся ко второй точке зрения, с той оговоркой, что усложнение государственного аппарата, в свою очередь, приводит к усложнению делопроизводства, появлению большого количества документов, обслуживающих документопотоки.

Зависимость делопроизводства от изменений системы государственных учреждений ведет к периодизации развития данного вида исторических источников в соответствии с кардинальными преобразованиями государственного аппарата. Внутри рассматриваемого периода выделяются два этапа: коллежский и министерский. Однако не следует пренебрегать и другими критериями - например, такими, как изменение формы документов. При тесной взаимосвязи этих изменений, отметим, что реорганизация государственного аппарата, в первую очередь, влияет на организацию документопотоков и систему разновидностей делопроизводственной документации. Изменения формы ведения делопроизводства - переход от столбцовой формы к тетрадной, закрепление формуляра, применение бланков документов - сказывались на содержании отдельного документа.

Особенностью делопроизводства XVIII-XIX вв. по отношению к предшествовавшему периоду является то, что его важнейшие основы утверждались законодательно.

В начале XVIII в. создавалась новая система государственных Учреждений, причем возникновение новых учреждений оформлялось законодательно, а для многих из них издавались регламенты, регулировавшие деятельность учреждения, и в том числе Делопроизводство. В начале XVIII в. иногда специально оговаривалась необходимость документирования управленческих решений.

28 февраля 1720 г. был издан Генеральный регламент – основополагающий законодательный акт, определивший систему делопроизводства вплоть до революции 1917 г. Впоследствии, на протяжении XVIII-XIX вв., издавалось множество законодательных актов, устанавливавших формуляр документов отдельных разновидностей, порядок их прохождения, организацию документопотоков между учреждениями и решавших многие другие частные вопросы организации делопроизводства.

Генеральный регламент состоит из 56 частей. В регламенте обосновываются преимущества коллежской системы по сравнению с приказной. Значительная часть этого законодательного акта посвящена установлению штатов и описанию должностных обязанностей. Впервые вводимая дифференциация должностей была столь значительной, что не могла не сказаться на организации делопроизводства. Как известно, коллегия состояла из присутствия (общего собрания членов) и канцелярии, в которой и было сосредоточено делопроизводство. Во главе канцелярии стоял секретарь, который готовил дело к слушанию на коллегии. Кроме секретаря предусматривались должности нотариуса, который должен был вести протоколы заседаний; актуариуса, который был обязан регистрировать документы и передавать их исполнителям; регистратора, отвечавшего за оформление исходящих и регистрацию входящих и исходящих документов. Основные категории служащих канцелярии - канцеляристы и копиисты, причем первые готовили документы, вторые переписывали их набело.

Генеральный регламент предполагал обязательность обучения канцелярских служащих. По указу от 10 ноября 1721 г. для подьячих была создана школа при Сенате. Кроме того, в Генеральном регламенте формулировались общие правила составления документов, указывались основные реквизиты. Например, в начале протокола следовало указывать дату заседания и перечислять присутствующих.

11 января 1721 г. был издан «Регламент, или Устав Главного магистрата», к которому прилагались формы ведомостей, рапортов и т. д. На протяжении XVIII в. включение в законодательный акт формуляра документов стало обычным делом. Чаще всего давался формуляр учетных документов. Хотя можно найти и иные примеры: так, в указе от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» содержится образец составления челобитной.

С самого начала XVIII в. законодатель много внимания уделял порядку подачи челобитных. Челобитные всегда подавались на имя государя. В XVIII в., в силу рассмотренных выше причин, их количество увеличивалось, и законодатель был вынужден пресечь практику подачи челобитных непосредственно царю.

В 1802 г. прошла министерская реформа. Указ от 17 августа 1810 г. «Разделение государственных дел по министерствам» уточнил разграничение сфер деятельности министерств, конкретизировал их функции. 25 июня 1811 г. вышло «Общее учреждение министерств», в котором фиксировалась их структура. На основании этого законодательного акта издавались уставы и положения каждого министерства. С изменением структуры государственного аппарата изменилось и делопроизводство.

Можно выделить три группы делопроизводственной документации:

- 1) переписка учреждений;
- 2) внутренние документы;
- 3) просительные документы (часто выступают как инициативные при формировании дела).

Нижестоящие учреждения или должностные лица посылали вышестоящим доношения (донесения). Донесение нижестоящего должностного лица вышестоящему могло называться рапортом. Рапортами обычно назывались и донесения, посылаемые в Сенат. Донесение об исполнении какого-либо распоряжения могло называться экзекуцией.

Постепенно начала возрастать роль внутренней документации, обслуживавшей документопоток внутри учреждения. При поступлении в учреждение документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата, в регистрационном журнале передавалось содержание документа и отмечалось, кому он отдан для исполнения. Входящие документы учитывались в специальных книгах (регистратурах), в которых отдельно в хронологической последовательности записывались документы, полученные от царя, от Сената и других учреждений. Отдельно регистрировались исходящие документы. В XVIII в. при регистрации текст документа часто копировался. К внутренней

документации относятся также документы, возникшие в ходе подготовки дела к рассмотрению, – протоколы и журналы заседаний.

Как особая разновидность донесения может рассматриваться отчет, посылаемый нижестоящим учреждением вышестоящему. Отчеты получают распространение, главным образом, в XIX в. Наибольший интерес представляют отчеты о деятельности высших и центральных учреждений, а также губернаторские и генерал-губернаторские отчеты.

Ежегодные отчеты министров о деятельности министерств были предусмотрены манифестом от 8 октября 1802 г. об учреждении министерств. Однако, несмотря на требования манифеста и последующие неоднократные указания, министерские отчеты, по-видимому, систематически не составлялись. Часто подготовка такого отчета и степень подробности, содержащейся в нем информации зависели от воли министра. Не была устойчивой и структура отчета: он мог составляться либо по структурным подразделениям, либо тематически.

Отчеты Государственного Совета составлялись периодически и были весьма краткими. С 1804 г. составлялись губернаторские отчеты. Их комплекс за XIX в. является наиболее репрезентативным.

В XIX в. усложнилась регистрация документов – документ регистрировался на всех этапах своего движения. О масштабах явления дает представление, опубликованное в 1858 г. «Руководство к наглядному изучению административного порядка течения бумаг в России». В XIX в. сохранилась журнальная форма регистрации. В каждом структурном подразделении регистрировались все входящие и исходящие документы. Для регистрации входящих документов в канцелярии министра и департаментах существовали общие и частные журналы. В общий журнал вносились все поступившие документы. В частном журнале канцелярии министра отмечались те документы, которые исполнялись в самой канцелярии. Частные журналы велись в отделениях для регистрации документов, поступавших на исполнение из департамента. В канцелярии министра и департаментах существовало по два журнала для регистрации исходящих документов. Они также назывались общим и частным, но распределение функций между ними было иное: в общий журнал вносилось краткое содержание документа, а в частные документы переписывались дословно.

Журнал как форма фиксации обсуждения и решения обычен для XIX в. В журнале ход заседания фиксировался более кратко, чем в протоколе. В нем излагался обсуждаемый вопрос, фиксировались мнения большинства и меньшинства, а также особые мнения и указывалось, какое мнение было утверждено в качестве решения. Журналы разных учреждений различаются по степени подробности фиксации обсуждения. Наиболее подробны журналы Государственного Совета, менее - журналы Комитета министров.

В 70-е годы XIX в. появилась такая форма фиксации хода заседаний, как стенографические отчеты, в частности для фиксации заседания Особого присутствия Правительствующего Сената по делам о государственных преступлениях. Эта форма получила распространение в начале XX в., а стенографические отчеты заседаний Государственной думы синхронно публиковались.

Кардинальные изменения в делопроизводстве были обусловлены заменой его столбцовой формы тетрадной по указу 1700 г. Этому преобразованию предшествовало и, по-видимому, способствовало введение в 1699 г. гербовой бумаги, продаваемой отдельными листами. На гербовой бумаге писали прошения, которые часто являлись инициативными документами.

В ряде законодательных актов того времени обосновывалось преимущество тетрадной формы ведения дел. Конечно, необходимость изменения делопроизводства была обусловлена прежде всего ростом потребности в документировании, но оно, в свою очередь, оказало влияние на содержание отдельно взятого документа. При тетрадной форме бумага экономилась не только за счет того, что теперь писали на обеих сторонах листа, а прежде всего потому, что исчезла необходимость заново кратко излагать все дело,

поскольку каждый раз разворачивать многометровый столбец с тем, чтобы найти инициативный документ, было неудобно, а работать с тетрадью было довольно просто. Правда, знакомство с делопроизводственной документацией XVIII в. убеждает в консерватизме чиновников: очень часто в тетрадях, так же, как и на столбцах, повторялось содержание предшествующих документов. Медленному изживанию этой традиции способствовала и коллегиальная организация государственного аппарата с четким отделением канцелярии и ее определяющим значением в подготовке дел к слушанию и в оформлении решений.

Под влиянием перехода к тетрадной форме делопроизводства стабилизировался формуляр, выделились отдельные реквизиты, которые имели постоянное месторасположение на листе: разновидность документа, адресат, дата.

К специальным системам государственного делопроизводства можно отнести судебно-следственную, военную, дипломатическую. Каждая из систем имела свою специфику, более или менее выраженную.

Отличия судебно-следственной документации существенны. Одной из ее разновидностей для XVIII в. являются «пыточные речи». В XIX в. им на смену пришли протоколы допросов и собственноручные письменные показания подследственных. Инициативным документом в судебно-следственном деле мог выступать донос. Судебно-следственной документации часто сопутствовали вещественные доказательства (как письменные, так и вещественные), которые не следует относить к судебно-следственной документации - эти исторические источники создавались их авторами с какой-то конкретной целью, а не для того, чтобы служить вещественным доказательством в процессе следствия и суда.

Основной массив судебно-следственных документов только в самое последнее время начал привлекать внимание исследователей. До сих пор в научный оборот были введены судебно-следственные дела, связанные с наиболее яркими эпизодами революционного движения. Существуют добротные публикации судебно-следственных материалов процессов по делу декабристов, петрашевцев; опубликовано следственное дело Н.Г. Чернышевского. Но специфика этих материалов обусловлена не только неординарностью зафиксированных в них событий, а и тем, что в особых случаях для следствия создавались специальные государственные органы - следственные комиссии и комитеты. Хорошо известно, например, что следствие по делу декабристов осуществлял «Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества».

Кроме того, состав и содержание судебно-следственной документации зависели не только от характера учреждений, осуществлявших следствие и суд, но и от уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, было непосредственно связано с господствовавшей правовой концепцией. Уже в начале XVIII в. возросло значение документов в процессе следствия. В 1715 г. был издан указ «Краткое изображение процессов или судебных тяжб».

Справочные издания можно считать самостоятельным видом исторических источников, но, поскольку справочные издания XVIII-XIX вв. содержат информацию почти исключительно о государственном аппарате (его личном составе и структуре), они будут рассмотрены в связи с делопроизводственной документацией.

В качестве примера возьмем историю издания адрес-календарей – уникального справочного издания, существовавшего с 60-х годов XVIII в. до 1917 г.

Адрес-календари – это публиковавшиеся Академией наук списки чиновников различных учреждений. История издания адрес-календарей фрагментарно отразилась в документах небольшого по объему фонда «Календарная комиссия», который хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Нельзя с достаточной степенью точности ответить на вопрос, почему издание адрес-календарей с самого начала находилось в ведении канцелярии Императорской Академии наук.

Привилегия на издание адрес-календарей сохранялась за канцелярией Академии наук с 1765 по 1867 г. Академия наук очень дорожила календарной привилегией (кроме адрес-календарей, она издавала и другие календари) и протестовала, если кто-либо пытался ее оспаривать. Так, в 1819 г. возник вопрос о том, печатать ли в Остзейских губерниях месяцесловы согласно привилегиям Остзейских губерний или это является привилегией Академии наук, право которой на печатание адрес-календарей было подтверждено в 1803 г. 115-м параграфом ее регламента. Министр народного просвещения С.С. Уваров считал, что параграф 115 регламента 1803 г. снимает Остзейские привилегии. Однако было принято решение, что Остзейские губернии по-прежнему будут пользоваться своей привилегией, поскольку Академия наук раньше никогда не оспаривала этого права. Регламент же 1803 г. не давал новой привилегии, а подтверждал старую.

В 1857 г. вопрос о привилегии на издание календарей, в том числе и адрес-календаря, возник в переписке по поводу возможности издания памятной книжки для Казанской губернии. Недовольство со стороны представителей Академии наук вызвало то, что в программу памятной книжки «...введены некоторые предметы, входящие в состав календарей, издаваемых Академией наук, а именно: в 1-м отделе: а) церковное летосчисление; б) местный календарь; в) год астрономический».

Издание календарей было столь прибыльным делом, что к нему обращались и частные издатели. Стремление Академии наук сохранить свои доходы от издания календарей прослеживается при обсуждении в 1858 г. вопроса об отдаче на десять лет на откуп издания адрес-календарей А.А. Смирдину.

Однако основной проблемой источниковедческого анализа адрес-календарей является изучение методики сбора сведений для этого издания. Хотя как вид исторических источников адрес-календари целесообразно отнести к справочным изданиям, все-таки они самым тесным образом связаны с системой учета чиновничества.

На протяжении второй половины XVIII в. адрес-календарь несколько раз менял свое название. В 1765-1767 гг. он назывался «Адрес-календарь российский на лето... от рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит»; в 1768 г. он был переименован в «Календарь, или Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето... от рождества Христова», а с 1769 по 1804 г. носил название «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето... от рождества Христова». Впоследствии, на протяжении большей части XIX в., это справочное издание называлось адрес-календарем, как оно обычно и упоминается.

Дата выхода в свет первого адрес-календаря дает возможность установить прямую связь этого адрес-календаря с документами Герольдмейстерской конторы, предшествовавшими его появлению, определить степень оперативности его подготовки и издания. Все это существенно при определении степени адекватности отражения в адрес-календарях состояния чиновничества в тот или иной период. Ведь если сведения для первого адрес-календаря были собраны в 1764 г., а сам адрес-календарь вышел в 1766 г., то сразу же напрашивается отрицательный ответ на вопрос, отражает ли адрес-календарь состояние чиновничества на тот год, которым он датирован⁶⁸. И естественно, что в таком случае при использовании адрес-календаря как исторического источника необходимо было бы учитывать расхождение во времени между сбором сведений и изданием.

Кроме того, знание точного времени выхода в свет первого адрес-календаря позволяет с большим основанием рассматривать адрес-календари как одну из важных составных частей зарождающейся системы учета чиновничества. Можно утверждать, что первый адрес-календарь был издан в 1765 г. Эта дата стоит на его титульном листе. Кроме того, в уже упоминавшейся исторической справке, составленной архивариусом Минеманом 2 ноября 1828 г., говорится, что первый адрес-календарь вышел в свет в 1765 г.

Он был весьма несовершенным. Это признавали и его издатели, которые писали в послесловии, что в первом опыте адрес-календаря могут быть ошибки «как в титулах, так

и в подробном показании присутственных мест и состоящих при разных должностях персон». Это, по их мнению, объясняется тем, что недостаток времени не позволил «отовсюды собрать верныя справки». Заслуживает особого внимания и то место из послесловия, где говорится, что улучшить адрес-календарь можно тогда, когда «не только показанные уже в сем календаре присутственные места и команды, но и те, о которых, единственно по неимению об них известия, ныне не упомянуто, пришлют в Академию наук о состоящих при них и под их ведомством в генералитетских, штабских и обер-офицерских рангах персонах исправные ведомости». По сути, это является прямым указанием на то, что сведения для составления адрес-календарей после безуспешной попытки получить их из Герольдмейстерской конторы стали собираться непосредственно из учреждений, что подтверждает автономность этого направления учета чиновничества.

Герольдмейстерская контора во второй половине XVIII в. также достигла успеха в организации учета чиновничества и, по-видимому, уже могла давать сведения для издания адрес-календарей, о чем свидетельствует письмо Тращинского Бакунину от 7 сентября 1797 г. по поводу источников сведений, собираемых для календарей. Однако практика автономного сбора сведений для издания адрес-календарей сохранилась, о чем свидетельствуют многочисленные материалы, отложившиеся в фонде календарной комиссии в результате присылки сведений о чиновниках непосредственно из учреждений.

Процесс подготовки адрес-календарей к изданию свидетельствует о том, что они представляют собой не только справочное издание, но и существенную составляющую системы учета чиновничества, в значительной степени из-за автономности сбора сведений для их издания. Однако информативность адрес-календарей в начальный период их существования во второй половине XVIII в. минимальна. В них не содержится никаких сведений о чиновниках, кроме их должности, чина и фамилии. Несмотря на это, адрес-календари являются ценным историческим источником, так как приводят сведения о большой группе чиновников придворных, высших, центральных и местных учреждений за продолжительный период.

При источниковедческом анализе адрес-календарей встает проблема их полноты. Тщательное исследование этого вопроса особенно необходимо при использовании адрес-календарей за XVIII в. Выше уже говорилось, что существенную неполноту первого адрес-календаря признавали даже его издатели. В дальнейшем в адрес-календарь включались сведения о все более широком круге чиновников, но его издание по-прежнему оставалось неполным, что признается в исторической справке, составленной в 20-е годы XIX в. При использовании адрес-календаря за какой-либо год необходима тщательная проверка его полноты путем сопоставления с действовавшими в этот период штатами и всей системой государственных учреждений.

С 1828 г. памятные книжки начало издавать военное министерство, а с середины XIX в. – губернии. В губернских памятных книжках кроме сведений о чиновниках губернии, приводятся данные о географическом положении губернии, разнообразные статистические сведения о промышленных предприятиях, землевладении, урожайности, численности скота, о торговле, иногда даются сведения о купцах I и II гильдий.

С 1871 г. Московская городская дума начала издавать адрес-календарь Москвы. Постепенно количество и разнообразие сведений увеличивалось, в издание включались сведения о выборных должностях, об акционерных обществах, банках, благотворительных учреждениях, списки лиц некоторых профессий (присяжных поверенных, врачей), а также списки домовладельцев и с начала XX в. - сведения обо всех жителях - съемщиках квартир. С 1875 г. это издание стало называться «Вся Москва. Адресная и справочная книга». С 1894 г. аналогичное издание появилось в Санкт-Петербурге.

В конце XIX в. выходили неофициальные справочные издания. Например, с 1895 г. А.С. Суворин издавал справочник «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации».

В исследовательской разработке делопроизводственной документации наблюдается явный диссонанс между ее изучением, с одной стороны, с точки зрения внешних признаков, структуры разновидностей и организации документопотоков и, с другой стороны, ее источниковедческим изучением и использованием в исторических исследованиях. Первая часть изучена более или менее удовлетворительно, прежде всего в рамках специальной научной дисциплины «история и организация государственного делопроизводства». Но данная научная дисциплина возникла и развивалась для обслуживания потребностей архивного дела и не выходила на содержательный анализ делопроизводственных источников.

В исторических исследованиях используется, главным образом, отчетная документация и, как правило, без тщательной источниковедческой разработки. Проблема достоверности сведений даже не всегда ставится, не говоря уже о том, что решить ее невозможно вне контекста систематического источниковедческого исследования. Исключение, пожалуй, представляет только исследование губернаторских отчетов, осуществленное Б.Г. Лит-ваком⁶⁹. Наиболее активно используется информация из судебно-следственных материалов, связанных с революционным движением. В целом делопроизводственная документация обычно использовалась в худших традициях позитивистской историографии - из нее извлекались отдельные факты.

Обширные комплексы делопроизводственной документации с источниковедческой точки зрения не исследовались, хотя именно такое изучение могло бы дать представление о том, как управлялась Российская империя, каковы были механизм и эффективность функционирования государственной власти (хотя бы на уровне отдельной губернии или ведомства). Источниковедческая разработка комплексов делопроизводственной документации – задача весьма сложная из-за большого количества документов и многократного дублирования содержащейся в них информации. Поэтому исследователь должен хорошо знать организацию системы делопроизводства с тем, чтобы, во-первых, оценить степень полноты сохранившегося комплекса делопроизводственной документации, во-вторых, суметь восполнить пробелы, если такие обнаружатся, за счет дублетной информации и, наконец, выбрать оптимальный способ работы с большими массивами документации. В центре внимания исследователя непременно окажутся две разновидности делопроизводственных источников: журналы регистрации входящих и исходящих документов и протоколы и журналы заседаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 10

Статистические источники

Статистические источники представляют собой сложный по происхождению и составу комплекс документов, в которых зафиксированы систематические сведения и данные, целенаправленно собираемые для принятия обоснованных управленческих решений. Эти материалы характеризуют количественные закономерности истории человеческого общества в неразрывной связи с их качественным содержанием. Статистические источники возникают в процессе сбора, обработки, анализа и публикации информации об объекте изучения. Они включают: программу текущего учета или специальных статистических обследований; первичные документы учета (отчеты, в том числе бухгалтерские; учетные карточки, бланки, анкеты, ведомости); сводки первичных статистических данных; публикации статистических трудов.

Статистические источники органично связаны с делопроизводственной документацией, в составе которой представлены материалы текущего учета и отчетности, необходимые для повседневной деятельности государственных учреждений, частновладельческих предприятий и общественных организаций. Расширение масштабов и усложнение функций управления потребовали более полной, чем прежде, достоверной информации о различных сферах жизнедеятельности государства и общества. Наряду с обобщением данных текущей статистики такие массовые однотипные сведения могли быть получены в результате их единовременного сбора по определенной программе.

Во второй половине XIX в. в развитии отечественной статистики произошли качественные изменения: был совершен переход от экономико-географических и статистических описаний к количественной характеристике основных явлений исторической действительности. Материалы статистики сформировались в особый вид письменных исторических источников. Главное их значение для историков состоит в том, что они предоставляют в распоряжение исследователей массовые данные. При работе с материалами статистики необходимо иметь в виду, что они по своему происхождению являются *массовыми историческими источниками*.

Класс массовых исторических источников выделил И.Д. Ковальченко. Он полагал, что «с точки зрения внутреннего характера и воздействия на общественный организм всю многообразную совокупность явлений обществе-иной жизни можно разделить на две категории – явления *массовые* и *индивидуальные*».

Первые «представляют собой совокупность исторических феноменов (объектов), с одной стороны, обладающих *одинаковыми свойствами*, а с другой, – характеризующихся *различной мерой* этих свойств. Совокупности таких объектов составляют в большей или меньшей мере сложные *системы* с присущими им структурами, подверженными непрерывным колебаниям и изменениям. Поэтому совокупный результат функционирования подобных систем представляет собой *равнодействующую* разных ее состояний, т.е. является *объективно закономерным*». Индивидуальные явления общественной жизни, в отличие от массовых, проявляют себя как *субъективно-индивидуальные*.

Структурный характер информации массовых источников позволяет использовать для ее извлечения, обработки и анализа количественные методы исследования и современную компьютерную технику.

Многоэтапность создания статистических источников обусловила *многократность субъективизации зафиксированной в них информации*.

На каждом из этапов – разработки программы сбора сведений, ее реализации, обработки первичных материалов и подготовки статистических трудов – составители (субъекты), исходя из собственных представлений об «объекте изучения и стоящих перед ними задачах, по-своему корректировали материал.

Историк должен помнить, что статистические источники, как и всякие другие, представляют собой не действительность, которую характеризуют содержащиеся в них данные, а ее отражение. При использовании в качестве исходной базы исследования субъективированной картины прошлого необходим предварительный критический анализ этой картины. В отношении статистических источников такой анализ *всегда* многоэтапен

Принято различать два основных способа получения статистических данных: *экспедиционный*, при котором специально подготовленные лица осуществляют сбор сведений и их проверку непосредственно на месте, и *анкетный (корреспондентский)*, когда информация предоставляется владельцем имения или предприятия, представителем администрации, добровольным корреспондентом и т.п. Большую достоверность и точность информации, по мнению исследователей, обеспечивал экспедиционный метод.

Статистика государственных учреждений Российской империи базировалась чаще всего на корреспондентском методе сбора данных (или на извлечениях их из делопроизводственной документации). Поэтому высшим достижением отечественной дореволюционной статистики справедливо считаются статистические сведения земств, полученные экспедиционным методом. По способу сбора данных земская статистика разделяется на *текущую* (по показаниям добровольных корреспондентов и по периодическим отчетам земских учреждений) и на *основную* (по показаниям дворохозяев). Само название второго комплекса статистических материалов свидетельствует о том, что он рассматривался как главный. Техника сбора данных экспедиционным методом требовали выезда членов земских статистических бюро на места. Для проведения подворной переписи обычно созывался сход дворохозяев, на котором происходил их опрос. Такой прием давал более точные сведения, чем при обходе хозяйств, так как обеспечивал большую четкость ответов и взаимоконтроль. Статистические данные первоначально записывались в виде пообщинных списков. Затем широко стали применяться подворные карточки, которые были более удобны для последующей обработки.

Важное значение имело точное фиксирование ответов в соответствии с вопросами программы сбора данных. Специально составленные инструкции разъясняли, что следует считать, например, двором: «Двором считать каждого домохозяина, живущего за свой страх, платящего и не платящего подать, имеющего свой дом или живущего на квартире».

В инструкции указывалось: «Переписывать нужно всех наличных домохозяев, крестьян и не крестьян, приписанных к данному обществу и не приписанных; но необходимо в заголовке карточки отметить сословие и место, откуда пришли домохозяева, не приписанные к обществу. Отсутствующие домохозяева того общества, которое описывается, если ни одного члена семьи этих хозяев в селении нет, хотя на карточку для счета душ, платящих подати, и вписывается, но вместо всех подробностей о их хозяйстве отмечаются лишь куда они ушли и зачем».

При сборе сведений о посевах следовало: «Посевы хлебов выяснить возможно точнее в переездах; так как часто у домохозяина его земля разбросана в разных местах, так что сразу определить площадь, занятую тем или другим хлебом, он не в состоянии, то необходимо неспешно выспросить его предварительно – где, сколько, чего у него посеяно, записывая постепенно то, что он говорит, на отдельной бумаге, а затем, вычислив общую площадь посева хлеба, выставлять ее на карточке. Чтобы получить ответ на вопрос: сколько вспахано паров под озимь, под яровое, в том случае, если хозяин не кончил еще пахать, необходимо внимательно расспросить его, сколько он вспахал и сколько еще думает вспахать?».

В связи с вопросом о грамотных дано пояснение: «Между грамотными следует различать малограмотных – умеющих только читать – от грамотных, умеющих и читать и писать. Над летами малограмотных ставить знак А, например, 40 значит: сорокалетний мужчина умеет только читать; цифра без знака будет показывать, что записанный вполне грамотен». Отметим, что бланк всероссийской переписи населения 1897 г. не

предусматривал детализации сведений о грамотности и ограничивался указанием на необходимость фиксирования только умения или неумения читать.

Примененная земскими статистиками техника сбора материала и его проверки обеспечивала надежность и высокую степень точности данных.

Достоверность статистических сведений, полученных корреспондентским методом, ниже, так как их проверка могла осуществляться только логически при сопоставлении ответов на взаимосвязанные вопросы программы. Тот же прием эффективен и при оценке статистических данных материалов публичной отчетности. Покажем это на примере отечественной акционерной статистики конца XIX – начала XX в.

В середине 80-х гг. XIX в. законом была установлена обязательная публикация заключительных балансов и извлечений из годовых отчетов компаний в журнале Министерства финансов «Вестник финансов, промышленности и торговли». С 1 января 1886 г. они публиковались в двух специальных приложениях к этому изданию: «Балансы кредитных учреждений» для банков и «Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью» для остальных акционерных предприятий. Публикуемое извлечение из отчета должно было содержать следующие сведения: суммы основного [(т.е. акционерного), запасного, резервного и прочих капиталов, отчет прибылей и убытков за отчетный год, распределение «чистой» (т. е. за вычетом издержек) прибыли с указанием дивиденда, причитающегося на одну акцию. Контроль за предоставлением данных для публикации возлагался на губернские казенные палаты как местные органы ведомства Министерства финансов.

Правительство использовало акционерную статистику как инструмент налогообложения акционерных компаний. Обязанность публиковать данные ежегодных балансов была возложена на правления компаний в связи с налогом на акционерный капитал (15 коп. с каждой сотни рублей) и процентным сбором с прибыли, превысившей 3 % по отношению к сумме акционерного капитала. Публикуя данные балансов, руководители компаний преследовали две разнонаправленные цели: во-первых, они стремились избежать чрезмерного налогообложения и, во-вторых, хотели привлечь акционеров. Поэтому официально оглашаемая сумма прибыли компании обычно не превышала. В то же время существовала нижняя грань возможных манипуляций. Она определялась необходимостью выдать акционерам достаточно высокий дивиденд. Эта цель могла быть достигнута, если публикуемые сведения о величине прибыли и дивиденда свидетельствовали об успешном ходе дел предприятия. Таким образом формировался диапазон достоверности балансовых сведений о доходности предприятия.

Проверка опубликованных данных балансов компании осуществлялась прежде всего методом сопоставления сведений за ряд лет. Такой прием позволял выявить, независимо от желания составителей балансов, действительные тенденции развития предприятий. Исследователями установлено, что наибольшую подвижность обнаруживают такие показатели балансов, которые характеризуют оборотные капиталы и кредит компаний. Менее чувствительным барометром состояния дел в силу указанных выше причин являются сведения о величине, полученной «чистой» прибыли и дивиденда. Показатель величины акционерного капитала не мог быть гибким заведомо, поскольку его изменение каждый раз производилось лишь с особого разрешения правительства.

Из двух обязательных для балансов компаний показателей их доходности – «чистой» прибыли и суммы, выданной в качестве дивиденда акционерам, – первый больше и, в случае успешного хода дел предприятия, обнаруживает тенденцию к опережающему росту (как в абсолютном, так и в относительном – к величине акционерного капитала компании – выражении). Так, например, акционерное общество Коломенского машиностроительного завода в начале XX в. дважды (за 1906 и 1916 операционные годы) выдало акционерам дивиденд в 14% от величины акционерного капитала компании. В первом случае выданная сумма составила 1,05 млн рублей (при показанной «чистой» прибыли чуть более 2 млн рублей, или 26,9 % к величине акционерного капитала). Во

втором – 2,1 млн рублей (при показанной «чистой» прибыли около 7,5 млн рублей, или 49,9 % к величине акционерного капитала).

Все эти «хитрости» были хорошо известны правительственным чиновникам. Дополнительную для них возможность проверки публикуемых компаниями статистических данных создавало хранение основных бухгалтерских книг в архивах предприятий. Благодаря публикациям балансов и высокой степени сохранности в архивах Российской Федерации документации акционерных компаний конца XIX–начала XX в. такую проверку могут проводить и современные исследователи.

После того как статистические сведения были собраны, они обрабатывались специалистами-статистиками (эта операция получила название разработки данных) и частично публиковались. Так, для разработки материалов проводившейся в 1897 г. первой переписи населения России в ЦСК была составлена программа под названием «Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения». Серию публикаций «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года» составили 89 выпусков (119 тетрадей) по губерниям, областям, четырем городам (Петербургу, Москве, Одессе и Варшаве) и острову Сахалин. В 1905 г. вышел двухтомный «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.».

В связи с недостатком средств первоначально намеченная программа была существенно сокращена. Например, материал о занятиях населения предполагалось обработать отдельно по каждому занятию с учетом занимаемого в нем положения: хозяева, администрация, рабочие. В итоговую разработку «Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам» включены данные о всем населении империи. Оно было поделено на 65 групп и 390 видов профессий. Из названия публикации следует, что представлены только данные о главном занятии, выявленном в ходе переписи. Поэтому на их основе нельзя определить ни численность наемных рабочих, ни число хозяев предприятия.

В дальнейшем сначала Министерством внутренних дел, а затем Министерством финансов проводились специальные разработки данных о лицах наемного труда. Часть подсчетов была опубликована в особой тетради под названием «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.». В ней помещены две таблицы: «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий (по губерниям)» и «Распределение рабочих и прислуги по месту рождения». Общие итоги разработки были изданы в 1906 г. Они составили два тома, озаглавленные «Численность и состав рабочих России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года». В издание были включены три таблицы: «Распределение рабочих по группам и видам занятий (по губерниям)», «Распределение рабочих по полу, семейному состоянию и по отношению к семье (по группам занятий и по губерниям)» и «Распределение рабочих по видам занятий, полу, возрасту и грамотности». Последняя таблица содержит итоговые сведения по империи в целом, по Европейской России, Привислинскому краю, Кавказу, Сибири и Средней Азии, по отдельным губерниям и по десяти важнейшим промышленным центрам страны: Петербургу, Москве, Ростову-на-Дону, Одессе, Риге, Киеву, Харькову, Иваново-Вознесенску, Варшаве и Лодзи.

Всего по переписи 1897 г. общее число лиц, указавших службу и работу по найму как свое главное занятие, составило 9 156 080 человек, или 27,7 % производительного населения страны. В подсчет не вошли данные о лицах, для которых, по их собственной оценке, работа по найму и служба были побочным заработком. Очевидно, что программа сбора данных ограничила возможности их статистической разработки.

При разработке первичных данных для публикации неизбежно происходила их дополнительная субъективизация. Часто ее причиной были особенности сбора сведений. В дореволюционной статистике внешней торговли России использовались сведения,

полученные во время досмотра товаров на таможенных, а также из сопроводительных документов. На таможне каждый отправитель или получатель товара заполнял так называемое объявление, в котором среди других сведений указывал: наименование товара, его количество и стоимость, а также страну назначения. Эти сведения записывались на таможне и специальную книгу, а затем в составе еженедельных, ежемесячных и ежегодных ведомостей сообщались в Петербург.

Ежегодная публикация сведений о внешней торговле России: началась в 1802 г. и продолжалась (с перерывом в 1808 – 1811) вплоть до 1915 г. В 1863 – 1869 гг. издание называлось «Виды государственной внешней торговли» и «Виды внешней торговли России», а с 1870 г. – «Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам». Принятое в отечественной статистике деление внешней торговли на «европейскую» и «азиатскую» основывалось не на географической принадлежности стран-контрагентов, а на данных таможенного учета товаров, пересекавших границы Российской империи. В результате в «европейскую» торговлю включался товарообмен со странами не только Европы, но Америки, Африки и Азии. Например, большая часть раздела о «европейской» торговле посвящена Турции. Одновременно в разделе, посвященном «азиатской» торговле, представлены такие государства, как Англия, Франция, Италия и Австрия.

Другой причиной существенных отличий публикаций сводных статистических данных от послуживших им основой первичных материалов была разработка этих материалов с позиций априорных представлений об объекте изучения. Так, в ходе земских подворных описаний крестьянских хозяйств, проводившихся во второй половине XIX – начале XX в., был собран огромный массив сведений о размерах земельных наделов, об арендуемых и сдававшихся в аренду землях, о величине посева, количестве рабочего скота, употреблении наемного труда и т.п. Собранный первичный материал оказался столь объемным, что даже в пределах отдельных уездов требовал обработки и сводки. Это выдвинуло перед земскими статистиками задачу выработки принципов группировки данных. В своем значительном большинстве они решали эту задачу, исходя из народнических представлений о крестьянстве как едином социальном слое. Поэтому при сводке подавляющей части первичных данных были использованы пообщинные, или поселенные, группировки. Суть их состояла в том, что первичные данные суммировались в целом по общинам (селениям) без выселения каких-либо слоев в среде крестьянства (например, зажиточных, бедных и т. п.). Наряду с пообщинными сводками аналогичные подсчеты делались по волостям (группам селений) и уездам. В таком виде данные подворных переписей включались в публикации.

Ясно, что сводные данные будут адекватно отражать содержание первичных материалов только в том случае, если сбор и разработка сведений будут осуществляться по единой программе, действительно же этому критерию соответствовал только принцип группировки крестьянских хозяйств по размеру наделной земли, поскольку сама земская статистика была порождена потребностью в оценке недвижимых имуществ с целью раскладки налогов. Возможность применения при разработке первичных данных других принципов группировки исходного материала (по величине посева, количеству рабочего скота и т.д.) ограничивалась наличием и представительностью сведений по этим вопросам, собранных разными земствами. Поэтому значительная часть оказавшегося в распоряжении земских статистиков материала не вошла в публикации.

Общий объем публикаций сводок материалов подворных переписей составил несколько сот томов (как правило, один том охватывает уезд). Перечень публикаций дан в приложении к работам З.М. и Н.А. Свамицких «Земские подворные переписи 1880–1913 гг. Поуездные итоги». В.Н. Григорьевым составлен «Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х гг. по 1917 г.»

Иногда разработка первичных данных предпринималась с целью «подтвердить» заранее сформулированное положение. Показательна в этом отношении история изучения

прибыльности российских акционерных предприятий статистическим отделом все-российской предпринимательской организации — Совета съездом I представителей промышленности и торговли. Итоги этого исследования по данным балансов компаний за 1901 – 1909 гг. опубликованы в журнале Совета съездов «Промышленность и торговля». Статистики крупнейшего объединения предпринимателей Российской империи утверждали: акционером быть I невыгодно.

В основу разработки были положены сведения, опубликованные в «Вестнике финансов, промышленности и торговли». Для каждой компании, опубликовавшей годовой отчет, в специальной книге заводился особый лист, в который вносились сведения балансов. Затем погодные росписи балансовых данных переносились в отраслевые ведомости. Были выделены 15 отраслевых групп компаний: кредитные; страховые и транспортные; по обработке волокнистых веществ; бумагомассные; лесопромышленные; горнопромышленные; металлургические; минеральные; по обработке животных продуктов; по обработке питательных продуктов; химические; сельскохозяйственные; перевозочные; по благоустройству городов; торговые.

Все предприятия каждой отрасли разделялись по принципу I доходности на следующие шесть групп: прибыльные; непостоянной доходности; бездоходные и убыточные; новые (т.е. возникшие после 1901 г.); перешедшие в администрацию; ликвидировавшиеся. В каждой ведомости были сделаны сводки по отдельным I районам и стране в целом.

Статистическим отделом Совета съездов данные балансов систематизировались в том виде, в каком они были опубликованы компанией. В виду отсутствия единой обязательной формы баланса в сводных таблицах количество рубрик было различным для предприятий разных групп. Так, для компаний, объединенных в первые четыре группы, были выделены 9 рубрик: «количество предприятий», «акционерный капитал», «облигационный капитал», «запасной капитал», «капитал погашения», «выдано в дивиденд», «процент дивиденда», «понесено убытков», «процент убытков». Но уже по следующей группе – «предприятия, перешедшие в администрацию» – статистики смогли выделить лишь 3 рубрик: «количество предприятий», «акционерный капитал», «облигационный капитал», «запасной капитал». Наконец, по группе «предприятия ликвидировавшиеся» оказалось только две рубрики: «количество предприятий» и «акционерный капитал». Ясно, что полные данные о предприятиях по Леем отраслям имелись только по двум последним рубрикам.

Была применена следующая методика расчетов: по каждой группе бралась сумма дивиденда, выданного акционерам, и из нее вычиталась сумма убытков. Полученный остаток, по определению статистиков Совета съездов, составлял «чистый дивиденд», который делился на весь акционерный капитал группы. Затем аналогичным образом подсчитывался «средний процент дивидендности» всей акционерной промышленности.

Отметим, что в годовом отчете сведения о дивиденде в рублях на акцию и в процентах к акционерному капиталу компании показывали акционеру величину его дохода. Подсчет «среднего дивиденда» для группы компаний и в масштабе всей акционерной промышленности (свыше 1000 компаний) имел для акционера такой же смысл, как для конкретного больного сведения о средней температуре по больнице. «Чистый дивиденд» – категория мистическая, так как в компаниях, показавших прибыль, И дивиденд выдавался после вычета из нее всех издержек, а убыточные предприятия вообще не выдавали дивиденда. Вычитание из суммы дивиденда (а не прибыли) одних предприятий убытков других предприятий было неправомерно и заведомо приводило к занижению показателя прибыльности акционерной промышленности в целом. Подсчет же «среднего процента дивидендности» еще больше занижал результат, поскольку в расчет принимались не только существовавшие, но и ликвидированные компании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 11

Мемуарная литература XVIII– начала XX в.

Процесс эмансипации человеческой индивидуальности и во многом обусловленный им процесс становления межличностных отношений породили новую сферу возникновения исторических источников. В первой главе настоящего раздела подробно рассматривалась объективация процессов индивидуализации и создания вторичных социальных связей в системе исторических источников нового времени. Именно источники личного происхождения наиболее последовательно воплощают эти тенденции.

Источники личного происхождения – группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и автокоммуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становление межличностных отношений. К источникам личного происхождения относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди.

Первым и основным критерием классификации источников личного происхождения является направленность устанавливаемых ими коммуникационных связей, которая, в свою очередь, рассматривается в двух аспектах.

Во-первых, источники личного происхождения можно разделить на автокоммуникативные (дневники) и межличностной коммуникации. Вторую группу, в свою очередь, можно разделить на источники с фиксированным адресатом (эпистолярные источники, отчасти мемуары-автобиографии, адресованные собственным потомкам мемуариста) и с неопределенным адресатом (мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди).

Во-вторых, источники личного происхождения могут быть преимущественно направлены на установление связей в эволюционном или коэксистенциальном целом.

К источникам, направленным на коммуникацию главным образом в коэксистенциальном целом, относятся дневники и частная переписка. Но основная функция источников личного происхождения - установление вторичных социальных связей индивидуума в эволюционном целом. Это подтверждается и тем, что достаточно часто источники, отнесенные к первой группе, предназначаются (уже в момент создания) для длительного хранения, а, следовательно, потенциально, и для прочтения потомками.

Приведенная классификация принципиально важна не только потому, что обуславливает различия в методике изучения разных видов исторических источников. Например, вполне очевидны различия в степени влияния адресата на автора при фиксированном и нефиксированном адресате и т. д. Но важно отметить, что различная адресность и направленность коммуникации на эволюционное или коэксистенциальное целое самым существенным образом сказывается на степени сохранности исторических источников, их сосредоточенности в архивохранилищах, возможностях их поиска. Все это в конечном счете определяет степень адекватности наших представлений о том или ином виде исторических источников.

Говоря об общих свойствах источников нового времени, мы отмечали, что значительная часть их уже в момент создания предназначалась к изданию. Что касается источников личного происхождения, то источниками с нефиксированным адресатом, предназначенными к публикации, являются мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди. Причем их необходимо разделить на источники, предназначенные, как правило, к немедленному опубликованию (эссеистика), и источники с отложенной публикацией (значительная часть мемуаров «современных историй»).

Что касается дневников как автокоммуникативных источников, частной переписки, имеющей конкретного адресата, или мемуаров-автобиографий, нередко адресованных прямым потомкам, то они зачастую если и не уничтожались самим автором или

адресатом, то хранились небрежно и гибли, и если даже бережно сохранялись потомками, то системы их приема на государственное хранение (в отличие от, например, делопроизводственных источников, также не предназначавшихся для печати) не существовало, да и не существует до сих пор. Попасть в архив они могли, как правило, в составе личных фондов, а еще чаще - коллекций, что затрудняет их поиск и использование.

Кроме того, отношение к сохранению источников личного происхождения было различным в разных слоях общества и не оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода. В 60-е годы XVIII в., а затем в 60-е годы XIX в. отношение к источникам личного происхождения менялось.

Итак, прежде чем перейти к рассмотрению эволюции источников личного происхождения, подчеркнем, что наши представления о мемуарах - «современных историях», эссеистике и исповедях гораздо более адекватны, чем о дневниках, эпистолярных источниках и мемуарах-автобиографиях с внутрифамильными целями.

XVII в. Выделенные виды источников личного происхождения (кроме исповедей) формировались в Западной Европе на протяжении XVI-XVII вв., в России преимущественно в XVII в., после Смуты (кроме эссеистики).

Дальнейшая эволюция источников личного происхождения в России существенно отличалась от западноевропейского процесса, что сказывалось, в первую очередь, на эволюции мемуаристики. В Западной Европе развитие мемуаристики определялось двумя факторами, почти отсутствовавшими в России: постоянным накоплением исторических знаний (европейские мемуаристы имели возможность читать античных и средневековых авторов, знакомиться со своей национальной историей - достаточно напомнить, что Большие французские хроники издаются типографским способом с 1480 г.) и формированием общественного мнения. Для России же характерно позднее становление исторического сознания и формирование общества.

Начало XVIII в. - 1760-е гг. В начале XVIII в. в поступательный процесс эмансипации человеческой индивидуальности и создания вторичных социальных связей, формирования и структурирования общества начало резко вмешиваться государство, ускоряя и, естественно, деформируя этот процесс, что не способствует развитию источников личного происхождения, и на протяжении почти всего XVIII в. эти источники в России развивались мало. О степени распространенности дневников и частной переписки в силу вышеуказанных причин судить сложно. Эссеистика почти отсутствует, а что касается мемуаристики, то в основном речь может идти о мемуарах-автобиографиях. Русские мемуаристы еще в XVIII в. писали свои мемуары-автобиографии изолированно друг от друга, не имея возможности знакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь только на косвенные данные о степени распространенности мемуарного творчества. А.Г. Тартаковский очень точно подметил, что многочисленные ссылки русских мемуаристов на уже существующие прецеденты говорят «не о сложившейся преемственности, а как раз о ее почти полном отсутствии на ранних стадиях развития мемуаристики, ибо сама потребность опереться на чей-то прежний опыт, оправдаться перед собой и узким кругом возможных читателей указывает на то, каким необычным, дерзким являлось для автора ведение записок, как остро ощущал он «новизну жанра», а отнюдь не его традиционность».

60-е годы XVIII в. - 60-е годы XIX в. Указанная тенденция хотя и весьма существенна, но затрагивает по преимуществу образованную часть общества. На «демократизацию» авторского состава мемуаристов повлиял ряд крупных исторических событий, в частности губернская реформа Екатерины II и, в гораздо большей степени, Отечественная война 1812 г. Это влияние на отдельные виды источников личного происхождения будет рассмотрено особо, а пока отметим, что на первый план постепенно начали выдвигаться мемуары - «современные истории».

К этому времени завершилось длившееся в течение века становление исторического сознания русского общества. Самое убедительное свидетельство - начало издания

исторических журналов, в частности «Русского архива» П.И. Бартенева. От традиционной историографии их отличает внимание преимущественно к недавней отечественной истории XVIII-XIX вв., чем предшествующая историография почти не интересовалась. В этих условиях мемуаристика естественно приобретает статус исторического свидетельства. Мемуарист по преимуществу пишет не о себе на фоне эпохи, а о современных ему событиях, которые общество признает историческими. Именно через отбор объектов описания проявляется унифицирующее влияние среды на мемуариста при переходе от нового времени к новейшему.

Поскольку предлагаемая нами система видов источников личного происхождения существенно отличается от традиционной, остановимся на том представлении об источниках личного происхождения, которое сложилось в отечественной историографии (при этом цель дать полноценный историографический обзор не преследуется).

Обычно выделяют два или три вида источников личного происхождения: мемуары, которые, в свою очередь, делятся на дневники и воспоминания, и частную переписку, или же мемуары и дневники рассматриваются как отдельные виды исторических источников наряду с перепиской. С этим связан и спор о целесообразности использования обоих терминов - «мемуары» и «воспоминания» или одного - «мемуары». В качестве исторического источника почти исключительно разрабатывается мемуаристика.

Интерес к мемуаристике как виду исторических источников возник еще в середине прошлого века, но в позитивистской историографии мемуаристика рассматривалась преимущественно как источник фактического материала. Такой подход оказался весьма устойчивым. Еще в середине 1970-х годов П.А. Зайончковский в предисловии к указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников» уверенно утверждал: «...ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»¹⁴⁵.

В последние два десятилетия исследование мемуаристики как вида исторических источников (культурного феномена) прочно связано с именем А.Г. Тартаковского - автора трех фундаментальных монографий. В монографии «1812 год и русская мемуаристика» ученый новаторски ставит проблему, подчеркивая, что не собирается традиционно рассматривать отражение событий 1812 г. в русской мемуаристике, а сосредоточивает внимание на влиянии этого исторического события на мемуаро-творчество как форму человеческой деятельности, на расширение социального состава мемуаристов. Автор определяет мемуары как «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» и утверждает: «Сравнительно с другими источниками личного происхождения именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности - в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников»¹⁴⁶. В целом соглашаясь с Тартаковским, мы не можем не отметить, что если руководствоваться только тремя предложенными признаками, то к мемуарам придется отнести «Почтение» Владимира Мономаха или «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, поскольку и тот и другой писали о прошлом, основываясь при этом на своем личном опыте и памяти. Если же в полном соответствии с теорией источниковедения попытаться определить вид источника по первичной социальной функции - «реализация исторического самосознания личности», то можно столкнуться с еще большими проблемами, поскольку явно, что историческое сознание в русском обществе формируется в основных чертах с 60-х годов XVIII в. по 60-е годы XIX в., а мемуары появляются веком раньше - с конца XVII в.

Кроме А.Г. Тартаковского, существенный вклад в разработку данной проблематики внесли С.С. Минц и А.Е. Чекунова. Минц, разрабатывая проблему эволюции мемуаристики, предлагает следующий критерий: «...отражение в мемуарах степени осознания мемуаристами сущности явлений и процессов общественного развития, связи индивидуального и социального в общественной жизни». И хотя Тартаковский спорит с Минц, отмечая, что

предлагаемый ею критерий «...не учитывает реально-исторических, имманентно predeterminedных возможностей мемуаристики как специфической отрасли духовной культуры, ибо познание «сущности и механизма общественных отношений» составляет задачу целой системы наук гуманитарного цикла», представляется, что их позиции не противоречат одна другой, а дополняют друг друга. В самом деле, Тартаковский, выделяя в эволюции мемуаристики три крупные вехи: 1) «переход от внутренне-нефамильных по преимуществу целей мемуаротворчества к предназначению мемуаров для обнародования, для печати», 2) «превращение их в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения», 3) «осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка», - практически конкретизирует в границах мемуаристики общие тенденции эволюции личности в новое и новейшее время. При этом Тартаковский справедливо считает, что речь идет не о смене функций, а о их наложении. Таким образом, получается, что мемуары, в которых повествуется об общественно значимых событиях, возникли веком позже мемуаров преимущественно с внутрисемейными целями. Но эта вполне логичная для русского материала конструкция не действует при обращении к западноевропейским источникам. Первые европейские мемуары - мемуары Филиппа де Коммина - преследуют отнюдь не внутрисемейные цели.

Отличие нашей позиции состоит не только в расширении круга источников личного происхождения за счет эссеистики и исповедей, а в том, что нами рассматриваются мемуары-автобиографии и мемуары - «современные истории» как два вида исторических источников, отличающихся по своим первичным социальным функциям.

Итак, представленная в настоящем учебном пособии система хотя и не противоречит абсолютно сложившейся в отечественной историографии, но существенно отличается от нее. Причина этого заключается в привлечении не только русского, но и западноевропейского материала.

В первую очередь, требует пояснения сам термин. Выше отмечалось, что отечественная историография не разделяет мемуары на виды, а выделяет этапы становления и развития мемуаристики; однако выход за пределы источников только российской истории заставляет выделять эту группу мемуаристики, поскольку именно она наиболее характерна для западноевропейской источниковой базы. За неимением лучшего авторы используют термин, принятый в англоязычной историографии (Contemporary History), а также по смыслу соответствующий самоопределению данного вида во французской традиции.

Мемуары - «современные истории» - вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом.

Признано, что начало данному виду положили «Мемуары» Филиппа де Коммина, написанные в конце XV в. и впервые опубликованные в 1524 г. Сам автор следующим образом определял цель создания своих мемуаров и свое понимание особенностей этого жанра.

Недаром мемуарист сравнивает свой труд с трудом хрониста: ведь мемуары - «современные истории» восходят именно к хроникам в отличие от мемуаров-автобиографий, которым в европейской традиции предшествует биографика.

В России произведения, написанные с аналогичной целью - запечатлеть в памяти историческое событие, появляются в XVII в. Сильвестр Медведев - современник и участник события периода регентства Софьи Алексеевны - создал труд с примечательным названием «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяно во гражданстве». Самоназвание источника - «созерцание» - свидетельствует о намерении описать то, чему автор был свидетелем, а сам он так понимал свою задачу: «...Подобает нам содеявша в наша времена какие-либо дела не придавать забвению... <...> ...Писанием оставити вежество, ибо мнози о тех делах глаголют и соперство между себе творят... абаче инии истинствовати не могут...».

В Европе в XVII в. рассматриваемый вид источников личного происхождения вполне сформировался. В Англии к этому времени относится «История восстания» Э.Х. Кларендона, повествовавшая о событиях гражданской войны 1642-1660 гг., в которой автор участвовал на стороне короля. В конце XVII в. епископ салисберийский Гильберт Бюрне написал произведение с символическим названием «История моего собственного времени». Бюрне постоянно перерабатывал свой труд и готовил его к публикации.

Классикой данного вида являются мемуары французского вельможи Л. де Рувруа Сен-Симона, который не только создал обширное произведение о событиях, современником которых он был, и о людях, в них участвовавших, но и дал пример осмысления задач «современной истории».

Сен-Симон. Из предисловия к мемуарам «О дозвоительности писания и чтения исторических книг, особенно тех, что посвящены своему времени» (июль 1743 г.):

Во все века изучение истории считалось столь достойным занятием, что, думается, было бы пустой тратой времени приводить в защиту этой истины несчетные высказывания самых уважаемых и ценимых авторов... <...> ...Уж если, учась ручному труду, нельзя обойтись без наставника, по крайности без наглядного примера, то тем более нужны они в различных умственных и научных занятиях, где невозможно руководствоваться только зрением и прочими чувствами.

Иногда в мемуары - «современные истории» перерастают мемуары или дневники, которые автор начинал писать «для себя». В России Отечественная война 1812 г. также породила обширный корпус мемуарных произведений. Примечательность его в том, что он инициирован общественно значимым событием. И далее на протяжении XIX-XX вв. любое общественно значимое событие вызывало к жизни более или менее обширную мемуаристику. Такого рода «социальный заказ» неизбежно влиял и на содержание мемуаров: авторы, освещавшие одно и то же событие, не могли не учитывать уже высказанные другими авторами (не обязательно мемуаристами, но и публицистами, историками) точки зрения, консолидируясь или полемизируя с ними.

К началу XX в. принадлежат, например, мемуары С.Ю. Витте, написанные фактически в ответ на газетную полемику вокруг инициированных им реформ.

Очевидно, что мемуары - «современные истории» уже в момент написания рассчитаны на публикацию. Однако почти на протяжении всего рассматриваемого периода авторы предполагают публикацию спустя какое-то время, иногда весьма продолжительное. Об этом писал Сен-Симон, так же относился к своим мемуарам через полтора века С.Ю. Витте.

Мемуары-автобиографии - вид источников личного происхождения, целью которого является установление вторичных социальных связей мемуариста в эволюционном целом. Мемуары-автобиографии преследуют чаще всего внутриfamilialные цели, предназначаются непосредственным потомкам. Для них, по крайней мере на первом этапе их существования, характерен произвольный отбор информации в соответствии с индивидуальными представлениями мемуариста.

В России мемуары-автобиографии восходят к житийной традиции, поскольку в российском средневековье не было других биографических жанров, в отличие от Западной Европы (достаточно вспомнить хотя бы классику вида - биографию Карла Великого).

Как уже отмечалось, (Исследование мемуаров-автобиографий затруднено из-за отсутствия общественного механизма их сохранения. Во многом автобиографично «Житие протопопа Аввакума». Житийная традиция (житие-мартиролог) однозначно прочитывается в мемуарах Натальи Борисовны Долгорукой, хотя это уже мемуары в чистом виде.

Классикой вида мемуаров-автобиографий, несомненно, являются мемуары А.Т. Болотова. Остановимся на них подробнее, с тем чтобы выявить специфику данного вида в сравнении с мемуарами - «современными историями».

В соответствии с заявленным подходом обратимся сначала к личности мемуариста - и сразу же обнаружим парадоксальное явление: А.Т. Болотов известен в нашей истории почти исключительно как мемуарист, т. е. не мемуары интересны нам потому, что написаны известным историческим лицом, участником исторических событий, а личность приобрела известность потому, что была автором одного из обширнейших мемуарных произведений в русской истории. Но интересные мемуары не могут быть написаны заурядным человеком.

XVIII в. - век чиновников. После завоевания Восточной Пруссии Болотов служил в канцелярии русского военного губернатора Н.А. Корфа, который, став санкт-петербургским генерал-полицмейстером, в начале 1762 г. сделал Болотова своим адъютантом. На короткое время Болотов стал очевидцем событий в Петербурге. Воспользовавшись возможностью, предоставленной манифестом от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», Болотов вышел в отставку и приступил к благоустройству своего имения Дворенино-во в Тульской губернии. Многие из ушедших в отставку по Манифесту о вольности дворянства вскоре вернулись на службу. Не избежал этого и Болотов, хотя на сей раз служба его была не совсем традиционной: с 1774 г. он управлял Киясовской, а затем Богородицкой дворцовыми волостями. Нетрадиционность службы не помешала Болотову при выходе в отставку, после перехода Богородицких волостей в собственность графа Бобринского, в 1797 г. получить чин коллежского асессора. С этого времени и до конца жизни он жил в своем имении. Если и во второй половине XVIII в. жизнь молодого Болотова не была богата событиями, тем более исторического характера, то в XIX в. мемуарист стал вполне типичным помещиком, почти безвыездно жившим в своем имении и занимавшимся сельским хозяйством. Умер А.Т. Болотов 7 (19) октября 1833 г., прожив ровно 95 лет.

Увлечения Болотова были также вполне традиционными для его времени. XVIII в. - век энциклопедистов, и Болотов был увлечен науками, в первую очередь агрономией. Его труд «Изображения и описания разных пород яблоков и груш, родящихся в Дворенинских, а отчасти и в других садах; рисованы Андреем Б. 1797-1800» позволяет считать Болотова родоначальником отечественной помологии. Он разводил новые для XVIII в. культуры - помидоры, луговые травы; предложил свою систему землепользования. Болотов занимался практическим врачеванием в своем имении и исследованиями в области медицины, результатом чего стала его работа

Вторая половина XVIII в. - время зарождения русских журналов, и А.Т. Болотов в 1778-1779 гг. издает журнал «Сельский житель», а с 1780 по 1789 г. как приложение к газете «Московские ведомости» и при сотрудничестве с Н.И. Новиковым - журнал с традиционным для XVIII в. длинным названием «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся для земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и не бесполезных городским и деревенским жителям вещей в пользу российских домостроителей и других любопытных людей образа журнала издаваемой».

Екатерининская эпоха - период философских увлечений, и Болотов публикует философские труды «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожой и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» (1776-1779), «Чувствование христианина при начале и конце каждого дня на неделе, относящееся к самому себе и к Богу» (1781) и «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго» (1784).

XVIII в. - время становления русской литературы, драматургии, театра, и А.Т. Болотов пишет пьесу «Нешастная сирота» (1781) и делает несколько переводов литературных произведений. Из «увлечений» своего века Болотову удалось избежать лишь участия в дворцовых переворотах, хотя он достаточно близко был знаком с Г. Орловым и последний

попытался вовлечь Болотова в заговор против Петра III, а также участия в масонских обществах, несмотря на длительное знакомство и деловые отношения с Н.И. Новиковым.

На протяжении многих десятилетий А.Т. Болотов вел дневники. По свидетельству его внука, после отставки в 1797 г. и почти до последних дней своей долгой жизни Болотов начинал день с записей в «Книжке метеорологических замечаний», «Журнале вседневных событий» и «Магазине достопримечательностей и достопамятностей». Эта разделенность обыденных и примечательных событий говорит о том, что Болотов и в XIX в. продолжал воспринимать себя не как деятеля, а как наблюдателя.

Итак, с одной стороны, вполне заурядная судьба, а с другой стороны, многоаспектная реализация творческих устремлений в самых разных сферах - от медицины до философии. Каково же место мемуаров в жизни Болотова? Зачем он на протяжении многих десятилетий изо дня в день писал воспоминания?

Хотя отдельные попытки писать мемуары А.Т. Болотов предпринимал и раньше, но 24 января 1789 г. он приступил к мемуарам вновь и - что примечательно - одновременно с началом работы над историческим заметками.

Не тщеславие, и не иные какие намерения побудили меня написать сию историю моей жизни, - пишет А.Т. Болотов - ...Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий, и через то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь о них, и о том, как они жили, и что с ними в жизни их случалось и происходило, хотя некоторое небольшое сведение и понятие... Я винил предков моих за таковое небрежение и не хотя сам сделать подобную их и непростительную погрешность, и таковые же жалобы навлечь со временем и на себя от моих потомков, рассудил потребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мною во все время продолжения моей жизни.

А.Т. Болотов не понимал, да и не мог понять, что не нерадивость предков виною тому, что они не писали мемуаров. Стремление «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем» могло появиться лишь у человека, сознающего свою отделенность от окружающего его социума и понимающего ценность своего индивидуального опыта.

Как уже отмечалось, писание мемуаров не было распространенным занятием в России XVIII в. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. появился комплекс мемуаров, объединенных сходным социальным составом их авторов, - мемуары провинциальных чиновников, порождение губернской реформы 1775 г.

В связи с рассмотрением законодательных актов и учетной документации говорилось, что создание большого количества новых чиновничьих и канцелярских мест в системе местного государственного аппарата породило определенный дефицит кадров. Это заставляло пополнять государственный аппарат выходцами из непривилегированных сословий. В этот период служащие в местные учреждения набирались - кроме, естественно, дворян - из среды церковно- и священнослужителей; приказных, подьяческих и секретарских детей; обер-офицерских, солдатских детей, из купечества и даже из отпущенных на волю крепостных крестьян и господских людей. Кардинальные изменения в социальном составе местного чиновничества произошли в очень короткие сроки, уже к началу 80-х годов. Эти изменения не остались незамеченными и современниками-мемуаристами. Один из них, И.И. Мешков, писал в своих записках: «По новости Саратовской губернии, в канцелярских служителях по всем присутственным местам была общая потребность и, стало быть, не предстояло не малейшего затруднения быть принятым на службу немедленно». Кстати, прадед мемуариста был крепостным, отпущенным помещиком на волю в 1748 г. Сам же И.И. Мешков, поступив на службу при открытии Саратовской губернии, в 1782 г., в возрасте 15 лет, стал копиистом, в 1784 г. - подканцеляристом, 16 марта 1787 г. был произведен в канцеляристы, а 23 ноября того же

года - в губернские регистраторы. Первый классный чин коллежского регистратора он получил 1 декабря 1791 г., т. е. после десяти лет канцелярской службы.

Писал об этом и выходец из крестьян Л.А. Травин, отец которого «находился крепостным графа Павла Ивановича Ягужинского и его жены»: «...при наступлении 1778 года открылось Псковское наместничество... Тогда свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины». На это же указывали и мемуаристы-дворяне, например Г.С. Винский, который замечал: «Судебные места умножены с умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновниками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80 судей. Умножение судебных мест, конечно, открыло многим бедным семействам средства к существованию...»¹⁵⁸. Развитие этой тенденции в начале XIX в., после министерской реформы, уже в рамках системы центральных государственных учреждений, описал другой мемуарист - Ф.П. Лубяновский (кстати, с 1819 г. Пензенский гражданский губернатор):

Нынче сто рук нужны там, где тогда одиннадцатая была лишнею. Едва ли однако же это можно безусловно приписать лишь разделению работы, впрочем до роскоши дробному. Нужда здесь, кажется, сама о себе промышляет: тысячи молодых людей всякого звания, редкий из них не нищий, приготавливают себя по отеческому преданию к статской службе дома, в судах, в частных, публичных заведениях, и как на море волна за волной, так они толпа за толпой спешат выйти на этот берег. Изъяв немногих, которым способности, более или менее обработанные наукою, и еще немногих, которым счастливые случаи пролагают дорогу, большая часть, и то не все правильно, изучают одно ремесло, не мудреное, но в их глазах выше всякой промышленности, ремесло владеть пером как челноком за ткацким станом, этим ремеслом начинают и оканчивают служебное поприще, не приготовив себя ни к чему иному, не имея к тому и способов.

В ходе губернской реформы не только создавалась новая система местных государственных учреждений, но и формировался новый тип чиновника - выходца из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргинала по своей социальной сущности. Такой «маргинальный» тип чиновника -тип исключительно российский. Он мог возникнуть лишь в специфических российских условиях целенаправленного формирования и длительной консервации сословного деления общества.

Для провинциального чиновника конца XVIII в. характерно сочетание извечного чиновничьего превосходства и определенной социальной ущербности - сочетание, с психологической точки зрения, не столь уж редкое и вполне понятное. Свидетельством осознания мелкими чиновниками своей социальной значимости являются их мемуары, причем не только, а может быть, и не столько содержание мемуаров, сколько сам факт их писания, однозначно говорящий о самоосознании личности. Значительный интерес представляют мемуары П.С. Батурина, Г.С. Винского, Г.И. Добринина, Т.П. Калашникова, Ф.П. Лубяновского, И.И. Мешкова, Ф.П. Печерина, М.С. Ребелинского, Я.И. де-Санглена, Л.А. Травина, И.А. Тукалевского, В.С. Хвостова.

Основания для особого самоощущения чиновников в сравнении с другими представителями покинутой ими социальной группы (мещане, купцы, дети священников) давала перспектива повышения социального статуса с получением очередного чина - вплоть до потомственного дворянства с чином коллежского асессора (VIII класс), открываемая перед чиновником петровской Табелью о рангах. Чин выступает для государственного служащего как ценность, равноположенная, а иногда и более значимая, чем жалованье.

И это заставляло приподнявшегося над своим сословием купца или сына священника постоянно ощущать свою ущербность. Особенности самосознания провинциальных чиновников - выходцев из непривилегированных сословий нашли отражение в их мемуарах. В них чиновники уделяли значительное внимание вопросам чиновничества и вознаграждения за службу, фактически свидетельствуя о действительности

законодательных усилий правительства, направленных на сохранение дворянского характера государственного аппарата. Так, И.И. Мешков пишет о конце 80-х годов:

Классных же чинов гражданским чиновникам тогда не давали, по случаю приостановления производства года на четыре, по протесту обер-прокурора Правительствующего Сената Колокольева, так как оно шло беспорядочно и не уравниательно: ибо я помню, что иные по два чина в год получали, а другие и в несколько лет ни одного. Поэтому-то впоследствии и вышел известный указ 1790 г. о терминах на все чины до надворного советника включительно.

И.И. Мешков, описывая в своих «Записках» баллотировку уездного предводителя дворянства, отмечает: «Особливого примечания заслуживает оказавшееся при открытии губернии рвение дворянства служить по выборам: каждый за особливую себе честь поставлял быть избранным в какую-либо должность».

Правда, у выходцев из непривилегированных сословий была возможность ускорить чинопроизводство. И эта возможность не осталась незамеченной мемуаристами. В.С. Хвостов, в частности, так описывал набор чиновников для службы в Иркутской губернии: «Для поощрения же, чтобы туда ехали люди способные, испросили по два чина; следовательно, сделался я из капитанов надворным советником и был определен советником в гражданскую палату...».

Кстати, то, что в качестве поощрения за службу используется преимущественное чинопроизводство, а не повышенное жалованье, весьма примечательно.

Итак, в мемуарах основное внимание уделяется вопросам службы, особенно чинопроизводства, и получения жалованья. Однако никакого стремления запечатлеть ход истории или хотя бы какие-нибудь исторические реалии здесь не обнаруживается.

В XIX в. мемуары-автобиографии отходят на второй план, будучи оттесненными мемуарами «современными историями», и в дальнейшем общественный интерес вызывают (а значит, становятся широко известными) мемуары-автобиографии преимущественно творческих деятелей, хотя механизм отбора фактов изменяется под усиливавшимся влиянием социальной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-

ТЕМА 12

Источники советского периода.

Изменение государственного аппарата и появление новых видов и разновидностей источников. Особенности источников советского периода. Увеличение объема письменных источников в общем источниковом комплексе. Изучение советских источников в современной российской и зарубежной историографии.

Акты законодательных и исполнительных органов советской власти Законодательство на различных этапах существования советского строя. Разновидности законодательных актов: декреты, конституции, кодексы, законы, указы и др. Публикация законодательных актов и постановлений советской власти. Анализ Конституций РСФСР и СССР. История разработки, принятия, особенности содержания. Проблемы достоверности как источника. Основы законодательства и кодексы СССР. Указы президиума Верховного Совета СССР. Совместные постановления высших государственных и партийных органов как специфическая особенность законодательства советского периода.

В XX в. РОССИЯ пережила три революции, четыре войны, пять государственных образований, и на протяжении всего века - сложнейшие социально-экономические изменения: столыпинская реформа, «военный коммунизм», нэп, индустриализация, коллективизация, освоение целины, «развернутое строительство коммунизма», «перестройка» 80-х годов, постперестроечное время. Эти процессы отражены в огромном количестве документов, но значительная часть событий не оставила после себя никаких следов.

И все это на фоне колоссального мирового технического прогресса, который породил новые формы фиксации действительности, особенно к концу века: кинофотофономатериалы, телефон, радио, электроника, машиночитаемые тексты, материалы историко-социологических исследований и пр.

Источники, порожденные техническим прогрессом, обогащают возможности исследовательской работы. Вместе с тем технический прогресс принес не только разнообразие методов фиксации человеческой памяти, но и способность не оставлять документальные следы вообще. Один из примеров тому феномен «телефонного права»: по телефону можно передать любой приказ, документально его не подтверждая. Телефон не только удобен для оперативного руководства, но он и не оставляет следов этого руководства, особенно при отдаче некомпетентных, волевых, а то и прямо противозаконных распоряжений. Такая директива, изложенная даже в виде рекомендации, ненавязчивой, но ясной по своим последствиям в случае ее невыполнения, имеет особенно печальные результаты в судебной практике. «Телефонное право» тянется еще от И.В. Сталина, который запрещал фиксировать содержание своих телефонных разговоров. Но одновременно повсеместно внедрялась практика прослушивания и записи телефонных разговоров советских граждан.

Важнейшие события в истории страны часто происходили на основе телефонных распоряжений Сталина, впоследствии и других руководителей. Следует подчеркнуть, что подобная практика укоренилась на всех уровнях партийно-государственного аппарата, Пользуясь «телефонным правом», даже мелкий чиновник всегда уходил от ответственности за свои распоряжения.

Новые типы источников, наряду с традиционными (вещественные, лингвистические, устные и фольклор, письменные и пр.), значительно расширили источниковую базу исследовательской работы. Одновременно все еще молено наблюдать невостребованный потенциал не только новых типов источников, но и традиционных. Например, теория источниковедения неизменно подчеркивает обширность и значимость *вещественных памятников*. Вещественные источники охватывают огромный комплекс предметов и сооружений, которые в большинстве своем являются объектом непосредственной

практической деятельности общества. Речь идет об огромном мире окружающих нас предметов.

Однако ни теория, ни практика источниковедения пока еще не могут дать конкретных рекомендаций об использовании в исторических исследованиях вещественных источников.

В этом отношении представляют интерес исторические изыскания известного русского ученого экономиста А.В. Чаянова, который весьма плодотворно изучал историю Москвы. Чаянов, рассказывая в лекциях о Москве о значении архивных и иных материалов, подчеркивал, что главным источником остается город: его улицы, площади, дома, а следовательно сама архитектура.

Представляя проект экспозиции музея «Старая Москва», Чаянов в основу своей схемы положил, условно говоря, «архитектурный» принцип. Составляя «ситуационные» планы, Чаянов в первую очередь использовал топографические чертежи, а также строительные книги, ни на минуту, не забывая о внешнем облике города. На плане Москвы, составленном им в 1920 г., нанесены здания и кварталы. «Архитектурное» кредо Чаянова применительно к познанию истории доминировало. Это выразилось не только в выборе тем исследования и отборе источников, но и в реконструкции исторических ситуаций, и в понимании самой истории.

Именно самой истории, а не истории архитектуры и далее не истории города.

Эпоха накладывает свой отпечаток на язык общества. Слова и отдельные речевые обороты точно выражают дух своего времени. Поэтому *данные языка*, или *лингвистические источники**, существенно помогают изучить ту или иную эпоху.

Советская действительность породила новый язык. Незаметно в быт вторгались и занимали прочное место странная терминология и чудовищные аббревиатуры: Чеквалап (Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей), Рабочкомсод (Всероссийский рабочий комитет содействия организации социалистического сельскохозяйственного производства при ВЦСПС). Были еще горемы (головные ремонтно-восстановительные поезда), губтратомы (губернские транспортно-материальные отделы совнархозов). Был командюж (командующий южным фронтом), ружпульгонь (ружейно-пулеметный огонь), потельработники (работники почт и телеграфов). Организовывали теревсат (театр ре-

волюционной сатиры). Можно напомнить диковинное сокращение ЗК (зека), что означало «заместитель комиссара». Было еще множество учреждений и должностей, важных и не очень, со смешными сокращениями. Слова-обрубки чаще всего оказывались недолговечными. Но некоторые из них врезались в память всем и навсегда: ЧК-ГПУ-МКВД-КГБ, КПСС, колхоз и др.

Уместно заметить, что аббревиатура - явление не исключительно советское. Прежде всего - это порождение канцелярского делопроизводства военного ведомства России в 1914-1917 гг. Собственно война и подготовила условия для возникновения и распространения всяческих сокращений. Они появлялись и в других странах: СС, СД, гестапо, а также США, ООН, НАТО и пр. Другое дело, что, пожалуй, нигде, кроме СССР, это явление не принимало столь широкие масштабы.

Полноправным источником стали *фонодокументы*, в частности записи воспоминаний на магнитную пленку. Центральный государственный архив фонодокументов, сравнительно недавно облов.

Накопилось много *фото-* и *кинодокументов*. Они дают живое, наглядное представление о событиях, фиксируют их во всей внешней полноте, являются как бы материализованными копиями, слепками событий.

Эти новые источники также должны стать объектом источниковедческого исследования. Взглянем, хотя бы бегло, на документы, рожденные техническим прогрессом, с критической позиции. Зададимся вопросом: были ли, например, фотодокументы объектом фальсификации? На этот вопрос со всей уверенностью

можно ответить утвердительно. Таких документов, особенно связанных с жизнью В.И. Ленина, немало, и их нетрудно обнаружить. Так, широко известно пятитомное издание воспоминаний о В.И. Ленине. Оно неоднократно переиздавалось. Но каждый раз в пятом томе публикуется фотография, на которой в группе людей, стоящих на Красной площади, видна чья-то нога без туловища. Значит, надо искать изначальное фотоизображение.

Впервые публикации настоящих и фальсифицированных фотоматериалов появились на Западе, вызывая растерянность наших идеологов. Например, издаваемый за границей на русском языке альманах «Память» дал весьма интересную подборку фотоснимков. Представьте себе какой-либо снимок заседания на высшем партийно-государственном уровне, на котором запечатлена группа из 20-30 деятелей. На фальсифицированном снимке изображено то же самое, но некоторые лица убраны. Кинодокументы фальсифицировать проще, так как технология монтажа примитивна - следует просто отрезать ненужный кусок.

Кстати, кино - правда, не документальное, а игровое - сыграло определяющую роль в фальсификации образа В.И. Ленина. В известном фильме «Ленин в Октябре» Ленин запечатлен, можно сказать, в классическом, канонизированном виде. Однако известно, что в октябрьские дни 1917 г. Ленин был без бороды и усов. Скрываясь от агентов Временного правительства, он их сбрил. Однако образ Ленина с бородой и усами в октябрьские дни перекочевал в другие фильмы, на полотна художников и в скульптурные изображения.

Фальсифицировать можно почти все, в том числе и *произведения изобразительного искусства*. Возникновение пустых кресел и лакун в групповых портретах в исторических источниках может свидетельствовать лишь об огромной силе давления властей на искусство и массовое сознание.

Этот прием - «удаление» персонажей из вполне готового и даже продемонстрированного широкой публике произведения - применялся в определенных обстоятельствах для разрешения поставленных властями идеологических задач. В условиях политического террора упоминание о персоне *non grata* само по себе было преступлением. После официального осуждения власти запрещали авторам произведений и публике далее вспоминать о существовании опальных политиков. Этот метод «исправления реальности» путем изобразительных подделок продемонстрирован еще на картине Давида «Клятва в Зале для игры в мяч» времен Великой французской революции. Картина неоднократно переписывалась уже после демонстрации ее зрителям по мере того, как уничтожались участники изображенного события.

Подобные события происходили и в России. Известны, например, два варианта картины Вл.А. Серова, на которой изображен В.И. Ленин, выступающий в 1917 г. на II съезде Советов. В первом варианте возле него стоит Л.Д. Троцкий, а во втором варианте его уже нет. II съезд Советов живописал И.А. Серебряный.

Начав картину в 1937 г., он ко времени ее окончательного завершения в 1939 г. не раз менял состав действующих лиц. Любопытна также эволюция известнейшего полотна С.В. Герасимова «Портреты героев 1-й конной армии»: некоторые герои потихоньку исчезали с картины. Говорят, что после снятия Н.В. Подгорного с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР (1977) на картине Д.А. Налбандяна «XXII съезд КПСС», находившейся в Третьяковке, оказалось пустое кресло.

Идеологическая подтасовка разительно отличается по сути своей от традиционного для парадного портрета облагораживания облика изображаемого лица. Украшательство, будучи привычным компонентом этого жанра, заняло свое законное место в художественном мышлении. Оценка уровня условности в произведении есть скорее эстетический, а не этический критерий.

Портреты членов правительства, глав государств, видных политических деятелей (например, картины Ф. Шуприна «Утро нашей Родины (портрет И.В. Сталина)» (1946), И.

Пензова «Портрет Л.И. Брежнева» (1977) и др.) отличаются напыщенностью и стремлением подчеркнуть внутреннюю значимость и внешнюю привлекательность персонажа, но при этом сохраняется историческая достоверность в передаче занимаемого персонажем положения и силы его влияния. Субъективность не может изменить суть объекта - зачастую она раскрывает негативные стороны как портретируемого, так и художника.

Групповые парадные портреты изображались в виде батальных сцен, военных и политических советов и далее культурных мероприятий (картины Д. Налбандяна «Малая земля» (1975) с Л.И. Брежневым, Л. Шиповского «А.А. Жданов на совещании де-хваления» выделялся всеми художественными приемами, а также по методу «короля играет свита». К тому же многие из событий никогда не имели места в действительности. Все это напоминает изображение батальных сцен, когда художник помещает гарцующего на лихом скакуне полководца прямо на поле боя, под пушечным и ружейным огнем, прекрасно зная, что никто из полководцев на подобную глупость не пойдет, рискуя собой и победой ради принятия красивой позы под ураганным огнем противника, Объединение устных источников и фольклора в одно целое и в то же время выделение каждого вида обусловлено следующими обстоятельствами.

Устные источники - это устно передаваемая информация о тех или иных событиях, нередко в форме слухов.

Фольклор - это творческое, художественное отображение событий, иногда тех же самых. Граница здесь условна. Слух может превратиться в исторический анекдот, в миф, легенду, т. е. в разновидность фольклора. Легенды и мифы рождаются не только седой стариной, но и современностью.

Слухи возникают из-за желания знать правду либо, наоборот, скрыть ее, затуманить, исказить. Лучшее средство развенчания слухов - правда, но она не всегда возможна. Правду боялись во все времена, а поэтому слухи были и остаются. Их изучают как одну из особенностей формирования информационных процессов.

Слухи создают огромное информационное поле и порой являются единственным источником информации. Они могут быть оригинальным источником для изучения истории страны, но, конечно, при осторожном, критическом подходе к ним. Слухи рождаются каждый день и сопровождают человека всю жизнь. История человечества наполнена слухами. Особенно много возникает их на крутых поворотах истории

Устные источники - это не только слухи в традиционном понимании. Особенно сложным источником по степени достоверности являются, условно говоря, источники «дважды» изустные.

Устные источники занимают колоссальное место в повседневной жизни. Благодаря им распространяются реальные или мнимые знания о прошлом и настоящем. Являясь важнейшим информационным каналом, слухи и легенды успешно конкурируют со средствами массовой информации, а порой вторгаются на страницы газет, в радиоэфир и на экраны телевизоров.

Говоря об эволюции видов письменных источников, необходимо рассмотреть *делопроизводственные документы*. Главная тенденция их эволюции - стремление к унификации, стандартизации формы для удобства обработки, учета и хранения документа на стадии его функционирования. Но что происходило с формулярами, структурой классических традиционных документов, например, протокола. Приговор сельского схода - важнейший документ деревенской жизни - менялся под влиянием городской жизни, революционных событий. Вместо старой формы заверительной подписи, которая стояла в конце (подписи всех членов схода или подписи за безграмотных), появилась более лаконичная, явно «протокольная» лексика - «председатель», «секретарь» и печать.

Но в начале 30-х годов приговор схода исчезает вместе с исчезновением общины, которая была поглощена коллективизацией. Количество и разнообразие

делопроизводственной документации возросло необычайно. Кажется, невозможно уследить за разнообразием всех этих материалов.

отчет. Эта форма множество раз изменялась и совершенствовалась. На начало июня 1990 г. в народном хозяйстве СССР действовали 574 формы межотраслевой отчетности. В этих условиях проследить эволюцию формуляра чрезвычайно трудно. Можно лишь отметить как положительное явление: делопроизводственные документы имели тенденцию к унификации, формализации, причем в такой степени и таком направлении, чтобы стать в какой-то своей части машиночитаемыми и удобными для обработки

Обогащались формы *служебной переписки*, преимущественно по способу ее передачи: телеграммы, каблогаммы, телефонограммы, радиogramмы, факсы, телексы. Сюда можно отнести, видимо, и получение информации посредством компьютера через Интернет.

Новой формой *периодической печати* стал дайджест - периодическое издание, перепечатавающее (часто сокращенно) материалы из других изданий, в том числе секретные (например, «цветные» секретные обзоры ТАСС, в которых степень секретности определялась цветом обложки выпуска), еженедельные приложения к популярным газетам (например, «Собеседник» - приложение к газете «Московский комсомолец»).

Источники *личного происхождения* более, чем какие-либо другие, произвольны по форме и по содержанию, поэтому говорить об их видовой эволюции сложно. Хотя и появились новые формы (историческое интервью, блиц-воспоминания и др.), но они не определяют лицо документов личного происхождения. Форма мемуаров и дневников осталась такой же, как и сто лет назад. Эпоха определяла, что писать в мемуарах, как писать, о чем умалчивать.

Статистика имела тенденцию к совершенствованию сбора информации, ее переработке. Но вид источника определяла на протяжении времени не форма, не технология обработки, а эпоха, которая фальсифицировала советскую статистику так, что ею почти невозможно пользоваться.

Единственная разновидность статистики, которую все это не затронуло в значительной степени, - это *переписи* населения. Достаточно назвать хотя бы такой принцип проведения переписей в XX в., как всеобщность охвата населения, чтобы сразу оценить преимущество этих материалов перед имевшими место в веке XIX. Можно добавить и еще один важнейший принцип - *единовременность* проведения. Единый во времени сколок общества дает возможность проследить его развитие по важнейшим параметрам на значительной временной протяженности. Источники XIX в., и тем более ранних эпох, такой возможности не предоставляют.

Новое явление публицистики XX в. - *самиздат*. Это нелегальная подпольная литература. Таковая была известна и прежде. Это листовки, тайные документы декабристов и масонов, литература, ходившая в списках по рукам. Большая часть подобных текстов осталась и в XX в., но появились новые разновидности или жанры: открытые письма, открытые коллективные письма - обращения к «вождям», подписанные известными людьми (писателями, артистами, учеными и пр.); сокращенные изложения судебных процессов над правозащитниками и диссидентами (но не стенограммы или протоколы!); самиздатские журналы и пр. По сравнению с официальной публицистикой нелегальная резко выделялась своей содержательной частью.

Законодательные документы изменялись в основном следующим образом; полностью исчез такой и прежде редкий документ волеизъявления монаршей власти в России, как манифест. Вернее, он стал употребляться в ином, более демократичном качестве - как программный документ творческих союзов писателей и поэтов, художников и других артистических объединений.

Большевики любили многие ситуации описывать в терминологии Великой французской революции. В частности, по аналогии с ее документами стали называться

документы, издаваемые советской верховной властью: декларации, декреты. Но декларациям была уготована недолгая жизнь.

Прочно укоренилось слово «конституция», давно известное русскому обществу (особенно из документов декабристов), но нашедшее реальное воплощение только в Конституции РСФСР 1918 г. - первой российской конституции. В документы, решительно вторгшиеся в «номенклатуру» высших законодательных актов с начала 30-х годов, решительно вошло такое новое явление, как совместные постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров (ЦК КПСС и Совмина СССР). Этот нормативный акт совершенно не соотносился со всеми понятиями о законе, так как вопреки Конституции и здравому смыслу наделял верховный орган партии большевиков законодательной властью, и подобное существовало несколько десятилетий, вплоть до ухода КПСС с исторической арены

Комплекс материалов партийных организаций и общественных движений явно невидовой (это группировка по происхождению), но он традиционно выделялся в источниковедении. Данная группа документов не имеет особых видовых признаков, характерных только для документов КПСС. Возможно, что лишь типично партийными (организаций) являются программа и устав, да и то с оговорками, так как подобные документы были известны и до возникновения политических партий в России в начале XX в. Но именно эти документы более, чем какие-либо другие, характеризуют лицо и сущность той или иной партии.

Конец XX в. ознаменовался колоссальным расширением круга исторических источников новейшего времени, которые стали доступны исследователям. Это прежде всего материалы российской эмиграции. Далее - это расширение сети архивов, которые поступили в распоряжение исследователей. Они получили возможность пользоваться иностранными архивами. Кроме того, были открыты отечественные, ранее недоступные архивы (КГБ, церкви и др.), наконец, в еще большем масштабе исследователи получили доступ к секретным фондам уже известных архивов. Ждут освоения также комплексы документов, которые пока только обозначены: акты, публицистические, художественные произведения и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 13

Особенности периодической печати советского времени

Периодической печати внутренне присущи регулярные публикации сведений по тому или иному вопросу, выражение общественного мнения и суждений. Отражая жизнь общества в его движении, пресса, по мнению К. Маркса, сообщает современникам «то, что она, в тревоге, подслушивает у жизни... она произносит над этим приговор – резко, страстно, односторонне...». Поэтому при всех неточностях, а нередко и искажениях отдельных фактов периодическая печать в целом отражает событийную канву современной действительности и выражает, и целенаправленно формирует общественное мнение, публикуя повседневную информацию о текущих событиях аналитические и оценочные материалы.

До тех пор, пока событие, по мнению издателя органа имеет общественное значение, информация о нем будет сообщаться. Наличие определенной периодичности выхода того или иного издания предопределяет систематический характер передаваемых сведений. То обстоятельство, что периодические издания выпускаются во многих идентичных экземплярах, обусловило высокую их сохранность.

Единой, общепринятой классификации периодической печати нет. Традиционно периодические издания делятся на: *газеты* и *журналы*. Периодические издания могут быть также классифицированы:

по издателям – правительственные, ведомственные, политических партий, общественных организаций, научных учреждений, частные и т.д.;

по периодичности – ежедневные, выходящие 2 – 3 раза в неделю, еженедельные, двухнедельные, ежемесячные и т.д.;

по территориальному признаку – столичные (для досоветского периода выходившие в Петербурге и Москве, с 1918 г. – выходившие в Москве), провинциальные, или периферийные, местные (краевые, губернские, областные, уездные, районные, городские) и т.д.;

по отношению к цензуре – легальные (подцензурные и неподцензурные) и нелегальные;

по отношению к власти – официальные, официозные, оппозиционные;

по содержанию – исторические, медицинские, сельскохозяйственные, детские, женские, спортивные, театральные, юмористические и т.д.;

по языку – в книге рассматриваются только выходившие на русском языке.

Попытки дать определение понятиям «газета» и «журнал» предпринимались неоднократно. Их неудовлетворительность, по авторитетному мнению, С.С. Дмитриева, объясняется «двумя главными причинами: а) чрезвычайным разнообразием изданий, появляющихся более или менее повременно; б) абстрактно-логическим, антиисторическим подходом, обычным для таких попыток».

В самом общем виде различие между газетой и журналом можно провести, прежде всего, по форме подачи материала: если ежедневная газета, как правило, несет информацию о текущих событиях в форме сравнительно небольших по объему публикаций, то в ежемесячном журнале ведущее место занимают обзорные, проблемные и аналитические статьи.

Газеты формируются в группу периодических изданий, основной функцией которых становится предоставление массовому читателю оперативной, полной и точной информации. Удовлетворению потребности в получении разнообразной информации о внутренней и международной жизни способствовали революционные изменения в технике связи и оперативные организационные меры по их использованию в работе органов периодической печати.

В Советской России функция обеспечения периодической печати информацией о внутренних и международных событиях была возложена на организованное в 1918 г. по

постановлению ВЦИК Российское телеграфное агентство (РОСТА). После образования СССР было создано Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), РОСТА продолжало действовать в 1925 – 1935 гг. как телеграфное агентство РСФСР. ТАСС имело сеть корреспондентов во всех крупных городах СССР и за границей. Кроме того, оно находилось в договорных отношениях с мировыми иностранными информационными агентствами. В Положении о ТАСС говорилось: «На Телеграфное агентство Союза ССР возлагается распространение по всему Союзу ССР и за границей политических, экономических, торговых и всяких других, имеющих общий интерес сведений, относящихся как к Союзу ССР, так и к иностранным государствам». Большая часть информации, публиковавшейся в советской центральной и местной печати, являлась информацией ТАСС. В 1961 г. было создано всесоюзное Агентство Печати Новости (АПН) – орган Союза журналистов СССР, Союза писателей СССР, Союза Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Всесоюзного общества «Знание». В отличие от ТАСС, деятельность АПН была ориентирована на получение и распространение не оперативной, а аналитической информации о событиях в СССР и в мире.

В связи с тем, что Российская Федерация является правопреемницей СССР, ТАСС преобразовано в официальное Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). Правопреемником АПН стало Российское информационное агентство «Новости» (РИА–Новости). Значительное место в публикациях современной отечественной периодической печати занимают материалы мировых информационных агентств.

Наряду с информацией, поступающей в редакции через агентства, отечественные газеты стремились получать информацию самостоятельно. Солидные издания второй половины XIX в. создали сеть собственных корреспондентов в других городах России и за границей. Присылаемые ими корреспонденции представляли собой небольшие статьи о текущих событиях и имели главным образом информационное значение. Особой разновидностью материалов этого жанра были военные корреспонденции – сообщения с театра боевых действий.

В 60-е гг. XIX в. в России впервые появился новый, по преимуществу газетный, жанр – репортаж (от англ. *reporter* – собиратель новостей), т.е. рассказ очевидца о каком-либо событии специально для читателей. Репортеры по городу постоянно держали руку на пульсе всех сколько-нибудь значимых местных событий.

Для историка большое значение имеют публиковавшиеся в газетах некрологи. Нередко они служат основным источником биографических сведений о деятелях прошлого.

В СССР центральные и местные газеты получали информацию по каналам ТАСС и через сеть собственных корреспондентов. Собственные корреспонденты в наиболее важных политических и хозяйственных центрах республик, краев и областей должны были не только снабжать редакции информацией, но и организовывать работу местного авторского актива своих газет. Опора на рабочих и сельских корреспондентов – внештатных общественных сотрудников редакций – характерная черта советской партийной печати.

Параллельно с типом большой газеты в пореформенный период формируется тип малой газеты. Разновидностям и газет этого типа были столичные газеты, ориентированные на провинциального читателя; уличные «листки» и возникшие после революции 1905 – 1907 гг. «газеты-копейки». Газеты этого типа издавались в небольшом, удобном для чтения формате и были существенно дешевле, чем большие газеты. Главное место в них уделялось злободневным новостям и слухам. Такие газеты касались событий политики, литературы и искусства лишь в той степени, в какой эти события могли претендовать на сенсацию или скандал; публиковали авантюрные романы и фельетоны; помещали пародии и карикатуры.

Малоформатную, недорогую, популярную ежедневную газету, издававшуюся в столице, но распространявшуюся исключительно в провинции, создал редактор-издатель

газеты «Биржевые ведомости» С. М. Проппер. Цензура, оценивая «газеты-копейки» как издания «умеренно прогрессивного направления», порой недоучитывала их информационной роли. Поэтому малая пресса успевала сообщить о том, что вынуждены были «не замечать» большие газеты. Это важно для понимания значения «газет-копеек» как исторического источника. Например, 9 января 1917 г., когда отмечалась двенадцатая годовщина расстрела рабочей демонстрации 1905 года, вошедшего в историю как Кровавое воскресенье, журналисты больших газет «не заметили» демонстрантов на улицах, «не увидели» лозунгов, которые они несли, «не услышали» прозвучавших на митингах речей. Выходившая в Москве газета «Русское слово», которую современники справедливо называли «фабрикой новостей», на следующий день сообщила в отделе городской хроники... о краже в Малом театре. Издававшаяся на средства крупного московского капиталиста ежедневная политическая и литературная газета «Раннее утро» 10 января 1917 г. позволила себе лишь констатировать закономерность «роковых случайностей» в нарушениях междугородной телефонной связи на линии Петроград – Москва: «Когда темп политической жизни поднимается, неизбежно повторяется одна и та же история: Петроградский телефон не работает!.. Та же случайность произошла, конечно, и вчера». Отечественные читатели больших газет, привыкшие понимать эзопов язык подцензурной прессы, безусловно, догадывались: происходит что-то серьезное, причем нежелательное для власти.

Аналогов малых газет XIX—начала XX в. в системе партийно-советской печати не было, но отдельные элементы их получили развитие. В массовой печати первых лет советской власти использовались формы подачи материала, которые были доступны для недавно освоивших грамоту читателей: краткие статьи и заметки, построенные по четкому плану и набранные крупным шрифтом. Форма кратких ответов на вопросы читателей позволила создать популярный еженедельник «Аргументы и факты». Его разовый тираж в 1990 г. превысил 33 млн экземпляров — факт, не имеющий аналогов в истории отечественной периодической печати.

В Российской Федерации в 90-е гг. XX в. произошло возрождение малой газеты. Наряду с внедрением присущих этому типу изданий элементов (сенсационные заголовки, скандальная хроника, нарочито хлесткая подача материалов) в ежедневные газеты, бывшие прежде партийными и советскими (например, «Московский комсомолец»), были созданы многочисленные малые газеты-еженедельники («Калейдоскоп», «Спид-инфо», «Мегаполис-Экспресс. Экзотика городской жизни» и др.)

В условиях России с ее огромной территорией и плохими путями сообщения такой тип общероссийского периодического издания позволял провинциальным читателям знакомиться с новинками в области литературы и искусства, быть в курсе научных теорий и открытий, выполнял функцию лозманна в политике. Неоднократные попытки создать какой-либо другой тип общего журнала оказывались неудачными.

Так, издававшийся с марта 1866 по апрель 1918 г. журнал «Вестник Европы» первоначально задумывался по типу английских трехмесячников. Он начал выходить с подзаголовком «Журнал историко-политических наук» и в течение первых двух лет помещал научные статьи по истории, историческую беллетристику, хронику и библиографические обзоры. Но уже с 1868 г. издание стало ежемесячным. Его программа была расширена за счет создания литературного отдела и обзоров внутренней и внешней политики.

Аналога толстого журнала «обычного русского типа» в СССР, а затем в Российской Федерации не было создано. В наибольшей степени типологические черты такого издания свойственны литературно-художественным и общественно-политическим журналам, которые издавались и издаются писательскими организациями.

В начале XX в. толстый журнал «обычного русского типа», занимавший до этого времени ведущие позиции и удовлетворявший потребность отечественного читателя в политической информации, знакомстве с литературными новинками и достижениями

науки, был потеснен другими группами и типами периодических изданий. В связи с ростом грамотности населения была ликвидирована монополия образованных слоев общества на чтение газет и журналов. Оперативную политическую информацию массовый читатель находил, прежде других, в ежедневных газетах, количество которых резко увеличилось. Если в 1860 г. их было всего 7, то в 1894 г. – уже 112, а в 1913 г. – 649. Доставка столичных газет в провинцию по железной дороге и ежедневный выход на местах изданий, получавших информацию по телеграфу, сохранили за толстыми журналами главным образом функцию публицистического обозрения известий. Но и эту роль после 17 октября 1905 г. взяли на себя легальные газеты политических партий.

Тяга миллионов людей к знаниям, к культуре требовала выработки особого типа журнала – ориентированного на массовую аудиторию. Таким изданием стали еженедельные *тонкие журналы*, издававшиеся в России с 70-х гг. XIX в. Существовало множество разновидностей тонких журналов: литературные и общественно-политические, семейные, научно-популярные и т.д.

Литературный и общественно-политический еженедельный тонкий журнал по оперативности и содержанию публикуемых материалов занимали промежуточное положение между ежемесячным толстым журналом и ежедневной газетой. В нем читатель находил русскую и иностранную беллетристику, злободневные статьи и заметки. Для тонких журналов характерно наличие значительного иллюстративного ряда – здесь и фоторепортажи, и гравюры с рисунков, и портреты. В журнале «Огонек» (1900—1917), издававшемся как приложение к газете «Биржевые ведомости», фоторепортажные материалы занимали больше половины площади. Во время Первой мировой войны в «Огоньке» печатались фотографии солдат и офицеров, отличившихся в боях. Это принесло журналу невиданную доселе популярность: в 1915 г. его тираж достиг 800 тысяч экземпляров.

Тонкий журнал как тип издания получил дальнейшее развитие в структуре партийно-советской печати. Показательно, что названия некоторых популярных органов печати, прекративших выход в 1917 г., были присвоены потом новым журналам. Так, с 1923 г. в Москве издавался массовый еженедельный общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал «Огонек». Значительная часть журналов этого типа выходила в СССР ежемесячно, например, научно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ «Вокруг света».

В Российской Федерации тонкие журналы взяли на себя, прежде всего, функцию организации досуга. Наряду с продолжающими выходить под прежними названиями тонкими журналами (например, «Работница», «Крестьянка») появились новые: «Лиза», «Настя», «Отдохни!», «Вояж» и др.

В начале 20-х гг. XX в. были созданы советские исторические журналы. Прежде всего они были нацелены на публикацию документов. Среди таких изданий – журналы «Пролетарская революция» (1921 — 1941) и «Красный архив» (1922-1941). С 1926 г. начал выходить научно-исследовательский журнал «Историк-марксист» (в 1941 г. объединен с «Историческим журналом» и в годы Великой Отечественной войны издавался под этим названием, с 1945 г. – «Вопросы истории»). Большая часть исторических журналов 20 —30-х гг. XX в. перестала выходить в связи с началом Великой Отечественной войны; издание многих из них так и не было впоследствии возобновлено.

Во второй половине 50-х гг. XX в. были созданы новые исторические журналы: «Исторический архив» (1955–1962), «История СССР» (с 1957; «Отечественная история» - с 1991); «Новая и новейшая история» (с 1957), «Исторические науки. Доклады и сообщения высшей школы» (1957—1960) и др. С 1959 г. возобновлено издание «Военно-исторического журнала», начатое в 1939 г. и прекратившееся с началом Великой Отечественной войны. К началу 90-х гг. XX в. советская отраслевая историческая периодика была представлена, наряду с несколькими десятками одновременно издававшихся специальных журналов, большим количеством солидных продолжающихся

изданий, главным образом, типа тематических сборников: «Источниковедение отечественной истории», «Источниковедение истории советского общества», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Археографический ежегодник» и др.

В Российской Федерации, наряду с существовавшими в СССР историческими журналами и продолжающимися изданиями, с 1993 г. по 2003 г. как приложение к журналу «Родина» выходил новый публикаторский журнал «Источник. Документы русской истории». С 1995 г. Отделением истории РАН возобновлено издание «Исторические записки». Ранее они выпускались Институтом истории (с 1937, затем Институтом истории СССР – с 1968) АН СССР. Подчеркнув преемственность издания нумерацией – № 1(119) – издатели в подзаголовке обозначили его новое направление: теоретические и методологические проблемы исторических исследований.

В 90-х гг. XX в. появились новые издания, заявившие о своей преемственности с выходившими ранее историческими журналами: «Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.», «Исторический архив»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-

ТЕМА 14

Программные, уставные и директивные документы политических партий и общественных организаций

Исходным комплексом документов, которым открывается наш курс, являются документы политических партий и организаций. Среди них главная роль принадлежит программным документам, которые

- излагают цели и задачи,
- стратегию и тактику политической борьбы,
- определяют силы, средства и формы, с помощью которых политические партии мыслят реформирование или революционное преобразование общества.
- находят отражение в концентрированном виде наиболее важные направления и течения человеческой мысли, устремленной в будущее.

Программы политических партий России начала века были интересны, одна другой лучше. Но все они были далеки от реалий и утопичны. Как это ни парадоксально, но, может быть, самой реалистической из них оказалась программа наименее радикальной партии. Например, России вполне подошла бы программа партии октябристов. Ее реализация продвинула бы Россию далеко вперед на пути прогресса.

Но политическим течением, определившим развитие России XX в. стал большевизм. Поэтому мы начинаем с документов РСДРП — РСДРП (б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. Далее рассмотрим документы политических партий периода революции и затем немного коснемся программных документов современных политических образований.

Документы высших органов КПСС

Коммунистическая партия СССР являлась правящей партией. Ее руководящая роль проявлялась в том, что решения ее высших органов (съездов, конференций и пленумов ЦК) имели

- директивный характер,
- лежали в основе законодательной и практической деятельности государства, профсоюзов, комсомола и других массовых организаций трудящихся.
- отражали все принципиальные вопросы развития народного хозяйства, идеологии, культуры, социальных процессов

Поэтому ни один вопрос истории внутренней и внешней политики Советского правительства нельзя понять и изучить без серьезного анализа документов КПСС.

Документы КПСС во все времена характеризовала

- воинствующая непримиримость по отношению к любому инакомыслию,
- готовность к взрывному подавлению всякого несогласия,
- традиционная агрессивность коммунистической идеи.

На самом деле документы партии в той или иной мере, открыто, агрессивно или завуалировано утверждали стремление КПСС к диктатуре, к монопольному распоряжению судьбами страны, судьбами людей, от целых народов до отдельной личности.

КПСС — не политическая партия в традиционном понимании этого слова. Она не имеет ничего общего с революционно-конспиративной партией типа РСДРП или эсеров. Не приобрела она и черт партии парламентского типа. КПСС — это ядро структуры тоталитарного общества, главное устройство в механизме власти. КПСС только условно можно назвать партией, так как она служила непосредственно интересам тоталитарного государства.

Партийные оценки и директивы, запечатленные в обширной партийной документации, опасны тем, что в теоретических конструкциях и практической деятельности опирались на ложные, мертворожденные схемы. И ради красивых, но

заранее обреченных на провал утопий приносились в жертву судьбы, здоровье и жизнь миллионов людей.

Основные публикации документов КПСС

Классификация Ковальченко

- 1) программные документы (программы и уставы партии)
- 2) Материалы партийных съездов и конференций
- 3) Документация руководящих партийных органов
- 4) Документация низовых организаций
- 5) Материалы партийных групп во внепартийных учреждениях

Классификация Варшавчик

- 1) программные документы (программы и уставы партии)
- 2) Материалы партийных съездов и конференций
- 3) Документация руководящих партийных органов
- 4) Материалы первичных партийных организаций

Программы КПСС – всего 3 программы (3-я в 2-х редакциях)

1) РСДРП (II съезд партии, июль-август 1903). Была тщательно разработана, в ее обсуждении участвовали все делегаты съезда – 43 депутата (4 рабочих).

- «Минимум» подробно проработанный раздел буржуазной революции как понимает ее марксизм

- «Максимум» социалистическая революция

Руководящая установка для социал-демократов, в действиях исходили из ее положений. В 1917 г. поставлен вопрос в апрельских тезисах Ленина об изменении программы минимум.

2) С весны 1918 – комиссия по составлению новой программы партии, куда вошли виднейшие партийные деятели (Ленин, Троцкий, Свердлов). Программа была разработана, 25-27 февраля 1919 г. проект опубликовали в «Правде». Обсуждение перед съездом было коротким и не повсеместным. 18 марта 1919 г. открылся VIII съезд, где приняли вторую программу партии

3) Программа:

а) 3-ю программу приняли в 1961 г. на XII съезде партии, самый антисталинский съезд, где дискредитировали, а потом приняли программу строительства коммунизма. Сама программа вызвала насмешки у населения, тем более ухудшилось экономическое положение в стране (1962 – повышение цен, расстрел демонстрации в Новочеркасске). В 1964 Хрущев покинул свой пост, в середине 60-х о его программе старались не вспоминать.

б) На XXV съезде партии (февраль 1976) Брежнев поставил вопрос о пересмотре программы. В феврале 1981 состоялся XXVI съезд, где приняли решение о необходимости новой редакции. Было несколько вариантов. Сначала предполагалось программа совершенствования развитого социализма – для того, чтобы построить коммунизм необходимо пройти период «развитого социализма», именно это понятие необходимо было включить в программу. Осенью 1985 г., уже при Горбачеве, новую редакцию программы опубликовали в печати. Развернутого определения развитого социализма не было, упоминалось мимоходом, «Программа совершенствования социализма» – составлена теми же, кто работал над Хрущевской версией. Обсуждение редакции носило формальный характер, без критического анализа, детализации не было, многословно, с помощью общих фраз. Наибольший интерес вызывает изучение первой программы, которая была руководством к действию. К программным законам прилагались уставы – значение как источника больше, ценность их выше. Уставы партии в деталях обсуждались на партсъездах, внимание следует обращать на характер изменений, они отражали смену партийных установок. Изменения на XX антисталинском съезде были очевидны, на XIX в 1952 г. – ряд изменений + новые требования к членам партии (направленные на улучшение партийной дисциплины и т.д.), в 1956 этих требований уже не было.

Сущностные характеристики партийных документов.

Историки партии хорошо потрудились, чтобы доказать, что партийные источники абсолютно достоверны и непогрешимы. Если взять любое партийное решение, то там вряд ли можно обнаружить какие-либо сомнительные места. Все правильно, все вроде бы по делу, за исключением самого главного. Все они исходили из оценки не реального, а желаемого, руководствуясь идеальной схемой.

Когда в 1961 г. Н.С. Хрущев выдвинул программу строительства коммунизма и обещал, что к 1980 г. будет создана его материально-техническая база, а тогдашнее поколение людей будет жить при коммунизме, трудно сказать, поверил ли ему народ, но никто не возражал, по крайней мере, открыто. И все партийные документы исходили из этой утопической установки.

Нереальность хрущевских утопий обнаружилась довольно быстро. Тезису о развернутом строительстве коммунизма требовалась какая-то разумная альтернатива. И она появилась. Правда, разумности в ней было не больше.

Новое теоретическое "открытие" именовалось "развитым социализмом", оно стало важнейшей методологической установкой брежневского безвременья.

После смещения Хрущева "оттепель" была свернута не сразу. Еще какое-то время по инерции сохранялись условия для творческих поисков. И мыслящие люди 60-х годов пытались определить точку нашего движения в мировой истории. Реальная оценка того, кто мы, где мы, что из себя представляет наше общество, куда оно движется, — все эти вопросы волновали лучшие умы тех лет.

В 1966 г. в «Правде» была опубликована статья «О строительстве развитого социалистического общества». В ней, в сущности, содержались отказ от лозунга «развернутого строительства коммунизма», признание того, что у нас пока еще созданы лишь отсталые формы социализма, и ориентация на научно-техническую модернизацию, реконструкцию управления, демократическое развитие.

Люди Брежнева из идеологического аппарата ухватились за идею создания развитого социалистического общества, но все перевернули с ног на голову. И было сделано сногсшибательное открытие: у нас уже построено развитое социалистическое общество.

Концепция развитого социализма родилась в 50-ю годовщину октябрьского переворота. Она являла собой своеобразный шаг в разработке теоретических проблем социализма.

Впервые новую концепцию вложили в уста Брежнева, который констатировал факт построения в СССР "развитого социалистического общества" и выдвинул задачу как можно полнее использовать возможности, которые это общество открывает.

Развернутая характеристика "развитого социализма" впервые была дана в постановлении ЦК КПСС "О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик".

Так появилась новая доктрина. Все остальное, в сущности, производное от нее. Во всех партийных документах 70-80-х годов раскрывались различные аспекты концепции развитого социализма. Наиболее активно выдвигались теоретические и прикладные вопросы так называемого "советского образа жизни" — этого величайшего мифотворчества нашего времени.

С одной стороны, источниковедение имеет дело с конкретными документами. Лишь посредством документов историк может постичь эпоху. С другой стороны, не зная эпохи, мы не поймем документ.

Документы высших партийных органов в той части, которую необходимо было довести до населения, публиковались широко. Так, стенографические отчеты партсъездов и некоторых конференций изданы даже дважды: в 20-30-е годы и в 60-е годы, хотя не переиздавались стенограммы XIV, XVII и XVIII съездов. Что касается XIX съезда, то его стенограмма вообще не издавалась.

Трудно судить о полноте этих публикаций. Например, считалось, что заседание военной секции VIII съезда не стенографировалось, но лишь сравнительно недавно мы узнали, что стенографический отчет VIII съезда публиковался не полностью. В конце 1989 г. были опубликованы стенограммы закрытого заседания съезда (21 марта) и военной секции (20 и 21 марта).

Стенограммы пленумов ЦК КПСС никогда не публиковались. Получалось, что рядовые коммунисты абсолютно не знали, как происходит обсуждение того или иного вопроса на пленуме. Впрочем, исключения были. И при Сталине, и при Хрущеве некоторая информация на места поступала. Но то, что предназначалось для руководства, не доводилось до сведения рядовых коммунистов.

И все же в подавляющем большинстве случаев возникали односторонние представления, причем по весьма серьезным проблемам. Например, пленум ЦК КПСС, открывшийся 25 декабря 1989 г., на рассмотрение которого были вынесены вопросы, связанные с решениями XX съезда Компартии Литвы о выходе из КПСС и самостоятельности Коммунистической партии Литвы. На пленуме доклад сделал М.С. Горбачев, содержание и суть его видны из названия: "В единстве партии — судьба перестройки". Его публикация без материалов обсуждения — это абсолютно не полная картина: ведь нам не известно, что отвечали коммунисты Литвы. Односторонность и предвзятость освещения проблемы особенно усиливаются употреблением ругательных слов в адрес общественного движения в республике ("одурманивание", "искривление", "провокационное обращение", "подстрекательство", "давление" и пр.).

В конечном счете, стенографический отчет пленума опубликовали в "Известиях ЦК КПСС", но со значительным опозданием.

Что касается оперативной публикации стенограмм пленумов, то первой ласточкой в этом отношении были материалы Февральского (1990 г.) пленума ЦК. Это был первый случай полной публикации и оперативной публикации. "Правда" опубликовала стенограмму в ходе работы пленума 6-8 февраля 1990 г. Довольно быстро, уже в марте, эти документы вышли в свет отдельной книгой.

Однако подобные публикации не успели стать нормой жизни — КПСС прекратила существование. Ныне это уже задачи историков и архивистов, которые, кстати, начал решать возобновленный журнал "Исторический архив" публикацией материалов Июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Однако и здесь просматриваются рецидивы старой болезни: как бы не сказать лишнего, как бы не перетрудиться в составлении комментариев.

Важное значение для развития всех сторон жизни советского общества играли постановления ЦК КПСС. До граждан страны доводили лишь то, что положено им знать. Тем не менее, всегда интересно, как подготавливались эти постановления. Дело в том, что в их основе лежал довольно солидный материал, поскольку к разработке привлекались отдельные специалисты и даже крупные научные коллективы. Так что же из предлагавшегося входило в окончательную редакцию?

В учебнике М.Н. Черноморского изложена история принятия одного из важнейших постановлений периода массовой коллективизации — постановления ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству".

Из истории разработки постановления ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. В 1962 г. появились статьи Н.А. Ивницкого и Б.А. Абрамова, в которых были обнародованы материалы комиссии ЦК под председательством Я.А. Яковлева, которые давали возможность судить о ходе разработки указанного постановления.

М.Н. Черноморский, основываясь на данных статьи Абрамова, последовательно изложил этапы работы комиссии в декабре 1929 г., ее предложения, содержание подготовленного ею проекта постановления, замечания Сталина и окончательный текст. Речь шла о самых существенных вопросах коллективизации: темпах, принципах

обобществления средств производства и формах колхозов, добровольности, о ликвидации кулачества как класса.

Формально правильно проведя анализ текстов, Черноморский верно констатировал: сроки коллективизации Сталиным были существенно сокращены, что нашло отражение в окончательном варианте постановления;

были опущены предложения комиссии о составе имущества, оставляемого крестьянам;

в предложениях комиссии гораздо больше внимания, чем в окончательной редакции, уделялось обоснованию принципа добровольности при организации колхозов; по вопросу о ликвидации кулачества как класса практические, подробные рекомендации комиссии были заменены общими словами.

Итоговый вывод Черноморского таков: "Проведенный нами сравнительный анализ проекта и самого постановления позволяет установить, что в проекте постановления, являвшегося коллективным трудом большой группы опытных партийных работников, хорошо знавших сельское хозяйство и нужды колхозного движения, был сделан упор на конкретные вопросы, касавшиеся дальнейшего хода коллективизации. Окончательный же текст постановления содержит более общие формулировки, касающиеся в основном принципиальных вопросов и дающие возможность широкого творческого подхода к решению конкретных задач коллективизации страны".

Однако все оказалось гораздо сложнее и драматичнее. На практике так называемые возможности "творческого" подхода обернулись безудержной гонкой и преступлениями против крестьян, что стало проявляться уже осенью 1929 г. Ситуация требовала не общих установок на "творческий" подход, что на практике означало произвол, а конкретных рекомендаций по его устранению. О напряженности обстановки свидетельствовали и тревожные сигналы с мест. Рекомендации комиссии были как раз попыткой внести элементы разумного понимания ситуации. Но к ним не прислушались. Последствия были трагичны.

Какой урок можно извлечь из сказанного?

1. Над Черноморским, безусловно, довлела конъюнктура; источниковеду оказалось не под силу вырваться из-под власти сложившихся представлений о характере коллективизации, хотя уже в то время появлявшиеся материалы давали возможность отойти от традиционной схемы.

2. Черноморский недостаточно владел новейшей литературой и источниками по проблеме, и его анализ получился вырванным и из контекста исторической ситуации, и из всего комплекса имевшихся материалов. Следовательно, анализ был проведен формально.

3. Скорее всего, было и то, и другое, т. е. и давление схемы и начальства, и плохое знание материала.

4. Из всего этого делаю заключительный вывод, выходящий за пределы учебника Черноморского и вообще рассмотренного случая. Вывод таков: при анализе документа необходимо тщательно изучить историческую обстановку, весь комплекс литературы и источников по изучаемому вопросу, т. е. то, к чему нас призывают теоретики источниковедения, стало быть, надо иметь хорошую профессиональную подготовку.

Но этого мало. Надо быть честным перед людьми и собой, не идти на поводу у конъюнктуры, отказаться от компромисса, который ведет к искажению исторической правды, не писать о том, что идет вразрез с совестью. Мы это не всегда могли.

Любое постановление ЦК партии — сугубо аппаратный документ, ибо сам ЦК здесь часто ни при чем: пленума ЦК никто не созывал, но документ публиковался от имени ЦК. Кто же готовил постановления? Ответ незамысловат: аппарат ЦК КПСС под командой высших партийных чиновников, державших реальную власть.

Постановления ЦК постепенно из документов внутривнутрипартийного характера приобрели всегосударственное значение. Эта их функция особенно усилилась в связи с широко распространившейся практикой издания совместных постановлений ЦК КПСС и Совета

Министров СССР. Эти постановления регламентировали буквально все стороны жизни советского общества, и все же подавляющее их большинство касалось народного хозяйства.

Такие совместные постановления были абсолютно антиконституционны, поскольку решения ЦК КПСС наделялись силой закона. Вот вам конкретное проявление всевластия партии. Оно убедительно показывает, кто является подлинным хозяином страны.

Несколько приоткрыть занавес подготовки этих документов помогают материалы издававшегося несколько лет журнала "Известия ЦК КПСС", а также появившиеся в последние годы воспоминания и статьи лиц, причастных к этой работе.

Так, статья Дениса Бабиченко, в которой использованы интересные документы, посвящена подготовке постановления ЦК ВКП (б) о журналах "Звезда" и "Ленинград". Правда, невозможно судить, что это за материал и где автор его достал, поскольку ссылок нет. А вот литератор Д.А. Левоневский использовал свои записи, сделанные сразу же после заседания в ЦК 15 августа 1946 г. по поводу постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград", принятого накануне, что позволило Левоневскому воссоздать обстановку, в которой принималось то печально знаменитое постановление.

Если статьи Бабиченко и Левоневского помогают реконструкции истории создания конкретного постановления, то воспоминания Леонида Шинкарева дают возможность представить в целом, как строилась и проходила аппаратная работа. Автор делает это с большим знанием дела, ибо сам неоднократно привлекался к подготовке важнейших документов, докладов, речей для Генерального секретаря. Шинкарев, возможно, одним из первых описал и определил сущность такого неперемennого института партийно-советской бюрократии, как помощник какого-нибудь высокого сановника. Он дал и описание суматошных дней работы на загородной даче команды, т. е. рабочей группы, сформированной помощником Генсека или Самим для подготовки докладов на пленумах, съездах и пр. Подобный материал можно найти и в работах Ф.М. Бурлацкого, который в свое время был близок к Н.С. Хрущеву.

Таким образом, эти работы, во многом основанные на личных воспоминаниях, впервые приоткрывают завесу закулисной жизни Кремлевского двора.

Кстати, почти одновременно о жизни партийных функционеров, их челяди и лизоблюдах 20-30-х годов нам поведали публиковавшиеся в "Огоньке" воспоминания помощника И.В. Сталина Б.С. Бажанова. Подобную же информацию можно получить из воспоминаний А. Орлова, Н.С. Хрущева, А. М. Лариной и др.

Однако к этим свидетельствам необходимо относиться очень осторожно, многое здесь требует проверки.

Для публикации ранее неизвестных читателю партийных документов большое значение имело возобновление в 1989 г. издававшегося в 1918-1929 гг. журнала "Известия ЦК КПСС". Это было полезное издание, прекратившее свое существование вместе с уходом КПСС с исторической арены. В отличие от "Коммуниста" и других партийных журналов здесь не было статей пропагандистского или аналитического характера — публиковались только документы и информация. Причем информационная насыщенность документов довольно высокого уровня. Журнал тем самым как бы не навязывал читателю своего мнения, а давал возможность самому разобраться в публикуемых материалах. Для ориентации имелись необходимый справочный материал и комментарий.

В журнале публиковалась информация о работе за соответствующий период ЦК КПСС и его комиссий, Центральной ревизионной комиссии. Читатель найдет хронику важнейших текущих событий, может получить представление о почте, поступавшей в ЦК КПСС.

Мы получили возможность знать о партии чуть-чуть больше, в частности, как готовятся важнейшие решения. Хотя сведений на этот счет было совсем немного.

В журнале имелась чрезвычайно важная рубрика "Из архивов партии". Из номера в номер она открывалась хроникой деятельности ЦК партии в документах. Причем ряд

документов, включенных в хронику, публиковался впервые. В их числе хранившиеся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС протоколы заседаний ЦК РКП (б) и Оргбюро партии.

Однако все это было только вершиной айсберга. Громадные документальные ценности оставались в закрытых архивах партии.

События августа 1991 г. дали возможность приоткрыть завесу над партийными тайнами. Исследование партийных архивов даст много нового. С марта 1992 г. доступ к некогда сверхсекретным архивам бывшего ЦК КПСС открыт.

Уже первая информация о содержании архивов ЦК поражает. Ныне эти документы сосредоточены в Центре хранения современной документации (ЦХСД). В частности, он содержит материалы так называемого 7-го сектора Общего отдела ЦК КПСС (документы за 1952-1991 гг.) — о текущем партстроительстве и материалы 6-го сектора Общего отдела, содержащего все важнейшие решения Политбюро ЦК КПСС. Здесь, в Кремле, сосредоточены протоколы и стенограммы заседаний Политбюро, где решались вопросы войны и мирных переговоров, помощи братским компартиям и смены "братских" правительств, ввода войск в Венгрию (1956 г.), Чехословакию (1968 г.), Афганистан (1979 г.). Сюда ложились сводки ОГПУ — НКВД — КГБ, здесь хранятся стенограммы интереснейших и драматичных пленумов ЦК — таких, например, как февральско-мартовский 1937 г., ставший "партийным судом" над Бухариным, июньский 1957 г. — об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, октябрьский 1964 г., сместивший Хрущева. Здесь же личные архивы вождей (включая богатейший архив Сталина), их переписка, шифротелеграммы, резолюции на полях донесений и приговоров и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. — 5-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2012. — 464 с. — ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. — М.: Издательский центр «Академия», 2014. — 256 с. — ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. — М.: Высшая школа, 2004. — 687 с. — ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М.: РГГУ, 1998. — 702 с. — ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. — М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. — 701 с. — ISBN 5-7281-0090-2

ТЕМА 15

Использование архивных источников и сайтов Internet

Одним из следствий информатизации является коренное изменение информационной среды общества, в частности, наблюдается рост количества и разнообразия информационных ресурсов. Это характерно как для всей совокупности информационных ресурсов, так и для ресурсов, относящихся к определенным сторонам предметной деятельности. Необходимость изучения и анализа предметных информационных ресурсов обуславливается тем, что именно их создание и накопление определяет во многом сегодня возможности дальнейшего развития этих областей знания, создание новой информационной среды для их развития.

Процесс информатизации глубоко затронул и современную историческую науку, привел к коренным изменениям ее информационной среды и структуры. Выражением этих изменений стало возникновение и накопление новых видов ресурсов, созданных на основе информационных технологий. Исторические информационные ресурсы разнообразны по проблематике, разрабатываются не только профессиональными историками, но и историками-любителями, студентами, школьниками, представляют собой как продукты для научного изучения, продукты-результаты такого изучения, освещения тех или иных тем и вопросов истории, так и продукты, предназначенные для исторического образования.

Бурный рост исторических информационных ресурсов как основы современной информационной среды исторической науки и образования ставит целый ряд проблем. Среди них проблемы качества ресурсов, целесообразности и возможностей их использования в исторических научных исследованиях и образовании, путей дальнейшего развития технологий и методик их создания и применения. Решение этих и других проблем во многом зависит от определения самого понятия «исторические информационные ресурсы», подходов к их классификации, чему и посвящена настоящая статья.

Понятийный аппарат

Понятие «исторические информационные ресурсы», как и понятие «информационные ресурсы» вообще, кажется достаточно ясным на интуитивном уровне. Однако такого понимания при попытке анализа исторических информационных ресурсов явно недостаточно. Оно не позволяет с необходимой четкостью определить характер, содержание, установить границы ресурсов, которые следует отнести к историческим, определить критерии такого отнесения.

Трудность определения понятия «исторические информационные ресурсы», прежде всего, связана с тем, что все ресурсы, так или иначе, раньше или позже можно рассматривать как информацию, необходимую и важную для изучения различных сторон и проявлений исторического процесса. Будучи результатом деятельности людей на определенных этапах развития общества, любые информационные ресурсы становятся остатком, свидетельством этой деятельности и в этом смысле превращаются в исторические источники.

При таком подходе проблема определения, классификации и анализа исторических информационных ресурсов расширяется и заменяется соответствующими проблемами, относящимися к информационным ресурсам вообще. Подобный подход к определению исторических ресурсов возможен, но недостаточен.

В качестве подхода, противоположного описанному, можно применить подход по природе и целевому назначению ресурсов – под историческими информационными ресурсами понимать только те, которые созданы профессиональными историками и предназначены для научного изучения истории или исторического образования. Это достаточно строгий подход, который позволяет ограничить понятие исторических информационных ресурсов теми, которые, пожалуй, действительно наиболее значимы с

точки зрения исторической науки и образования, и их современной информационной среды. Однако при таком подходе за пределами рассмотрения останется довольно большое количество ресурсов, имеющих познавательную ценность для исторических исследований и образования, – это, например, электронные библиотеки и сайты по смежным с историей наукам – философии, политологии, социологии, культурологи; универсальные библиотеки и сайты междисциплинарного характера, содержащие публикации исторических источников и научных трудов; сайты, созданные историками-любителями. Указанный подход, хотя и приемлем для определения отдельных категорий исторических ресурсов, но в то же время излишне строг.

Представляется, что избежать как размывания специфики понятия «исторические информационные ресурсы», так и неоправданно строгого его ограничения позволит следующее родовидовое определение: исторические информационные ресурсы – это информационные ресурсы, относящиеся к предметной области исторической науки и образования. Таким образом, в качестве родового понятия используется «информационные ресурсы», а в качестве видового признака – принадлежность к исторической тематике. Это в определенной степени позволяет не вдаваться в проблему существующих подходов к понятию «информационные ресурсы», а также избежать дискуссий о предмете изучения истории как науки.

Еще один спорный момент – соотношение информационных и электронных ресурсов – относить ли к информационным ресурсам традиционные печатные издания, например, или делать акцент на созданных с помощью ИКТ? Представляется, что при рассмотрении исторических информационных ресурсов важно разрабатывать общие способы описания и единую классификацию и традиционных, и современных ресурсов, однако именно электронные ресурсы в силу своей новизны требуют большего внимания на данном этапе развития. Следует отметить, что электронные исторические ресурсы могут представлять собой как электронные версии исторических ресурсов на традиционных носителях с сохранением или изменением исходной модели данных, так и изначально создаваться в электронном виде.

Описание и классификация исторических информационных ресурсов

Трактовка понятия «исторические информационные ресурсы» служит основой для их описания и классификации, без которых невозможно их эффективное использование и эффективное развитие информационной среды.

Представляется, что на нынешнем этапе информатизации на первый план в области создания информационных ресурсов, ресурсного насыщения информационной среды выходят не столько задачи их количественного наращивания, сколько повышения качества информационных ресурсов, их доступности, что в немалой степени зависит от качества документирования ресурсов

Как показывает в своей книге А.Б. Антопольский, разработка стандартов описания информационных ресурсов, а, следовательно, и качество их документирования, во многом связана с содержанием понятия информационные ресурсы и их классификациями

Но в конечном итоге эффективность использования ресурсов зависит от того, насколько они востребованы в областях предметной деятельности. Это в свою очередь зависит от наличия в системах описания таких ресурсов параметров, определяющих их отношение к областям предметной деятельности. Разработка таких параметров связана с классификацией информационных ресурсов соответственно структуре и содержанию предметной области, для которой они предназначены или в которой могут быть использованы.

В целом в описании и классификации исторических информационных ресурсов могут использоваться следующие виды атрибутов:

- атрибуты, общие для информационных ресурсов вообще;

- атрибуты, обусловленные исторической областью знания – например, применяемые для описания и классификации традиционных исторических источников и публикаций;
- специфические атрибуты, характерные только для исторических информационных ресурсов и не актуальные (не важные) для ресурсов вообще или для традиционных исторических источников;
- атрибуты, обусловленные целевым назначением ресурсов или способом их использования – например, педагогические (дидактические возможности, методические функции, влияние на формы учебного процесса и др.);
- атрибуты, обусловленные типом данных ресурсов; так, для графических изображений будет актуален один набор параметров, для текстовых – другой;
- атрибуты, обусловленные тематикой ресурсов. Существенное значение с точки зрения возможностей использования ресурсов имеет классификация по типу данных, которыми представлена информация, и технологиям ее создания и обработки. В этом смысле информационные ресурсы подразделяются на текстовые, гипертекстовые, числовые, графические, аудио-, видео-, мультимедиа-, интернет-ресурсы. Такая классификация может использоваться, в частности, для электронных версий источников и объектов культурного наследия – в зависимости от типа источника его электронная версия может быть текстовой, графической (в том числе 3D-графической), аудио, видео. Указанная классификация целесообразна и для учебных электронных средств, т.к. позволяет учитывать дидактические возможности отдельных видов представления информации. В то же время, те или иные ресурсы, как правило, являются комбинацией различных видов ИКТ. Так, простейший интернет-ресурс включает, по крайней мере, текстовые и коммуникационные технологии.

Рассмотрим подробнее такие основные технологии создания информационных исторических ресурсов как электронный текст, базы данных и интернет

Очевидно, что перечисленные технологии не исчерпывают многообразие электронных ресурсов по истории. Однако они относятся к технологиям, за счет внедрения которых сегодня в первую очередь осуществляется информатизация гуманитарных областей. Следует отметить, что, помимо обозначенных, есть ряд технологий, роль и место которых значительны в истории – это, например, технологии обработки количественной информации и математическое моделирование, ГИС-технологии, мультимедиа, электронное картографирование, 3D-реконструкции, симуляции и др.

Технологии и ресурсы электронного текста

Текст, будучи преобладающей формой информации исторических источников и практически единственной формой исторических публикаций, играет особую роль в исторической науке и образовании. Информационные технологии работы с текстом, как и в ряде других гуманитарных наук, являются во многих смыслах основой информатизации в области истории. Теоретическим и прикладным исследованиям в области использования текстовых технологий в исторической науке посвящены работы В.А. Баранова, Л.И. Бородкина, А.Г. Варфоломеева, А.С. Иванова, Н.И. Миницкого, А.Н. Петрова, А.Ф. Толочко и др.

Электронный текст, в отличие от многих других ИКТ, используемых историками, – «прямой наследник» традиционного (печатного) текста. При этом «электронность», сохраняя сущность текста как такового, допускает качественно новые возможности работы, позволяет историку использовать исследовательские инструменты, не доступные ранее, не отрицая при этом традиционные технологии работы с текстом («классического» источниковедения). Так, с использованием элементов разметки (HTML, XML, TEI) и гиперссылок текст приобретает качественно новые возможности и значение: традиционное понятие текста расширяется за счет введения в него структуры, нелинейности, установления перекрестных связей. Гипертекст позволяет задать

алгоритмы прочтения исторического источника (или публикации) и модели их интерпретации.

В описание текстового исторического электронного ресурса целесообразно включить помимо традиционных библиографических полей указание на то, является ли ресурс исходно электронным или представляет собой цифровую версию с традиционного носителя. Во втором случае важно указать, сохранен ли полный текст исходного источника (публикации); сохранена ли исходная модель источника (источнико-ориентированный подход) или предложена модель, ориентированная на решение определенных задач; является ли полученный текст линейным или содержит гиперссылки, разметку, отражает многослойность источника и т.п.

Интернет-технологии и ресурсы

Интернет, выступая одновременно как средство коммуникации и как информационная среда, находит специфическое проявление в области исторической науки. Интернет служит средой, в которой накапливаются и сосредотачиваются массивы исторических источников и публикаций. Сам интернет становится важнейшим историческим источником по современной истории: «домашние страницы», электронная переписка, электронные дневники, форумы и т.д. представляют собой источники для изучения социальной истории, массового сознания и других аспектов.

Интернет является средой, в которой сегодня пишется история, и представляет собой новые формы разработки исторических проблем. Свидетельством тому служат различные историко-ориентированные сайты и порталы. Интернет становится все более и более динамичным средством отображения явлений и процессов, происходящих в исторической науке как на организационном, институциональном, так и содержательном уровне. Коммуникационные технологии и интернет обеспечивают возможность быстрой публикации и доступа к результатам научных исследований, способствуя тем самым глобализации и в некотором смысле популяризации науки и обогащению содержания исторического образования.

Проблемы использования интернет-технологий и ресурсов в исторической науке и образовании рассмотрены в работах Л.И. Бородкина, Т.Я. Валетова, В.Н. Владимирова, С.И. Корниенко и др. Обзоры ресурсов интернета по истории России приведены, например, в исследованиях Л.П. Афанасьевой, Л.И. Бородкина, С.В. Бушуева, И.Е. Сафонова и др.

Можно выделить следующие основные группы исторических интернет-ресурсов:

- ресурсы, содержащие массивы исторических источников и публикаций;
- национальные и международные электронные архивы;
- электронные библиотеки, каталоги, коллекции;
- электронные исторические журналы и сайты традиционных периодических изданий;
- историко-ориентированные тематические интернет-сайты и порталы;
- сайты научных, образовательных учреждений и учреждений хранения;
- сайты исторических факультетов университетов и исследовательских учреждений;
- сайты музеев, архивов, библиотек.

В описании исторических интернет-ресурсов важны такие атрибуты, как тип ресурса (страница, раздел сайта, сайт, портал); разработчик ресурса и его тип (профессиональный, любительский, официальный); количественные атрибуты (количество страниц, разделов, источников, публикаций и др.); организация каталога; форматы представления источников и публикаций и др.

Технология баз данных. Информационные системы

Историко-ориентированные информационные системы – это особый класс систем, предназначенных для хранения, организации исторической информации, обеспечения

доступа к ней и ее аналитической обработки в соответствии с потребностями исторических исследований и (или) образования. Под информационными системами можно объединить достаточно разнородные ресурсы, удовлетворяющие обозначенному определению, при этом не всегда названные разработчиками как «информационная система». В основе информационной системы лежит структурированная организация данных (как правило, технологически реализованная в виде базы данных).

Использование технологий баз данных в исторических исследованиях и образовании является одним из главных и развитых направлений исторической информатики. Теоретические вопросы применения баз данных в истории наиболее комплексно рассмотрены в работах И.М. Гарсковой, также имеется большое количество исследований на основе баз данных и работ, посвященных созданию информационных систем.

Базы данных и информационные системы в области исторического знания применяются для создания архивов машиночитаемых данных; каталогов литературы и исторических источников; электронных библиотек; историко-ориентированных тематических ресурсов; машиночитаемых исторических источников и др. Таким образом, технология баз данных является средством организации, визуализации и предоставления доступа к важнейшей исторической информации.

Первые попытки классифицировать историко-ориентированные информационные системы были предприняты в 1994 г. П.А. Аханчи в работе «Отечественные исторические базы данных: проблемы классификации». Ключевым индикатором для классификации систем автором был выбран исходный источниковый материал (нарративный, статистический, формулярного характера). Наибольшее же внимание было уделено рассмотрению вопросов создания просопографических баз данных, где вводится еще один индикатор – использование массовых или единичных источников.

Как и другие информационные исторические ресурсы историко-ориентированные информационные системы могут быть типологизированы по общим, специфичным исторической науке и специальным основаниям. Важным критерием типологизации историко-ориентированных информационных систем является их назначение. Так, выделяется пять типов систем: информационно-справочные/информационно-поисковые системы, экспертные системы, системы автоматизации научных исследований, геоинформационные системы, информационно-образовательные системы.

Историко-ориентированные системы также можно классифицировать по охвату задач и доступу. Так, большая часть систем способна решать одномоментно задачи лишь одного пользователя. Как правило, такие системы создаются авторами для проведения собственных исследований. Однако, начиная с 2000-х годов, наблюдается тенденция к созданию многопользовательских информационных систем, способных одновременно выполнять широкий спектр задач, задаваемых несколькими пользователями. Таковыми являются практически все системы, доступные через интернет.

В качестве оснований для классификации систем выступают и исторические категории: преобладающий тип источников, хронология, тема, география.

Специфическое основание для классификации историко-ориентированных информационных систем – это подход к организации информации. При историко-ориентированном подходе в основу модели данных системы ложится структура источника. Проблемно-ориентированный (объектно-ориентированный) подход предполагает создание структуры из выборочных, наиболее важных свойств (атрибутов) исследуемого объекта или явления, информация о котором содержится в нескольких источниках.

Особое значение и ценность для исторической науки представляют системы, которые содержат собственный исследовательский инструментарий – их можно выделить в отдельный класс. Возможности разработки исследовательского инструментария определяются особенностями информационной модели, ее основными объектами, их метаданными, связями между объектами и их свойствами, программно-технологическими

средствами, используемыми для хранения и визуализации цифровых версий исторических источников.

Таким образом, к настоящему времени уже накоплен определенный опыт решения вопросов классификации и описания исторических информационных ресурсов на теоретическом и прикладном уровне, связанный с обсуждением проблем их создания, сохранения, описания, документирования, каталогизации, анализа, использования и др. Однако целостных комплексных систем классификации и стандартов описания исторических информационных ресурсов не существует. Проблема их создания, как было показано, обуславливается рядом факторов, среди которых:

- значительное функциональное и содержательное разнообразие ресурсов;
- значительная разница в описании (в т.ч. целях описания) традиционных и электронных ресурсов, появление новых видов и типов ресурсов;
- трудность или невозможность адаптации традиционных (например, библиографических) атрибутов описания к новым видам ресурсов;
- необходимость создания систем описания, подходящих для различного целевого назначения (научные исследования, образование, учет в организациях хранения, каталогизация и документирование)

Попытка учесть все вышесказанное приведет к необоснованному разрастанию системы атрибутов и оснований классификации и в конечном итоге невозможности ее применения на практике. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно выделение отдельных видов и типов исторических ресурсов, их описание и характеристика.

Глобальная сеть Интернет является неотъемлемой частью современного информационного общества. Она выполняет поисковые и коммуникативные функции и в то же время служит средством передачи, хранения и распространения различного рода информации. Оперативность, доступность и простота в предоставлении информации одновременно большому числу пользователей дали мощный импульс к созданию целых массивов полнотекстовой информации. Эти массивы и представили собой информационные ресурсы, создаваемые в различных целях – коммерческих, образовательных, а позднее и научных. Информация образовательного характера представлена огромным числом рефератов различной тематики, справочных документов, фрагментов учебных материалов, собственно учебных изданий – учебников, учебных и методических пособий, программ учебных курсов. С огромной скоростью в Интернете стали появляться и научные ресурсы – энциклопедии, монографические исследования, материалы научных конференций, сборники статей, отдельные научные публикации, электронные журналы и газеты, а также проблемно-ориентированные базы данных по всем отраслям знания. В Интернете стали размещаться текущие показатели экономического развития стран мира, нормативно-правовые документы, виртуальные музеи, отдельные художественно-графические произведения, фотографии, произведения художественной литературы.

В настоящее время в Интернете существует огромное количество исторической информации. В основном это электронные версии исторических источников, начиная с древнейших времен и до наших дней, научные и научно-популярные публикации, а также научная историческая библиография. В глобальной сети присутствует большое количество электронных копий исторических источников – архивных документов, этнографических экспонатов, материалов археологических раскопок и изображений находок, статистических данных, архивов газет и исторических журналов, нормативных документов, летописей, эпистолярного наследия исторических личностей, картографических материалов и даже военной документации. Интернет, на первый взгляд, кажется громадной библиотекой, где по полкам совершенно хаотично располагаются книги и другие библиотечные документы, и лишь с помощью справочно-поисковой системы можно разыскать необходимо. Все исторические источники, как и другая информация, могут быть размещены на самостоятельных тематических, персональных

веб-сайтах, на веб-сайтах научных, образовательных и других учреждений, в электронных библиотеках, проблемно ориентированных и тематических базах данных.

Благодаря Интернету в научный оборот исследователей, изучающих историю, вошло большое количество неизвестных и малодоступных источников. Но более эффективное использование сетевых исторических источников замедляется в связи с тем, что еще слабо разработаны методические и методологические вопросы их предоставления в Интернет, источниковедческого описания и источниковедческого анализа. Далеко не всегда присутствует информация, в соответствии с которой возможна идентификация документа на предмет его полноты и достоверности. Сама Интернет-среда находится в постоянном движении, исторические ресурсы реконструируются, многократно воспроизводятся индивидуальными и коллективными пользователями сети. Не принято создавать официальные архивы сетевых ресурсов, поскольку, во-первых, весьма трудно отделить «зерна от плевел», во-вторых, кто должен вести экспертизу для включения того или иного документа в архив, да и создавать таковой архив вообще? В некоторых публикациях предлагается проведение такой работы возложить на библиотеки. Возможно, в таком предложении и есть рациональное зерно, постольку, поскольку библиотеки — это хранилища книг и других печатных изданий, где возможна идентификация документов, в том числе исторических источников. В библиотеках создаются машиночитаемые каталоги на документальные массивы, которые могут использоваться как инструментарий для сравнительного анализа источников. Но без привлечения профессионального исторического сообщества работники библиотек едва ли могут вести подобные работы самостоятельно. Некоторые исследователи считают целесообразным создание авторитетной независимой Интернет-службы, благодаря которой могут быть сняты многие вопросы, рассматриваемые в настоящей статье. Такой подход можно рассматривать как наиболее перспективный еще и потому, что в процессе такой деятельности будет возможен серьезный профессиональный контакт на предмет развития Интернет-ресурсов о нашей стране, так необходимый для исторического сообщества Казахстана.

Органами научно-технической информации и научным историческим сообществом еще не выработаны единые стандарты классификации электронных исторических ресурсов и их источниковедческого описания. По всей видимости, здесь необходимо вмешательство государства в лице научных структур, которые разрабатывали бы соответствующие требования к созданию и представлению исторических материалов в таком массовом источнике информации, как Интернет. На данный момент — это крайне необходимо для обеспечения «чистоты, легитимности, адекватности, аутентичности источника». Только так историки могут свободно использовать их в исторических исследованиях и образовательной деятельности, не рискуя получить фальсифицированную и псевдонаучную информацию. Введение стандартов позволит унифицировать предлагаемые историками различные схемы описания электронных ресурсов. В этих целях можно использовать стандарты архивной и библиотечной обработки информации. В пользу такого подхода высказывалась и российский исследователь Ю.Ю. Юмашева, отметив, что для того чтобы обезопасить историческое сообщество от возможности потери многих печатных версий исторических источников, необходимо «заблаговременно «навести мосты» между традиционной библиотечно-архивной культурой и культурой информационного пространства». Следует отметить, что более 10 лет крупнейшие информационные центры мира, в том числе библиотеки, для описания ресурсов Интернета используют небезызвестный формат Dublin core. Этот формат принят Консорциумом Всемирной паутины и может распространяться на всех, кто описывает ресурсы Интернета в целях каталогизации. Историки-исследователи Казахстана уже обращают свое внимание на этот формат и, вполне возможно, его могут взять за основу для идентификации исторических ресурсов, размещаемых в Интернете.

В настоящий момент многие историки — специалисты в области источниковедения полагают, что можно рассматривать два основных вида исторических источника, представленных в Интернет-сетях:

- электронные аналоги печатных исторических источников, имеющих в фондах архивов, библиотек, музеев, научно-исследовательских институтов и т.п.;
- специализированные веб-сайты, где размещаются исторические материалы, включая электронные аналоги исторических источников.

Переводом печатных источников в цифровой формат сегодня занимаются практически все, кто размещает исторический материал в электронных сетях. Это архивы, библиотеки, объединения историков, авторитетные ученые, отдельные молодые энтузиасты, преподаватели исторических факультетов вузов и даже студенты. Уровень представляемых электронных аналогов исторических документов напрямую зависит от научной и информационной культуры создателя электронной копии. Не вызывает сомнения та копия, которая имеет ссылку на печатный первоисточник с грамотным его библиографическим описанием. Создатели современных электронных ресурсов исторической тематики в начале электронной копии источника стали размещать его изображение — обложку или титульный лист, для большей достоверности и то и другое, и даже оглавление источника. Это вызывает доверие у пользователей. В последнее время становится ясно, что необходимо указание фондов, где хранятся печатные варианты источников — библиотек, архивов, музеев и т.д. Скорее всего, это совершенно уместное предложение, так как любой серьезный ученый, ссылаясь на источники, его описание стараются осуществлять *de visu*, т.е. непосредственно с документа. Это означает, что необходимо определиться и с тем, какие сведения о библиотеке или другом учреждении-фондодержателе необходимо представлять в Интернете. Не меньше споров вызывает вопрос: в каких форматах представлять электронные аналоги исторических документов в глобальной сети. Ведь общеизвестно, что многие исторические источники представляются в таких форматах, когда возможны различная правка, редактирование, например, разбивка по абзацам и т.д. Это особенно актуально теперь, когда на государственном уровне в разных странах принимаются решения о переводе в электронный формат фондов целых библиотек и, естественно, крупнейших, особенно мировых, с колоссальными фондами первичных документов. Думается, что решение всех этих проблем не более чем вопрос времени.

Сущностное понимание исторического источника состоит в том, что на основе информации, получаемой из этого источника, реконструируется прошлое человечества. Исторические же документы, размещенные в сети Интернет, как и сами Интернет-ресурсы, являются одним из видов электронных документов. Известный российский исследователь И.Ф. Юшин справедливо полагает, что «самым важным вопросом остается необходимость соблюдения требований целостности и подлинности информации», тогда как современное развитие информационных технологий лишает документ самого главного — «свидетельств аутентичности и подлинности». Основопологающим для понимания понятий «электронный документ», «электронная информация», «ресурсы Интернета» с исторической точки зрения является целенаправленно зафиксированная информация для изучения событий, фактов, общественных и других явлений. Поэтому понятно, почему историки серьезное внимание стали обращать на необходимость выявления определенных характеристик Интернет-ресурсов как исторических источников. В условиях высоких темпов роста информации и обновления программных средств, и особенно форматов для сохранения информации, невозможно постоянно заниматься пере- архивацией всех Интернет-версий исторических источников.

Все это, на первый взгляд, ставит под сомнение подход к Интернет-ресурсам как к историческим источникам. Но дальнейшее изучение вопроса показывает, и может тому свидетельство создание цифровой библиотеки на основе всего фонда библиотеки Конгресса США, что разрабатываются и внедряются такие технологии, когда

электронный аналог печатных источников, размещенных в Интернете, может быть неприкосновенен с точки зрения возможности редактирования и обладать высоко идентифицирующими признаками. Эта проблема лежит в основе дискуссий исторического сообщества всего мира, в частности, России и, в меньшей мере, Казахстана. И несмотря на дискуссионность вопроса, следует отметить, что сегодня тысячи историков ежедневно обращаются к ресурсам глобальной сети, цитируют информацию из ее недр, используют в образовательной и исследовательской деятельности. В научных целях используются не только библиография и библиотечные каталоги, но и электронные библиотеки, журналы и многое другое. В связи с этим назрела проблема совершенствования поисковой системы по разысканию исторических источников в сети. Не все форматы предоставления электронной информации позволяют сохранять нумерацию страниц, что делает недоступным источник для научного цитирования из-за невозможности оформления ссылок. Значит, в целях сохранения нумерации страниц первоисточников документы в глобальной сети необходимо представлять в соответствующем формате, например, tiff, но при этом невозможен будет поиск документа по ключевому слову или словосочетанию. Опытному пользователю известно, какой информационный шум создается обычно при поиске информации в глобальной сети, так как компьютер, получив команду в виде ключа, выкладывает весь список материалов, где даже вне логики встречается заданное слово. Несмотря на колоссальные темпы развития сетевых ресурсов, несовершенство поисковых систем постоянно находится в поле зрения администраторов справочников всемирной паутины.

На наш взгляд, особенно большой интерес представляет Интернет для изучения истории повседневности. События, происходящие в Казахстане и за его пределами, находят отражение в электронных газетах, а газета сама по себе является массовым источником исторической информации. Телевизионные каналы, оповещающие весь мир о событиях сегодняшнего дня, имеют свои представительства в глобальной сети, материалы которых также изучаются историками. В Интернете публикуются материальные источники информации как свидетельства, еще не вошедшие в учебники и монографии. Речь идет о фотографиях, изображениях культурных ценностей, зарисовках, схемах и даже видеofilmах, сделанных с «места события». Все это не что иное как исторические документы, которые при необходимости можно сохранять и распечатывать для научных целей, с фиксацией времени появления информации и точного электронного адреса. Известно, что целый ряд периодических изданий выходит только в Интернете, а материалы научных конференций историков, в частности, проводимых в рамках АИК, многим ученым доступны лишь через глобальную сеть, так как небольшие тиражи, отсутствие продаж или финансовые затруднения не позволяют приобрести их для библиотеки или в личное пользование. Безусловно, в дальнейшем требуется разработка новых методов источниковедческого изучения этих материалов.

Для изучения электронного аналога печатного издания исторического источника, представленного в Интернете, и его описания предлагаются следующие характеристики:

- название документа;
- автор;
- датировка;
- аннотация;
- формат, в котором представлен документ;
- библиографическое описание имеющегося печатного издания;
- адрес сайтов, на котором размещены документы;
- примечания.

Представленная схема описания не нуждается в пояснениях, так как основные позиции являются традиционными для источниковедческого анализа. Следует лишь отметить, что аннотация, пожалуй, должна быть краткой, но информационно насыщенной.

В примечании может быть указано, где хранится печатное издание исторического источника.

Веб-сайты исторической направленности являются самостоятельными и официально признанными Интернет-ресурсами. Авторство этих ресурсов практически всегда известно, что находит подтверждение у многих историков-исследователей ресурсов всемирной паутины. Другое дело, что необходимо укрепить статус участников создания сайта – автора размещаемых материалов, разработчиков, дизайнеров и т.д., как это делается при создании библиографической записи для библиотечного каталога. Имеющиеся веб-сайты посвящены какому-либо событию, теме или историческому периоду. Помимо авторского материала, на них часто размещают и исторические источники по рассматриваемой теме. Благодаря этому ресурс становится еще более ценным. Надо отметить, что вебсайты в источниковедческом плане можно рассматривать и изучать по темам, сюжетам, историческим периодам, географии (как создания, так и изучаемой местности), качеству представляемого материала, типу ресурса. По типам сетевые ресурсы можно ранжировать на представительские, научные, образовательные. Имеется большое число научно-популярных и развлекательных ресурсов, которые не представляют большого интереса для ученых-историков. Имеется и целый ряд персональных исторических веб-ресурсов, зарекомендовавших себя только с лучшей стороны, поскольку авторы заявляют о себе как серьезные историки (в сети их называют экспертами) и «нарабатывают» авторитет в профессиональном сообществе. Распределение сайтов по типам очень важно для современного источниковедческого анализа. Подобная типизация достаточно устоялась в научной среде, но вполне возможно появление новых, непохожих на ныне существующие, сайтов.

Надо признать, что в Интернете имеют место и любительские исторические сайты. И, как отмечают некоторые ученые-историки, занимающиеся вебографией, «работа с ними требует более тщательной источниковедческой критики, чем работа с профессиональными научными сайтами». Профессионально разработанные сайты создаются с привлечением историков, специализирующихся на вопросах исторической информатики, а также специалистов-дизайнеров, что встречается достаточно редко, так как они требуют немалых финансовых затрат. Это могут позволить себе лишь солидные организации и учреждения, например, научно-исследовательские институты (Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова и др.).

Веб-сайт, специализированный на размещении исторических материалов, структурирован. Почти всегда присутствует раздел или рубрика «Электронная библиотека», где размещаются подборки полных текстов исторических документов, включая публикации ученых дискуссионного характера. На сайтах одновременно может быть представлена самая разнотиповая информация – и текстовая, и графическая, аудио- и видеоинформация, что обогащает ресурс, дополняет его. Большое место занимают ссылки на адреса похожих сайтов, например, архивов, центров научно-технической информации или библиотек. Это повышает информативность ресурса, он выступает в роли «советчика» или консультанта, и таким образом расширяются поисковые возможности веб-сайта. Очень важным является наличие рубрики «Новости», так как все большее число историков-исследователей обращаются к одним и тем же сайтам и хотят отслеживать все новое по данной теме. Пожалуй, это одна из самых трудоемких работ — систематически выявлять и обобщать новые материалы по теме сайта и регулярно размещать их на своей страничке в сети. Информативность сайта повышается и благодаря материалам справочного характера, например, об авторах источника, о его переизданиях, истории создания документа или поступления в фонд архива или библиотеки. Это говорит о разносторонности интересов авторов сайта и научности созданного ресурса. Правда, такого рода материал на веб-сайтах размещается еще редко, хотя зачастую необходим, особенно для развития новой информационной культуры ученых и создателей ресурсов. Историк-исследователь серьезное внимание уделяет вопросу, присутствует ли

дополнительная библиография по основной теме ресурса? Если да, то какие источники включены в список.

Из вышесказанного следует, что представление о сайте как историческом ресурсе дает его описание с набором обязательных элементов. Полноту информации для источниковедческого анализа, возможно, обеспечит следующая схема описания:

- название веб-сайта;
- авторы, включая разработчика, дизайнера, администратора;
- дата создания или появления в сети;
- характер ресурса по тематике включаемых материалов;
- тип ресурса;
- тип размещаемой информации;
- аннотация;
- адрес в сети;
- примечания, где можно представлять любые дополнительные сведения.

Предлагаемые схемы описания выше обозначенных исторических Интернет-ресурсов отличаются друг от друга, что совершенно понятно. Это является свидетельством верного подхода к выделению двух основных видов исторических ресурсов, представляемых в глобальной сети – электронных аналогов печатных изданий исторических источников и веб-сайтов исторической направленности. В описании второго вида источника отсутствует пункт «формат», так как веб-сайт всегда является html документом. Отсутствует и пункт «Библиографическое описание печатного издания», поскольку веб-сайт, по определению, не может иметь печатной версии. Практика, правда, показывает, что заглавная страничка сайта и некоторые его фрагменты распечатываются на принтере и используются в демонстрационных и учебных целях в печатных версиях научных статей или учебников. Позиции «Тип ресурса», «Тип размещаемой информации», «Характер ресурса по тематике включаемых материалов» не могут быть отнесены к первому виду ресурсов Интернета, так как являются первоисточниками.

Анализ имеющихся в глобальной сети ресурсов казахстанских историков свидетельствует о том, что историческая наука Казахстана недостаточно представлена во всемирной паутине. Но сетевые ресурсы по истории одновременно являются и ресурсами для историков. Перед профессиональными историками стоит важная задача — создание специализированных веб-сайтов и проблемно ориентированных баз данных, размещение в глобальной сети цифровых аналогов печатных изданий исторических источников, так богато представленных в библиотеках, архивах и музеях Казахстана и мира. Но не менее важна в настоящий момент и разработка новейших методик источниковедческого анализа исторических ресурсов о нашей стране в Интернете. Это поможет ученым привлекать к исследованиям самые различные исторические источники. Необходимо наладить открытый обмен мнениями ученых на те или иные исследования, а также на учебные, библиографические и справочные издания, публикуемые в печати и Интернете. Уровень внедрения информационных технологий в казахстанскую науку позволяет это делать по глобальной сети, тем более, что в настоящий момент известны самые различные подходы к периодизации истории и развитию казахского государства, к интерпретации тех или иных исторических событий. Ученым-историкам становятся доступными все новые и новые исторические источники, а также результаты последних археологических раскопок и архивных исследований.

Сегодня трудно представить дальнейшее развитие исторической науки без информационных технологий и информации из всемирной паутины, которую отличает непрерывная подвижность, яркость новизны и максимальная приближенность к своему пользователю. Вся историческая информация Интернет-сети требует изучения, благодаря чему определенная ее часть, как уникальная, должна быть сохранена для будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

1. **Голиков, А.Г.** Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с. – ISBN 978-5-7695-9067-2

2. **Голиков, А.Г.** Методика работы с историческими источниками [Текст] : учебное пособие / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-4468-0233-3

б) дополнительная литература

3. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика [Текст]: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с. – ISBN 5-06-004521-8

4. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2

5. **Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В.** Источниковедение / И.Н.Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с. – ISBN 5-7281-0090-2

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	С. 3
ТЕМА 1	
Источник и источниковедение в историческом познании.....	С. 4-7
ТЕМА 2	
Классификация исторических источников.....	С. 8-10
ТЕМА 3	
Критика источника.....	С. 11-18
ТЕМА 4	
Русские летописи как исторический источник.....	С. 19-23
ТЕМА 5	
Публицистические памятники XV-XVII вв.	С. 24-28
ТЕМА 6	
Древнерусская литература как исторический источник.....	С. 29-35
ТЕМА 7	
Актовые материалы Древней Руси и России X-XVII вв.....	С. 36-42
ТЕМА 8	
Законодательные акты XVIII- XIX в.....	С. 43-48
ТЕМА 9	
Делопроизводственная документация.....	С. 49-55
ТЕМА 10	
Статистические источники.....	С. 56-62
ТЕМА 11	
Мемуарная литература XVIII– начала XX в.....	С. 63-71
ТЕМА 12	
Источники советского периода.....	С. 72-77
..	
ТЕМА 13	
Особенности периодической печати советского времени.....	С. 78-82
..	
ТЕМА 14	
Программные, уставные и директивные документы политических партий....	С. 83-89 и общественных организаций
ТЕМА 15	
Использование архивных источников и сайтов Internet.....	С.90-101